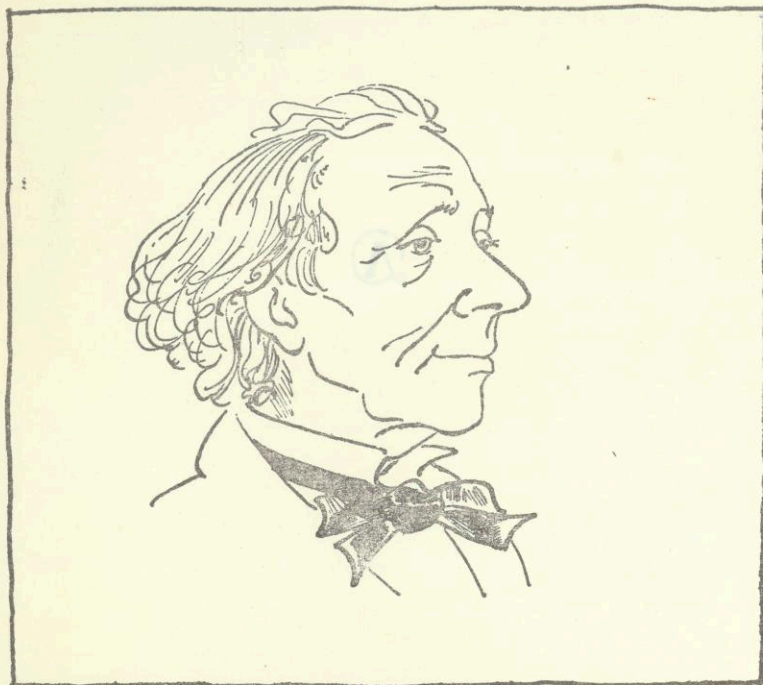

Х.-К. АНДЕРСЕН

СКАЗКИ

Ханс Кристиан Андерсен
(1805—1875)

Х. К. АНДЕРСЕН

СКАЗКИ

Перевод с датского

Азербайджанская Республиканская
Библиотека
Инв. № 226965

Москва

«Детская литература»

1991

Вступительная статья

В. ФИНИКОВА

Рисунки

В. КОНАШЕВИЧА и В. САМОЙЛОВА

Переплет

В. САМОЙЛОВА

ХАНС КРИСТИАН АНДЕРСЕН

Так вот, на одной из узких улиц датского городишка Оденсе, что приютился на холмистом острове Фюн, стоял когда-то ветхий дом, крытый замшелой почерневшей черепицей. Жила в нём молодая чета — муж и жена, бесконечно любившие друг друга. Это были — молодой, двадцатидвухлетний башмачник, богато одарённая поэтическая натура, и его жена, отличавшаяся редким сердцем. Муж совсем недавно вышел в мастера и собственными руками сколотил всю обстановку в своём доме. В этом-то доме, под унылый перезвон городских колоколов, и появился на свет 2 апреля 1805 года горластый мальчишка, которого нарекли Хансом Кристианом. Вы, конечно, уже догадываетесь, что это был не кто иной, как будущий великий датский сказочник Ханс Кристиан Андерсен.

Маленький Христиан не был баловнем судьбы: ведь весёлый башмачник никогда не мог похвалиться лишним достатком и нужда была постоянной гостьей в доме Андерсенов. Впрочем, все эти грустные житейские проблемы мало тревожили тихого, задумчивого мальчика, ибо ни отец, ни мать, ни бабушка не мешали ему заниматься своими обычными ребячьими делами. Однако из этих бесчисленных дел он предпочитал одно — забиться куда-нибудь в укромный уголок и там помечтать. А мечтал он обо всём на свете. Он придумывал необыкновенные истории и, не решаясь пока поведать их взрослым, рассказывал старому ленивому коту Карлу. Кот Карл был вполне подходящим слушателем, жаль только, что частенько засыпал, так и не узнав конца очередной истории, и, понятное дело, не мог оценить по достоинству все невероятные приключения, в которых участвовали и добрые волшебники, и злые ведьмы, и стойкие оловянные солдатики, и порхающие бумажные балерины, и молчаливые белоснежные лебеди.

Мальчик знал, что все эти истории называются сказками. Ведь отец сам познакомил его с баснями знаменитого французского баснописца Лафонтена, со сказками «Тысяча и одна ночь», а мать и бабушка, не отставая от отца, рассказывали ему другие прекрасные сказки — народные.

А однажды случилось незабываемое: Ханс Кристиан побывал в городском театре. Игра актёров, сама пьеса с таким увлекательным названием «Дунайская дева», яркие огни ламп в зале, красочные декорации, грохот музыки — всё это ошеломило его. Казалось, будто из хмурого городишка Оденсе, пропахшего северными ветрами и сосновой хвоей, попал он прямо в захватывающую сказку. Он готов был смотреть эту сказку, ожившую на театральных подмостках, хоть каждый вечер, но для этого нужны были деньги, а денег у него не было. Тогда он создал свой домашний кукольный театр и стал там неограниченным властелином — и автором, и постановщиком, и художником, и музыкантом. Но такое занятие не тяготило его, наоборот — нравилось, давая выход его необузданной фантазии, позволяя увидеть наяву созданных в своём воображении героев — всех этих лохматых злодеев с мечом в руках, капризных принцесс, добрых фей с большими грустными глазами. Какие только удивительные сказки не ставил он на домашних «подмостках»! И это сослужило ему добрую службу в будущем.

Когда Кристиан не был занят в своём театре, то обычно убегал на старую мельницу и сидел там часами, прислушиваясь к хрипу мельничных, источенных водой, колёс, вглядываясь в зеленую ленивую воду. Подогнув коленки, он сидел и молчал, а в голове у него проносились захватывающие видения, некоторые из них наверняка найдут потом своё место в его сказках. Там же, под вечную воркотню старой мельницы или под заунывный шум сосен на вершинах холмов острова Фюн, а может, среди душистых лип или жёлтых задумчивых кувшинок, тихо колыхавшихся на покрытой ряской воде, научился он подмечать, казалось бы, давно примелькавшиеся вещи. Не в пример многим, он видел, как прекрасна ветка сосны, усыпанная душистыми острыми иголками, как переливаются жемчугом самые обыкновенные капли воды на скрипучем мельничном колесе, как ласково гладит ветер упругие зелёные травинки, как

весело перешёптываются молоденькие листья липы, как стремительно несётся по синему небу белое, пушистое облако, похожее на прекрасного лебедя, как призывно поблёскивает на гранитном камне глазок слюды. Ничто не укрывалось от его пронизательного взора. Вот поэтому-то каждый увиденный им предмет жил для него своей особой, неповторимой жизнью, и все эти травинки, цветы, жуки, вещи, животные становились для него понятными, обладающими своим характером, историей, привычками.

Недаром потом он скажет: «Часто мне кажется, будто каждый плетень, каждый самый маленький цветок говорит мне: «Только взгляни на меня, и тебе откроется история всей моей жизни». И действительно, стоит мне сделать так, как они велят, и рассказ о любых из них готов». Впрочем, так он скажет позже, много позже, а пока... Пока вернёмся в его детство.

В детские годы Кристиан часто грезил наяву. Однако рядом с грёзами была и другая жизнь, будничная и суровая. Кристиан подрастал, и мать, непременно хотевшая сделать из него хорошего портного, учила его шить и кроить. Его даже устроили работать на швейную фабрику, но проку из этого не вышло. Разве только он научился хорошо шить костюмы для своих кукольных героев и героинь. Потом он работал на табачной фабрике, но и это пришлось не по душе мальчику. Судьба его была ещё сокрыта от него самого и от людей.

Так подошёл 1819 год, а вместе с ним и та тёмная, глухая ночь, когда под монотонную песню запечного сверчка ушёл навсегда из жизни его отец, весёлый башмачник. Всю ночь проплакал над ним Кристиан.

А потом... потом была беспросветная нужда, нищенские заработки матери-прачки, учёба в школе для бедных и, конечно, мечты, мечты... В школе было тоже не весело — ведь там «преподавали, — по его словам, — только закон божий, письмо и арифметику, да и то довольно плохо». Ему, «сочинителю комедий», как его прозвали в классе, нестерпимо хотелось поступить в театр. И тогда, отпросившись у матери, он отправляется в столицу Дании Копенгаген, втайне надеясь стать актёром.

Копенгаген принял непрошеного гостя неласково. Четыр-

надцатилетнему Андерсену не удалось попасть в театр: область искусства оставалась для него пока ещё недостижимой мечтой. Но нескладный юноша с задумчивыми серыми глазами и прыгающей походкой был упорен. Он ни за что не соглашался с теми, кто советовал ему вернуться домой. Ничего... Он потерпит, он подождёт, но всё-таки попадёт в заветное место — театр. А пока он берётся за столярное ремесло и лишь потом приходит в театр, чтобы стать там чуть ли не всем, чем был уже в своем кукольном театре, — и певцом, и декламатором, и статистом, и танцором, и драматургом, и поэтом. И всё это время зреет мысль: нужно непременно завершить образование. С величайшим трудом выхлопотав крохотную стипендию, Андерсен блестяще заканчивает гимназию, а потом и Копенгагенский университет, получив при этом звание магистра философии.

В эти же годы он сделал первые шаги на литературном поприще. Поначалу в творениях молодого начинающего писателя ещё чувствовалось влияние любимых писателей-романтиков — Вальтера Скотта, Гофмана и Гейне, и ему, метавшемуся в поисках настоящего пути, потребовался немалый срок, дабы избавиться от этого влияния, обрести собственный голос. И кто знает, не открыло ли ему глаза на самого себя шутовское замечание одного датского поэта: «Вы обладаете драгоценной способностью находить жемчуг в любой сточной канаве». Общеизвестно, что в каждой шутке есть доля истины, а в данном случае это была сама истина. Андерсен действительно умел всегда найти, увидеть в самом, казалось бы, заурядном, ничем не примечательном явлении или в каком-нибудь невзрачном предмете что-нибудь интересное, любопытное, хорошее.

И примечательно, что, видя, он умел ещё и радоваться этому, как всегда радовался жизни, которую считал великим чудом из чудес. «Жизнь — прекрасна!» — восклицал он, и никакие обиды и огорчения, которых у него хватало, не могли поколебать этой убеждённости.

Да, огорчений и обид ему хватало. И даже не потому, что он мучительно искал своё творческое «я». Его возмущало и оскорбляло другое — нарочитое пренебрежение господ от литературы к его произведениям. Этим господам явно были не по нутру злободневность, меткость, ироничность его первых рома-

нов, драм, стихов, пропитанных поистине демократическим духом. Их шокировало, что этот выходец из народа, сын простого сапожника, позволяет себе писать «подлым» языком — языком народа. Им претило «плебейское» происхождение Андерсена. Это они истошно вопили: «Он безграмотен!» Это они пытались замалчивать его, клеветали на него. Нет ничего удивительного, что впоследствии Андерсен скажет: «Как горец вырубает ступеньки в гранитной скале, так и я медленно и тяжело завоевывал своё место в литературе» — и тут же признается, что ему не раз приходилось испить чашу горечи по вине его «собратьев» по перу.

Как видите, путь его не был усыпан розами, но всё-таки упорство победило. И вот, в 1829 году вышла его книжка «Прогулка на остров Амагер», на страницах которой ярко вспыхнул «пёстрый рой фантазий». В этой небольшой книжечке уже не чувствовалось влияния Вальтера Скотта, Гейне или Гофмана. В ней звучал настоящий, доподлинный Андерсен. Сын весёлого башмачника обрёл наконец свой голос.

На полученный гонорар он отправился в путешествие по Дании, а в 1831 году поехал в Германию, чтобы хоть на время позабыть о своих литературных противниках — признанных тогда писателях, поэтах. Но не только из-за этого — он хотел повидать иные земли, иных людей. Любопытный от природы, жизнелюбивый, он жаждал посмотреть всё, что можно, всё изучить, всё почувствовать, ощутить биение пульса незнакомой ему жизни. Недаром он двадцать девять раз покидал родную Данию, пускаясь в далёкие или близкие путешествия. Он посетил Францию, Англию, Италию, Португалию, Грецию, Малую Азию и даже Африку. По пути он неизменно завязывал знакомства с выдающимися людьми своего времени, и это пусть даже иногда мимолётное общение всегда наполняло его душу волнующим трепетом, ощущением непередаваемого счастья и радостной уверенности в своих силах.

В Париже он побывал у Виктора Гюго и Бальзака, познакомился с Генрихом Гейне, с Александром Дюма, со своим знаменитым соотечественником — скульптором Торвальдсенем. В туманном Лондоне навестил Диккенса. Ему играли свои произведения великие композиторы — Лист, Вагнер, Россини,

Шуман,— и он наслаждался их вдохновенной музыкой.

В 1835 году выпустил он тоненькую книжку своих сказок и с тех пор, до конца жизни, чуть ли не ежегодно издавал сборники сказок, тех самых сказок, которые прославили его имя.

Андерсен рассказывал: «Первый выпуск «Сказок» вышел в 1835 году... и не встретил особенного одобрения. Напротив, многие даже сожалели, что автор... опять отступил, взявшись за такие пустяки, как сказки. Словом, меня упрекали именно за то, что заслуживало поощрения и похвалы, за старание выйти на новый путь творчества». Что же раздражало и страшило чиновных литераторов? Ответ прост: злая сатира на обывателей любых оттенков — от аристократа до мещанина. Причём в сказках своих Андерсен часто имел в виду не какое-то отвлечённое, а совершенно конкретное лицо. Эти вроде бы невинные, занимательные сказочки оказывались своеобразным ящиком с двойным дном. Снаружи — этакий безобидный интересный сюжет, а внутри — яростный протест против социального зла. И не удивительно, что ещё громче зазвучал визгливый хор противников Андерсена, вопивших об отсутствии у него таланта, знаний и лицемерно советовавших Андерсену поучиться на иностранных образцах.

Но их клеветнические выпады не сбили Андерсена с толку. Он не растерялся, не озлобился, не потерял веру в людей и справедливость и, хотя жестоко страдал — «Всё хорошее во мне топтали в грязь», — всё-таки не покорился и пошёл своей дорогой. Дорогой сказочника, но не всегда добродушного и безобидного, а зачастую ироничного, едкого, насмешливого, не стеснявшегося открыть людям глаза на бытующие в их обществе социальные и житейские пороки.

Впрочем, были у него и другие сказки — те, что превозносили благородные качества человека. Были и иные — лиричные, задумчивые, поэтические...

За свою долгую жизнь — а умер Андерсен в 1875 году — он создал множество сказок. Ярких, неповторимых, увлекательных. Тонкий знаток народной поэзии, он часто раскапывал в её сокровищнице оригинальные, красочные сюжеты и, переосмыслив, использовал их в своих сказках. Но не только из народной

поэзии и фольклора черпал он необходимые для своего творчества идеи и сюжеты. Андерсен обладал ещё одним, неоценимым для подлинного сказочника свойством — великим даром импровизации. Вы уже знаете, что Андерсен любил и умел наблюдать за жизнью природы, людей и вещей, что, увидев какой-нибудь предмет, он тут же мог придумать его историю, описать его характер, его достоинства и недостатки. Это умение и давало ему стремительный толчок к импровизации, а импровизации его строились на самых обыденных жизненных фактах и событиях. Ему не нужно было возноситься в заоблачные сферы, ибо не из неё, а «из действительности, — утверждал он, — вырастают самые удивительные сказки». Вот этим-то и сильны, действенны и долговечны его сказки.

Зачастую его неудержимая фантазия облачала эту действительность поистине в искрящиеся сказочные наряды, но при этом никогда не убивала смысла, идеи, заложенной в сказке. Недаром все прекрасно понимали, что хотел сказать, осмеять или же восславить Андерсен в своих сказках. «Каждую вещь надо называть своим именем, — говорил Андерсен, — и если это опасно в действительной жизни, то надо это сделать хотя бы в сказке». И делал. И называл своими настоящими именами такие вещи, о которых стыдливо умалчивали многие из его литературных современников.

Какие же имена, понятия, какие человеческие качества — хорошие или отвратительные — стали непременным объектом его сказок? Перечень их немал.

Вот поглядите.

В поисках своего преданного друга Кая плутает по неизвестным дорогам мужественная девочка Герда из сказки «Снежная королева». Она попадает к разбойникам, живёт в мире чёрных воронов и волков, борется с морозом, мчит на олене и всё-таки добивается своей цели: спасает Кая от злых чар Снежной королевы. Это ли не достоинство, имя которого — любовь, вернее, великая сила любви, упорство и мужество!

И разве не о преданности и верности рассказывают и «Стойкий оловянный солдатик», и «Пастушка и трубочист», и «Дикие лебеди», и «Русалочка», и многие, многие другие сказки? Если вы их ещё не читали, прочитайте, и тогда сами убедитесь, что

обаятельным героям этих чудесных сказок присущи лучшие человеческие качества, которые именуются благородством, любовью, настойчивостью, твёрдостью.

Взгляните: вот плывёт по грязному ручью в бумажной лодке стойкий одноногий оловянный солдатик. Он не испугается ни наглой крысы, требующей с него пошрины, ни зубастой, грозной рыбы, ни страшного путешествия в её животе. Больше того: он с той же непоколебимой твёрдостью погибнет со своей любимой — бумажной балериной — в огнедышащей пасти пылающей печи. Оловянный солдатик погибнет, но не изменит своему долгу, ибо стойкость — главное качество его натуры.

А вот смело карабкается по своей лесенке фарфоровый трубочист, решивший показать кукле-пастушке звёздный мир ночного неба. Какие только невероятные приключения они не переживают на пути! И всё-таки мужество трубочиста побеждает: «Над ними расстиралось небо, усеянное звёздами».

И вспомните маленькую Элизу в сказке «Дикие лебеди», которая самоотверженно борется с волшебными злыми чарами, чтобы спасти своих братьев, превращённых злой королевой в диких лебедей. Или красавицу Русалочку, которая жертвует жизнью во имя великой любви к человеку...

Да, герои Андерсена обычно добиваются счастья и добиваются его благодаря присущей им смётки, мудрости, доброты и мужества, а не с помощью волшебных сил. И не удивляйтесь, что в облике этих героев всегда проглядывает лицо простого человека, словно бы вышедшего из повседневной жизни. Недаром сам Андерсен вполне серьёзно уверял, что «нет сказок лучше тех, которые создаёт сама жизнь».

Во многих его сказках рядом с обаятельными героями живут и действуют совсем иные персонажи. Злые, коварные и мстительные, они спешат уже в зародыше пригасить радость жизни, затянуть серыми облаками лицемерия или нарочитой лжи сверкающее солнце счастья. Бывает и так, что в силу своей глупости, бездушия или безразличия они невольно пытаются обесцветить ослепительные, трепетные краски подлинного бытия. Все эти отнюдь не благородные качества человеческой натуры тоже получили под пером Андерсена свои настоящие имена: пошлость, жадность, лицемерие, ограниченность, тупость, ханже-

ство. Эти качества люди не очень-то любят выставлять на свет, предпочитают скрывать их в тени.

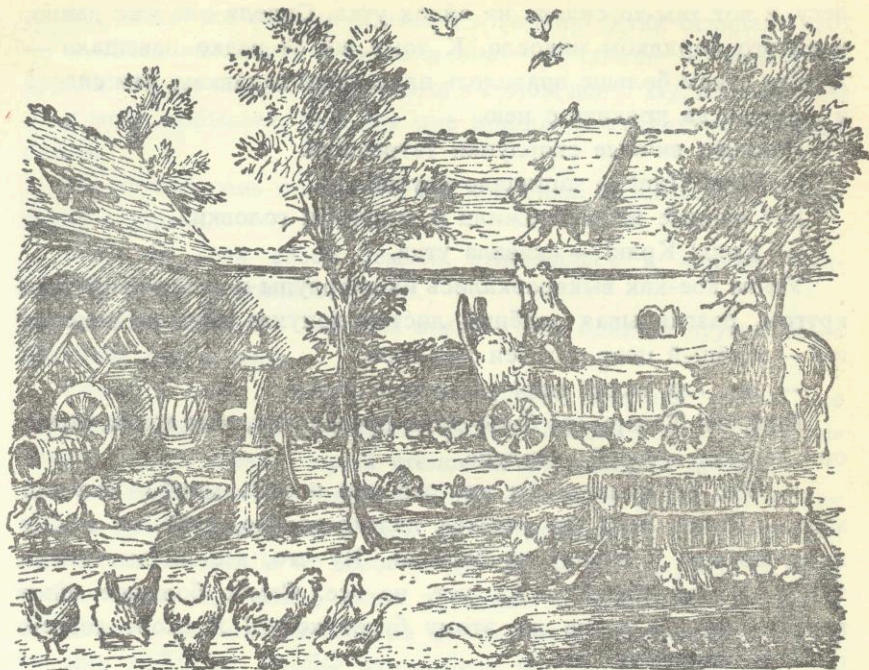
Не надо ходить далеко за примерами, чтобы убедиться: Андерсен воздал по заслугам тем, кто возводит в достоинство подобные пороки. Перелистайте эту книжку, и в «Гадком утёнке» вы увидите чванных обитателей птичьего двора, кичившихся своим «знатным» происхождением, узнаете, какие горькие испытания выпали на долю гадкого утёнка, прежде чем в нём признали, наконец, прекрасного лебедя. Кстати, история «Гадкого утёнка» — это иносказательная история жизни самого Андерсена. В «Штопальной игле» вы натолкнётесь на честолюбивую иглу, гордящуюся своей тонкостью и благородством; в знаменитом «Новом платье короля» — на мещанскую ограниченность и лицемерную тупость вельмож; в «Дюймовочке» — на спесивость крота в бархатной шубе, ненавидящего солнце и цветы. В философской сказке «Калоши счастья» вы прочтёте о несовершенстве человеческой мечты и вместе с автором посетуете на убогость воображения некоторых людей, не умеющих отличить истинное счастье от мелких житейских радостей. А в сказке «Соловей» речь пойдёт о тех, кто, не понимая подлинных ценностей, предпочитает механическую песнь золотой игрушки песне настоящего соловья... Поистине: «Позолота сотрётся, свиная кожа останется!» Словом, всего не перескажешь. Пожалуй, лишь следует упомянуть, что многие и многие из этих андерсеновских персонажей и образов давным-давно стали нарицательными. Они и не могли быть иными, раз вышли из жизни. Ведь и сказки-то его — не что иное, как своеобразное зеркало, отразившее жизнь датского общества того времени.

Люди ценят и любят сказки этого доброго, насмешливого и вдохновенного художника. Да и как не любить, как не ценить их, коли в них, простых и ясных по сюжету, метких, поэтичных, насыщенных богатыми, необычными сравнениями, чувствуется душа великого мастера слова, вышедшего из народа. Андерсен никогда не забывал, что он сын простого весёлого башмачника, жившего когда-то в захолустном городишке Оденсе, и всегда помнил, что долг его — служить народу. Прекрасно понимая значение своего творчества, зная, что он помогает людям оце-

нить подлинную красоту жизни, полюбить труд, добро, мужество, справедливость и в то же время разглядеть низменные человеческие пороки — ложь, злобу, лицемерие, глупость, он во всеуслышание заявлял: «Я чувствую, как важна и священна миссия поэта, которому дана возможность говорить тысячам».

История о трудной, но такой многогранной и яркой жизни великого сказочника Ханса Кристиана Андерсена подошла к концу. И когда вы потом будете вспоминать её, то она покажется вам ещё лучше, ещё интереснее, ибо, как говорил сам Андерсен: «С историями ведь бывает то же, что и со многими людьми, и они становятся с годами всё лучше и лучше. А это куда как хорошо!»

В. Фиников

ГАДКИЙ УТЁНОК

Хорошо было за городом! Стояло лето. На полях уже золотилась рожь, овёс зеленел, сено было смётано в стога; по зелёному лугу расхаживал длинноногий аист и болтал по-египетски — этому языку он выучился у своей матери. За полями и лугами тянулись большие леса, а в лесах были глубокие озёра. Да, хорошо было за городом!

Прямо на солнышке лежала старая усадьба, окружённая глубокими канавами с водой; от стен дома до самой воды рос лопух, да такой большой, что маленькие ребяташки могли стоять под самыми крупными из его листьев во весь рост. В чаще лопуха было так же глухо и дико, как в самом густом

лесу, и вот там-то сидела на яйцах утка. Сидела она уже давно, и ей это порядком надоело. К тому же её редко навешали — другим уткам больше нравилось плавать по канавкам, чем сидеть в лопухах да крикать с нею.

Наконец яичные скорлупки затрещали.

— Пип! Пип! — запищало внутри.

Все яичные желтки ожили и высунули головки.

— Кряк! Кряк! — сказала утка.

Утята кое-как выкарабкались из скорлупы и стали озираться кругом, разглядывая зелёные листья лопуха; мать не мешала им — зелёный цвет полезен для глаз.

— Ах, как велик мир! — сказали утята.

Ещё бы! Теперь им было куда просторнее, чем тогда, когда они лежали в своей скорлупе.

— Уж не думаете ли вы, что тут и весь мир? — сказала мать. — Какое там! Он тянется далеко-далеко, туда, за сад, в поле, но там я отроду не бывала!.. Ну что, все ли вы теперь тут? — И она встала. — Ах нет, не все. Самое большое яйцо целёхонько! Да когда же этому будет конец! Я скоро совсем потеряю терпение.

И она уселась опять.

— Ну, как дела? — спросила старая утка, которая пришла её навестить.

— Да вот с одним яйцом никак не могу справиться, — сказала молодая утка. — Всё не лопаётся. Зато посмотри-ка на малюток! Просто прелесть! Все, как один, — вылитый отец.

— А ну-ка покажи мне яйцо, которое не лопаётся, — сказала старая утка. — Поверь мне, это индюшечье яйцо. Вот точно так же и меня однажды провели. И хлопот же мне было с этими индюшатами! Я никак не могла заманить их в воду. Уж я крикала, крикала — не идут, да и конец! Дай-ка я еще раз взгляну. Ну, так и есть! Индюшечье! Брось-ка его да ступай учи своих деток плавать!

— Нет, уж я лучше посижу ещё немного, — сказала молодая утка. — Я столько сидела, что можно и ещё посидеть.

— Ну и сиди! — сказала старая утка и ушла.

Наконец лопнуло и большое яйцо.

— Пип! Пип! — пропищал птенец и вывалился из яйца.

Но какой же он был большой и гадкий! Утка оглядела его. — Ужасно велик! — сказала она. — И совсем не похож на других! Уж не индюшонок ли это, в самом деле? Ну, да в воде-то он у меня побывает, хоть бы мне пришлось столкнуть его туда силой!

На другой день погода стояла чудесная, зелёный лопух был залит солнцем.

Утка со всей своей семьёй отправилась к канаве. Бултых! — и она очутилась в воде.

— Кряк! Кряк! — позвала она, и утята один за другим тоже бултыхнулись в воду.

Сначала вода покрыла их с головой, но они сейчас же вынырнули и отлично поплыли вперёд. Лапки у них так и работали. Даже гадкий серый утёнок не отставал от других.

— Какой же это индюшонок? — сказала утка. — Вон как славно гребёт лапками! И как прямо держится! Нет, это мой собственный сын. Да он вовсе не дурён, как посмотришь на него хорошенько. Ну, живо, живо за мной! Я сейчас введу вас в общество — мы отправимся на птичий двор. Только держитесь ко мне поближе, чтобы кто-нибудь не наступил на вас, да берегитесь кошек!

Скоро добрались и до птичьего двора. Батюшки! Что тут был за шум! Два утиных семейства дрались из-за одной головки угря. И в конце концов эта головка досталась кошке.

— Так-то всегда бывает на белом свете! — сказала утка и облизнула язычком клюв — она и сама была не прочь отведать угриной головки. — Ну-ну, шевелите лапками! — сказала она утятам. — Крякните и поклонитесь вон той старой утке! Она здесь знатнее всех. Она испанской породы и потому такая жирная. Видите, у неё на лапке красный лоскуток. Как красиво! Это высшее отличие, какого только может удостоиться утка. Это значит, что её не хотят потерять, — по этому лоскутку её сразу узнают и люди и животные. Ну, живо! Да не держите лапки вместе! Благовоспитанный утёнок должен выворачивать лапки наружу, как отец и мать. Вот так! Смотрите! Теперь наклоните головки и скажите: «Кряк!»

Они так и сделали. Но другие утки оглядели их и громко заговорили:

— Ну вот, ещё целая орава! Точно без них нас мало было! А один-то какой безобразный! Его уж мы никак не потерпим!

И сейчас же одна утка подлетела и клюнула его в шею.

— Оставьте его! — сказала утка-мать. — Ведь он вам ничего не сделал!

— Положим, но он такой большой и странный! — прошипела злая утка. — Ему надо задать хорошенько.

— Славные у тебя детки! — сказала старая утка с красным лоскутком на лапке. — Все очень милы, кроме одного... Этот не удался! Хорошо бы его переделать!

— Это никак невозможно, ваша милость! — ответила утка-мать. — Он некрасив, но у него доброе сердце. А плавает он не хуже, смею даже сказать, — лучше других. Я думаю, со временем он выровняется и станет поменьше. Он слишком долго пролежал в яйце и потому не совсем удался. — И она почесала ему спинку и разгладила пёрышки. — Кроме того, он селезень, а селезню красота не так уж нужна. Я думаю, он вырастет сильным и пробьёт себе дорогу.

— Остальные утята очень, очень милы! — сказала старая утка. — Ну, будьте как дома, а если найдёте угриную головку, можете принести её мне.

Вот утята и стали вести себя как дома. Только бедного утёнка, который вылупился позже других и был такой гадкий, задевали решительно все. Его клевали, толкали и дразнили не только утки, но даже и куры.

— Слишком велик! — говорили они.

А индийский петух, который родился со шпорами на ногах и потому воображал себя императором, надулся и, словно корабль на всех парусах, подлетел прямо к утёнку, поглядел на него и сердито залопотал; гребешок у него так и налился кровью.

Бедный утёнок просто не знал, что ему делать, куда деваться. И надо же ему было уродиться таким гадким, что весь птичий двор смеётся над ним!

Так прошёл первый день, а потом стало ещё хуже. Все гнали бедного утёнка, даже братья и сёстры сердито говорили ему: «Хоть бы кошка утащила тебя, несносный урод!» А мать прибавляла: «Глаза бы мои тебя не видели!» Утки щипали его, куры

клевали, а девушка, которая давала птицам корм, отталкивала его ногою.

Наконец утёнок не выдержал, перебежал двор — и через изгородь! Маленькие птички испуганно вспорхнули из кустов.

«Они испугались меня — такой я безобразный!» — подумал утёнок и пустился с закрытыми глазами дальше. Он бежал до тех пор, пока не очутился в болоте, где жили дикие утки. Здесь он пролежал всю ночь. Он устал, и ему было очень грустно.

Утром дикие утки поднялись из гнёзд и увидели нового товарища.

— Это что за птица? — спросили они.

Утёнок вертелся и кланялся во все стороны, как умел.

— Ну и гадкий же ты! — сказали дикие утки. — Впрочем, нам до этого нет дела, только не вздумай, пожалуйста, породниться с нами.

Бедняжка! Где уж ему было и думать об этом! Только бы позволили ему посидеть тут в камышах да попить болотной водицы.

Так просидел он в болоте два дня. На третий день туда прилетели два диких гусака. Они только недавно вылупились из яиц и поэтому очень важничали.

— Слушай, дружище! — сказали они. — Ты такой смешной урод, что, право, нравишься нам! Хочешь бродить с нами и быть вольной птицей? Здесь поблизости есть другое болото, там живут премиленькие дикие гусыни-барышни. Они умеют говорить: «Рап, рап!» Ты такой урод, что, чего доброго, будешь иметь у них большой успех.

Пиф! Паф! — раздалось вдруг над болотом, и оба гусака упали в камыши мёртвыми; вода покраснела от крови. Пиф! Паф! — раздалось опять, и из камышей поднялась целая стая диких гусей. Пошла пальба. Охотники окружили болото со всех сторон; некоторые из них засели даже в нависших над болотом ветвях деревьев. Голубой дым облаками окутывал деревья и стлался над водой. По болоту бегали охотничьи собаки — шлёп! шлёп! Камыш и осока качались из стороны в сторону. Бедный утёнок был ни жив ни мёртв от страха. Он хотел было спрятать голову под крылышко, как вдруг прямо перед ним очутилась охотничья собака с высунутым языком и сверкающими злыми

глазами. Она посмотрела на утёнка, оскалила острые зубы — и шлёп! шлёп! — побежала дальше.

«Не тронула,— подумал утёнок и перевёл дух.— Видно, я такой безобразный, что даже собаке противно съесть меня!»

И он притаился в камышах. Над головою его то и дело свистела дробь, раздавались выстрелы.

Пальба стихла только к вечеру, но утёнок долго ещё боялся пошевеливаться.

Прошло несколько часов. Наконец он осмелился встать, осторожно огляделся и пустился бежать дальше по полям и лугам. Дул такой сильный ветер, что утёнок еле-еле мог двигаться.

К ночи он добежал до бедной избушки. Избушка до того обветшала, что готова была упасть, да не знала, на какой бок, потому и держалась.

Ветер так и подхватывал утёнка — приходилось упираться в землю хвостом.

К счастью, он заметил, что дверь избушки соскочила с одной петли и висит так криво, что можно свободно проскользнуть через эту щель в избушку. Так он и сделал.

В избушке жила старуха со своим котом и курицей. Кота она звала сыночком; он умел выгибать спину, мурлыкать и даже испускать искры, но для этого надо было погладить его против шерсти. У курицы были маленькие, коротенькие ножки, и потому её так и прозвали Коротконожкой; она прилежно несла яйца, и старушка любила её, как дочку.

Утром чужого утёнка заметили. Кот начал мурлыкать, а курица клохтать.

— Что там? — спросила старушка. Она осмотрелась кругом и увидела в углу утёнка, но по слепоте своей приняла его за жирную утку, которая отбилась от дому.

— Вот так находка! — сказала старушка.— Теперь у меня будут утинные яйца, если только это не селезень. Ну, да увидим, испытаем!

И утёнка приняли на испытание. Но прошло недели три, а яиц всё не было.

Настоящим хозяином в доме был кот, а хозяйкой курица, и оба всегда говорили: «Мы и весь свет!» Они считали самих

себя половиной всего света, и притом лучшей половиной. Правда, утёнку казалось, что можно на этот счёт быть и другого мнения. Но курица этого не допускала.

— Умеешь ты нести яйца? — спросила она утёнка.

— Нет.

— Так и держи язык на привязи!

А кот спросил:

— Умеешь ты выгибать спину, испускать искры и мурлыкать?

— Нет.

— Так и не суйся со своим мнением, когда говорят умные люди!

И утёнок сидел в углу нахохлившись. Вдруг ему вспомнился свежий воздух, вспомнилось солнышко, и ему страшно захотелось поплавать. Он не выдержал и сказал об этом курице.

— Да что с тобой? — спросила она.— Бездельничаешь, вот тебе в голову и лезет всякая чепуха! Неси-ка яйца или мурлычь, дурь-то и пройдёт!

— Ах, плавать так приятно! — сказал утёнок.— Такое удовольствие нырнуть вниз головой в самую глубину!

— Вот так удовольствие! — сказала курица.— Ты совсем с ума сошёл! Спроси у кота — он умнее всех, кого я знаю,— нравится ли ему плавать и нырять. О себе самой я уж и не говорю! Спроси, наконец, у нашей старушки госпожи, умнее её уж наверно никого нет на свете! Она тебе скажет, любит ли она нырять вниз головой в самую глубину.

— Вы меня не понимаете! — сказал утёнок.

— Если уж мы не понимаем, так кто тебя поймёт! Что ж, ты хочешь быть умнее кота и нашей госпожи, не говоря уже обо мне? Не дури, а будь благодарен за всё, что для тебя сделали! Тебя приютили, пригрели, ты попал в такое общество, в котором можешь кое-чему научиться. Но ты пустая голова, и разговаривать с тобой не стоит. Уж поверь мне! Я желаю тебе добра, потому и браню тебя. Так всегда узнаются истинные друзья. Старайся же нести яйца или научись мурлыкать да испускать искры!

— Я думаю, мне лучше уйти отсюда куда глаза глядят,— сказал утёнок.

— Ну и ступай себе! — отвечала курица.

И утёнок ушёл. Он плавал и нырял вниз головой, но все вокруг по-прежнему смеялись над ним и называли его гадким и безобразным.

Настала осень. Листья на деревьях пожелтели и побурели; ветер подхватывал и кружил их по воздуху. Стало очень холодно. Тяжёлые тучи сыпали на землю то град, то снег, а на изгороди сидел ворон и каркал от холода во всё горло. Брр! Замерзнешь при одной мысли о таком холоде! Плохо приходилось бедному утёнку.

Раз под вечер, когда солнышко ещё сияло на небе, из-за леса поднялась целая стая чудных, больших птиц. Таких красивых птиц утёнок никогда ещё не видел — все они были белые как снег, с длинными, гибкими шеями.

Это были лебеди. Испуская какие-то странные крики, они взмахнули великолепными большими крыльями и полетели с холодных лугов в тёплые края, за синее море. Они поднялись высоко-высоко, а бедного утёнка охватила непонятная тревога. Он завертелся в воде, как волчок, вытянул шею и тоже закричал, да так громко и странно, что сам испугался. Ах, он не мог оторвать глаз от этих прекрасных, счастливых птиц, а когда они совсем скрылись из виду, он нырнул на самое дно, выплыл опять и долго не мог опомниться. Утёнок не знал, как зовут этих птиц, не знал, куда они летят, но полюбил их, как не любил до сих пор никого на свете. Красоте их он не завидовал; ему и в голову не приходило, что он может быть таким же красивым, как они.

Он был бы рад-радехонек, если б хоть утки не отталкивали его от себя. Бедный гадкий утёнок!

Зима настала холодная-прехолодная. Утёнок должен был плавать по воде без отдыха, чтобы не дать ей замёрзнуть совсем, но с каждой ночью полынья, в которой он плавал, становилась всё меньше и меньше. Морозило так, что даже лёд потрескивал. Утёнок без усталости работал лапками. Под конец он совсем выбился из сил, растянулся и примёрз ко льду.

Рано утром мимо проходил крестьянин. Он увидел примёрзшего ко льду утёнка, разбил лёд своими деревянными башмаками и отнёс полумёртвую птицу домой к жене. Утёнка отогрели.

Дети вздумали поиграть с ним, но ему показалось, что они хотят обидеть его.

Он шарахнулся от страха и попал прямо в подойник с молоком. Молоко расплескалось. Хозяйка вскрикнула и замахала руками, а утёнок заметался по комнате, влетел в кадку с маслом, а оттуда — в бочонок с мукой. Батюшки, на что он стал похож!

Женщина гонялась за ним с угольными щипцами, дети бегали, сшибая друг друга с ног, хохотали и визжали. Хорошо, что дверь была открыта — утёнок выскочил, кинулся в кусты, прямо на свежавывающий снег, и долго-долго лежал там почти без чувств.

Было бы слишком печально рассказывать про все беды и несчастья утёнка в эту суровую зиму.

Когда же солнышко опять пригрело землю своими тёплыми лучами, он лежал в болоте в камышах. Запели жаворонки. Вернулась весна!

Утёнок взмахнул крыльями и полетел. Крылья его теперь были куда крепче прежнего, они зашумели и быстро понесли его вперёд. Не успел он опомниться, как очутился в большом саду. Яблони стояли все в цвету; душистая сирень склоняла свои длинные зелёные ветви над извилистым каналом. Ах, как тут было хорошо, как пахло весной!

И вдруг из чащи тростника выплыли три чудных белых лебедя. Они плыли так легко и плавно, точно скользили по воде. Утёнок узнал этих прекрасных птиц, и его охватила какая-то непонятная грусть.

— Полечу к ним, к этим величавым птицам. Они, наверное, заклюют меня насмерть за то, что я, такой гадкий, осмелился приблизиться к ним. Но пусть! Лучше погибнуть от их ударов, чем сносить щипки уток и кур, пинки птичницы да терпеть голод зимою!

И он опустил на воду и поплыл навстречу прекрасным лебедям, которые, завидя его, замахали крыльями и тоже поплыли к нему.

— Убейте меня! — сказал бедный утёнок и низко опустил голову.

И вдруг в чистой, как зеркало, воде он увидел своё

собственное отражение. Но теперь он был уже не гадким тёмно-серым утёнком, а белым лебедем.

Теперь утёнок был даже рад, что перенёс столько горя и бед. Он много вытерпел и поэтому мог лучше оценить своё счастье и всё то великолепие, которое окружало его. А большие лебеди плавали вокруг и гладили его своими клювами.

В это время в сад прибежали маленькие дети. Они стали бросать лебедам хлебные крошки и зёрна, а самый младший из них закричал:

— Новый прилетел! Новый прилетел!

И все остальные подхватили:

— Новый, новый!

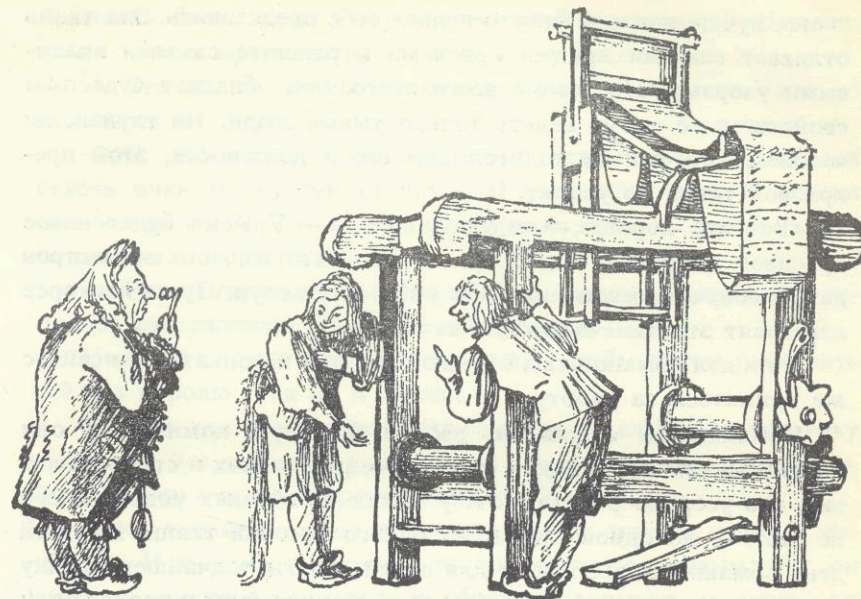
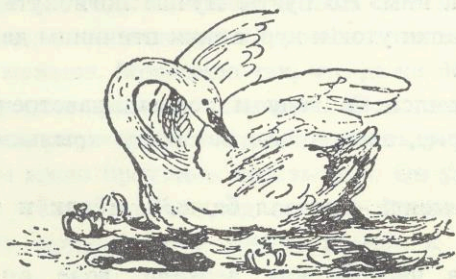
Дети хлопали в ладоши и плясали от радости. Потом они побежали за отцом и матерью и опять стали бросать в воду крошки хлеба и пирожного. И дети и взрослые говорили:

— Новый лебедь лучше всех! Он такой красивый и молодой!

И старые лебеди склонили перед ним голову.

А он совсем смутился и спрятал голову под крыло, сам не зная зачем. Он вспомнил то время, когда все смеялись над ним и гнали его. А теперь все говорят, что он самый прекрасный среди прекрасных лебедей! Сирень наклоняла к нему в воду свои душистые ветви, а солнышко светило так тепло, так ярко... И вот крылья его зашумели, стройная шея выпрямилась, а из груди вырвался ликующий крик:

— Нет, о таком счастье я и не мечтал, когда был ещё гадким утёнком!

НОВЫЙ НАРЯД КОРОЛЯ

Давно-давно жил на свете король. Он так любил наряжаться, что тратил на наряды все свои деньги. Он устраивал парады, загородные прогулки, каждый день ходил в театры только для того, чтобы показаться в новом наряде. Король переодевался каждый час, и один наряд был у него лучше другого. Про других королей часто говорили: «Король совещается с министрами», а про этого короля только и было слышно: «Король переодевается».

В королевской столице жилось очень весело. Почти каждый день туда приезжали иностранные гости. И вот раз в столицу приехали двое обманщиков. Обманщики говорили, что они знаменитые ткачи и что они умеют изготовлять такую чудесную

ткань, лучше которой ничего нельзя себе представить. Эта ткань отликает самыми яркими красками и расшита самыми красивыми узорами. Но, кроме всего этого, она обладает чудесным свойством: её могут видеть только умные люди. Ни глупец, ни человек, который не годится для своей должности, этой прекрасной ткани не увидит.

«Вот это хорошо,— подумал король.— У меня будет новое красивое платье, да вдобавок я узнаю, кто из моих министров даром получает жалованье, кто умён, а кто глуп. Пусть поскорее изготовят эту замечательную ткань!»

И он дал обманщикам большой задаток и приказал им сейчас же приняться за работу.

Обманщикам отвели во дворце большую комнату, и они поставили там два ткацких станка, уселись за них и стали делать вид, что усердно работают. А у самих на станках ровно ничего не было — ни одной нитки, ни одного кусочка ткани. Каждый день обманщики требовали для своей работы тончайшего шёлку и чистого золота. Всё они прятали в свои карманы и продолжали сидеть за пустыми станками с утра до поздней ночи.

И вот как-то раз король захотел посмотреть, как подвигается у ткачей дело.

Но тут он вспомнил о чудесном свойстве ткани, и ему стало как-то не по себе. Конечно, ему-то нечего бояться за себя, но... всё-таки пусть сначала посмотрит кто-нибудь другой.

«Пошлю-ка я к ним моего честного старого министра,— подумал король.— Уж он-то увидит эту ткань: он умён и с честью занимает своё место».

И вот старый министр вошёл в комнату, где сидели за пустыми станками обманщики.

«Вот тебе раз! — подумал министр.— Я ведь ничего не вижу!»

Но вслух он этого не сказал.

Обманщики почтительно попросили его подойти поближе и сказать, как нравятся ему рисунок и краски. Они показывали на пустые станки, и бедный министр, как ни таращил глаза, всё-таки ничего не видел. Да и нечего было видеть.

— Неужели я дурак? — прошептал министр.— Вот уж чего никогда не думал! Упаси боже, если кто-нибудь узнает про это!

А может быть, я не гожусь для своей должности? Нет-нет, никак нельзя признаться, что я не вижу ткани.

— Что же вы ничего не скажете нам? — спросил один из ткачей.

— О, это очень мило! — ответил старый министр, глядя сквозь очки на пустой станок.— И узор красивый, и краски превосходные. Да-да, я доложу королю, что мне чрезвычайно понравилась ваша работа!

— Рады стараться! — сказали обманщики и наперебой принялись расхваливать узоры на своей ткани.

Министр слушал очень внимательно, чтобы потом повторить всё это королю. Так он и сделал.

С этого дня обманщики стали требовать ещё больше шёлку и золота. Все карманы у них были полны дорогими товарами, а на работу они не истратили ни одной ниточки.

Через несколько дней король послал к ткачам другого министра. И с ним произошло то же, что и с первым. Уж он смотрел, смотрел, смотрел, и сбоку заглядывал, и снизу, но ничего, кроме пустых станков, так и не высмотрел.

— Ну как? Нравится ли вам? — спросили его обманщики, разводя руками в воздухе, как будто бы они поддерживали тяжёлую ткань.

«Конечно, я не глуп,— думал сановник,— но тогда, значит, я не на своём месте? Вот так штука! Но нельзя же в этом сознаться!»

И он стал расхваливать ткань, которой не видел, и восхищаться чудесными узорами, которых не было.

— Очень хорошо, очень мило! — доложил он королю.

Скоро весь город заговорил о чудесной ткани.

Наконец король сам пожелал полюбоваться этой диковинкой, пока она ещё не снята со станка. С целой свитой придворных и вельмож король отправился к ткачам. В королевской свите были и те два министра, которые уже побывали у обманщиков. А обманщики между тем сидели в своей комнате и изо всех сил ткали на пустых станках.

— Превосходно! Не правда ли? — сказали первые два министра.— Не угодно ли полюбоваться? Какой рисунок, какие краски!

И они тыкали пальцами в пространство, думая, что все остальные действительно видят прекрасную ткань.

«Что это значит? — подумал король. — Я ничего не вижу! Но ведь это ужасно! Неужели я дурак? А может быть, я не гожусь в короли? Это было бы хуже всего!»

А вслух он сказал:

— О да, это очень недурно. Вполне заслуживает моего одобрения.

И король с довольным видом кивал головой. Королевская свита глядела во все глаза, но видела не больше своего повелителя. И всё же придворные повторяли в один голос:

— О, это прекрасно! Это восхитительно! — и советовали королю шить себе из этой ткани наряд для предстоящей торжественной процессии.

Король пожаловал обманщикам ордена и удостоил их звания придворных ткачей.

Всю ночь накануне торжества просидели обманщики за работой и сожгли больше шестнадцати свечей. Они притворялись, что снимают ткань со станков и кроят её большими ножницами. А потом они стали шить новое платье короля иголками без ниток.

Наконец они объявили:

— Готово!

Наутро король в сопровождении всей свиты явился за новым платьем.

Обманщики поднимали кверху руки, будто держали что-то, и приговаривали:

— Пожалуйста, ваше величество, вот панталоны, вот камзол, а вот кафтан. Прелестный наряд! Лёгкий, как паутина. Вы даже и не почувствуете, что надели его.

— Да-да! — говорили придворные, но они ничего не видели, да и видеть-то было нечего.

— Собогазоволите теперь раздеться и стать вот тут, перед большим зеркалом, — сказали обманщики королю. — Мы оденем вас.

Король снял старое платье, и обманщики принялись наряжать его: они делали вид, будто надевают на него то панталоны, то камзол, то кафтан. Они притворялись, что застёгивают пу-

говицы, завязывают банты, а потом они широко взмахнули руками, как будто набросили на плечи короля королевскую мантию.

А король вертелся перед зеркалом и оглядывал себя то с одного бока, то с другого.

— Ах, как идёт это платье королю! Как чудесно оно сидит на нём! — шептали придворные. — Какой рисунок, какие краски! Роскошный наряд!

— Балдахин его величества у дверей! — доложил обер-церемониймейстер.

— Я готов! — сказал король. — Хорошо ли сидит на мне это платье?

И он подошёл поближе к зеркалу и ещё раз оглядел себя с головы до ног. Все ведь должны были видеть, что он внимательно рассматривает свой наряд.

Камергеры, которым полагалось нести шлейф королевской мантии, притворились, будто бы поднимают что-то с полу, и пошли за королём, вытягивая перед собой руки, — они не смели и виду подать, что нести-то было нечего.

И вот процессия двинулась.

Король шествовал под роскошным балдахином, а народ, толпившийся на улицах, говорил:

— Ах, какой наряд! Какая роскошная мантия! Как это платье к лицу королю!

Ни один человек не сознался в том, что ничего не видит, никто не хотел прослыть глупцом или признать, что он ни на что не пригоден.

И вдруг какой-то маленький мальчик крикнул:

— А король-то голый!

— Ах, послушайте, что говорит невинное дитя! — сказал его отец. — Ребёнок есть ребёнок. Он всегда для своей должности годится. Значит, он говорит правду.

И все стали шёпотом повторять:

— А ведь это верно! Король-то голый!

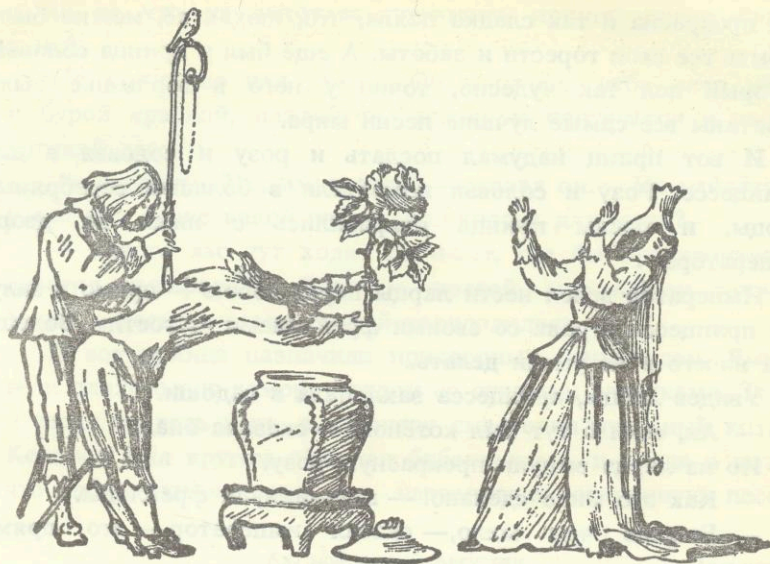
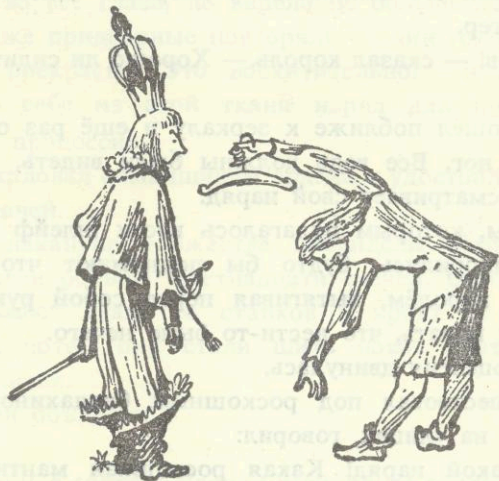
— Король голый! Голый! — вдруг громко закричал весь народ.

И королю стало жутко.

«Не может быть, чтобы все были дураки! — подумал

он.— Значит, меня обманули и я действительно голый. Но что же делать — надо идти дальше».

И голый король ещё величавее зашагал под своим балдахином, а камергеры шли за ним и несли шлейф, которого не было.

СВИНОПАС

Жил-был бедный принц. Королевство у него было маленькое-премаленькое. Но всё же это было королевство, и можно было подумать о королеве — жениться. Принц и не прочь был жениться.

Конечно, немножко смело было бы попросту спросить дочку самого императора: «Пойдёшь за меня?» Но послать к ней сватов принц мог осмелиться. Он происходил из старого королевского рода, носил славное имя, и сотни принцесс согласились бы выйти за него замуж. Ну, а дочка императора?

Вот послушайте.

На могиле покойного отца принца вырос розовый куст небывалой красоты. Цвёл этот куст только один раз в пять лет, и распускалась на нём одна-единственная роза. Зато она была

так прекрасна и так сладко пахла, что, нюхая её, можно было забыть все свои горести и заботы. А ещё был у принца соловей, который пел так чудесно, точно у него в горлышке были спрятаны все самые лучшие песни мира.

И вот принц надумал послать и розу и соловья в дар принцессе. Розу и соловья поместили в большие серебряные ларцы, и послы принца отправились с ними ко двору императора.

Император велел нести ларцы перед собою — прямо в залу, где принцесса играла со своими фрейлинами «в гости». Больше они ничего и не умели делать.

Увидев ларцы, принцесса захлопала в ладоши.

— Ах, если б тут был котёнок! — сказала она.

Но из ларца вынули прекрасную розу.

— Как это мило сделано! — воскликнули фрейлины.

— Больше чем мило, — сказал император, — это прямо недурно!

Но принцесса потрогала розу пальчиками и чуть не расплакалась.

— Фи, папа! — сказала она. — Это вовсе не искусственная роза, а самая настоящая!

— Фи! — сказали все придворные. — Настоящая?

— Погодим сердиться. Сначала посмотрим, что в другом ларце, — сказал император.

И вот из ларца выпорхнул соловей и запел так чудесно, что просто не к чему было придраться.

— Очаровательно, восхитительно! Шарман! Сюперб! — заговорили фрейлины. Они все болтали по-французски — одна хуже другой.

— Как эта птичка напоминает органчик покойной императрицы! — сказал старый придворный. — Тот же тон, та же манера!

— Да! Да! — сказал император и заплакал как ребёнок.

— Надеюсь, эта птица не настоящая? — спросила принцесса.

— Настоящая! — ответили посланные принца, которые привезли подарки.

— Ну, так пусть себе летит куда хочет! — сказала принцесса

и ни за что не захотела позволить принцу лично явиться к ней.

Но принц не пал духом. Он выпачкал себе лицо чёрной и бурой краской, нахлобучил шапку и постучался в императорский дворец.

— Здравствуйте, император! — сказал он. — Не найдётся ли у вас при дворе какой-нибудь должности для меня?

— Много вас тут ходит да ищет, где бы пристроиться! — ответил император. — Впрочем, постой, мне нужен свинопас. У нас страсть сколько свиней расплодилось.

И вот принца назначили придворным свинопасом. Ему отвели плохонькую каморку рядом со свинными закутками. Там он и засел на весь день, а к вечеру смастерил чудесный котелок. Котелок был кругом обвешан бубенчиками, и когда в котелке что-нибудь кипятилось, они названивали старинную песенку:

Ах, мой милый Августин,
Всё прошло, прошло, прошло!

И ещё одно чудеснейшее свойство было у котелка: если над паром, который из него подымался, подержать палец и понюхать, то по запаху можно было узнать, какое у кого в городе готовилось кушанье. Вот так котелок! Не то что какая-то роза!..

Принцесса вышла со своими фрейлинами на прогулку, услышала вдруг звон бубенчиков и сразу остановилась. Узнала песенку «Ах, мой милый Августин», которую сама умела играть на фортепьяно, и обрадовалась. Только одну эту песенку она и выучилась играть — вдобавок одним пальцем.

— Ах, ведь и я играю это! — сказала она. — Стало быть, наш новый свинопас хорошо воспитан. Послушайте, пусть кто-нибудь из вас пойдёт и спросит у него, сколько он хочет за свои бубенчики.

Одной из фрейлин пришлось надеть деревянные башмаки и пойти на задний двор.

— Что возьмёшь за котелок? — спросила она.

— Десять поцелуев принцессы, — ответил свинопас.

— Да ты в уме? — сказала фрейлина.

— Дешевле не уступлю, — отвечал свинопас.

— Ну, что он сказал? — спросила принцесса.
— Не смею и повторить вслух, — отвечала фрейлина. — Ужас что такое!
— Ну так шепни на ушко мне!
И фрейлина шепнула.
— Вот невежа! — сказала принцесса и пошла было прочь. Но в это время бубенчики так мило зазвенели:

Ах, мой милый Августин,
Всё прошло, прошло, прошло!

— Послушай, — сказала принцесса, — пойди спроси, не отдаст ли он котелок за десять поцелуев фрейлин.

— Нет, спасибо! — ответил свинопас. — Десять поцелуев принцессы, или котелок останется у меня.

— Как это скучно! — сказала принцесса. — Ну, придётся вам всем стать вокруг меня, чтобы, по крайней мере, никто не увидал нас.

Фрейлины обступили её и растопырили свои юбки. Свинопас получил десять поцелуев, а принцесса — котелок с бубенчиками.

То-то началось у них веселье! Весь вечер и весь следующий день кипел котелок. Они узнавали, что стряпалось в любой кухне — от кухни камергера до очага сапожника. Фрейлины прыгали и хлопали в ладоши.

— Мы знаем, у кого сегодня сладкий суп и блинчики! У кого каша и свиные котлеты! Как интересно!

— О да! — сказала старшая придворная дама. — Очень интересно!

— Только смотрите держите язык за зубами! — сказала принцесса. — Я ведь императорская дочка!

— Помилуйте! — ответили все хором.

А свинопас (вернее сказать — принц, но для них-то он был свинопасом!) не терял времени даром. Он смастерил такую трещотку, которая, когда её крутили, играла всевозможные вальсы, галопы и польки, какие только раздавались на свете с самого сотворения мира.

— Но это скюперб! — воскликнула принцесса по-французски, проходя мимо свиного закутка. — Лучше этого я ничего не

слыхала! Сейчас же пойдите спросите у него, что он возьмёт за этот инструмент. Но целоваться я больше не стану!

— Он требует сто поцелуев принцессы, — доложила фрейлина, вернувшись.

— Да что он — с ума сошёл? — сказала принцесса и пошла было своей дорогой, но, сделав два шага, остановилась. — Ведь я императорская дочь и должна поощрять таланты! — сказала она. — Скажите свинопасу, что он получит, как вчера, десять. Остальное доплатят мои фрейлины.

— Да, но нам бы не хотелось целоваться, — сказали фрейлины.

— Вздор! — сказала принцесса. — Уж если я могу с ним целоваться, то вы и подавно. Не забывайте, что я кормлю вас и плачу вам жалованье!

Пришлось фрейлине снова пойти к свинопасу.

— Сто поцелуев принцессы, — повторил свинопас, — или каждый останется при своём.

— Становитесь вокруг нас! — скомандовала принцесса.

Фрейлины обступили их, и свинопас стал целовать принцессу.

В это время на балкон вышел император.

— Что это за сборище у свиных закуток? — спросил он себя, протирая глаза и надевая очки. — Э, да это фрейлины опять что-то затеяли! Надо пойти посмотреть.

Он расправил задки своих старых, стоптанных башмаков, служивших ему спальными туфлями, и заторопился на задний двор, а там стал потихоньку подкрадываться к фрейлинам. Они же были очень заняты: считали поцелуи, чтобы расплата была честной и свинопас получил бы ровно столько, сколько ему причиталось, ни больше ни меньше. Поэтому никто из них и не заметил, как подкрался император. А он, подойдя поближе, привстал на цыпочки.

— Это ещё что такое?! — спросил он, увидев, что принцесса целуется со свинопасом. И швырнул в них туфлю как раз в ту минуту, когда свинопас получал восемьдесят шестой поцелуй.

— Вон из моего государства оба! — крикнул рассерженный император.

И их обоих выпроводили.

Принцесса стояла и плакала. Свинопас бранился, а дождь поливал их.

— Ах я несчастная! — сказала принцесса. — Выйти бы мне лучше за того прекрасного принца! Ах бедная я, несчастная!

Тогда свинопас спрятался за дерево, стёр с лица чёрные и бурые пятна, сбросил с себя плохую одежду и показался принцессе в своём настоящем виде. Он был так прекрасен, что принцесса низко ему поклонилась, а он сказал ей:

— Теперь я только презираю тебя. Ты не захотела взять в мужья честного принца. Ты не оценила настоящую розу и живого соловья, а за жалкие игрушки могла целовать свинопаса. Вот и терпи теперь по заслугам!

И он ушёл к себе и крепко захлопнул за собой двери.

Принцессе осталось только стоять за дверями да распевать:

Ах, мой милый Августин,
Всё прошло, прошло, прошло!

ОГНИВО

Шёл солдат по дороге: раз-два! раз-два! Ранец за спиной, сабля на боку. Он шёл домой с войны. И вдруг на дороге встретилась ему ведьма. Ведьма была старая и страшная. Нижняя губа у неё отвисла до самой груди.

— Здорово, служивый! — сказала ведьма. — Какая у тебя славная сабля и большой ранец! Вот brave солдат! Всем ты хорош, да только, поди, в карманах у тебя пусто: Хочешь, я дам тебе денег, солдат?

— Спасибо, старая ведьма. От денег только дураки отказываются! — сказал солдат и подставил было свой карман.

— Э, нет, — сказала ведьма, — погоди немного! Вон видишь

то большое дерево — оно внутри пустое. Полежай на дерево, там наверху дупло. Лезь в это дупло и спускайся в самый низ. А я обяжу тебя верёвкой вокруг пояса и вытащу назад, как только ты крикнешь.

— А зачем мне лезть в это дупло? — спросил солдат.

— За деньгами, — сказала ведьма. — Дерево это не простое. Как спустишься в самый низ, увидишь длинный подземный ход. Там совсем светло — днём и ночью горят сотни ламп. Иди, не сворачивая, по подземному ходу. А дойдёшь до конца, прямо перед тобой будут три двери. В каждой двери торчит ключ. Поверни его, и дверь откроется. В первой комнате стоит большой сундук. На сундуке сидит собака. Глаза у этой собаки словно два чайных блюдца. Но ты не бойся. Я дам тебе свой синий клетчатый передник, расстели его на полу и смело хватай собаку. А схватишь — сажай её скорей на мой передник. Ну, а потом открывай сундук и бери из него денег сколько хочешь. Да только в этом сундуке одни медные деньги. А если серебра захочешь, ступай во вторую комнату. И там стоит сундук. И на том сундуке сидит собака. Глаза у неё — что твои мельничные колёса. Только ты не пугайся — хватай её и сажай на передник, а потом бери себе серебряные денежки. Ну, а уж если золота тебе захочется, иди в третью комнату. Посреди третьей комнаты стоит сундук, доверху полный золота. Сундук этот сторожит самая большая собака. Каждый глаз у неё величиной с башню. Сумеешь ты посадить её на мой передник — твоё счастье: не тронет тебя собака. Бери тогда золота сколько твоей душе угодно!

— Всё это очень хорошо, — сказал солдат. — Но что же ты с меня возьмёшь за это, старая ведьма? Ведь что-нибудь да нужно тебе от меня.

— Я не возьму с тебя ни полушки! — сказала ведьма. — Только принеси ты мне старое огниво, которое позабыла там внизу моя бабушка, когда лазила туда последний раз.

— Ну ладно, обязывай меня верёвкой! — сказал солдат.

— Готово! — сказала ведьма. — А вот тебе мой клетчатый передник.

И солдат полез на дерево. Нашёл он дупло и спустился по нему в самый низ. Как сказала ведьма, так всё и вышло: смотрит

солдат — перед ним подземный ход. И светло там как днём — сотни сотен ламп горят.

Пошёл солдат по этому подземелью. Шёл, шёл и дошёл до самого конца. Дальше идти некуда. Видит солдат — перед ним три двери. А в дверях ключи торчат.

Открыл солдат первую дверь и вошёл в комнату. Посреди комнаты сундук стоит, на сундуке сидит собака. Глаза у неё словно два чайных блюдца. Глядит на солдата собака и вертит глазами в разные стороны.

— Ну и чудище! — сказал солдат, схватил собаку и мигом посадил её на ведьмин передник.

Тут собака присмирела, а солдат открыл сундук и давай оттуда деньги таскать. Набрал себе полные карманы медных денег, закрыл сундук и опять посадил на него собаку, а сам пошёл в другую комнату.

Правду сказала ведьма — и в этой комнате на сундуке сидела собака. Глаза у неё были что мельничные колёса.

— Ну, чего ты на меня уставилась? Как бы твои глазищи не выскочили! — сказал солдат, схватил собаку и посадил на ведьмин передник, а сам скорей к сундуку.

В сундуке серебра полным-полно. Выбросил солдат из карманов медные деньги, набил оба кармана и ранец серебром. Потом вошёл солдат в третью комнату. Вошёл — и рот разинул. Ну и чудеса! Среди комнаты стоял золотой сундук, а на сундуке сидело настоящее страшилище. Глаза — ни дать ни взять две башни. Вертелись они, точно колёса самой быстроходной кареты.

— Здравия желаю! — сказал солдат и взял под козырёк, как будто он стоял перед генералом.

Долго смотреть он, впрочем, не стал. Схватил собаку в охапку, посадил её на ведьмин передник, а сам открыл сундук. Багюшки, сколько тут было золота! На это золото можно было бы купить целый столичный город, все игрушки, всех оловянных солдатиков, всех деревянных лошадок и все пряники на свете. На всё хватило бы.

Тут солдат повыкидал из карманов и ранца серебряные деньги и обеими руками начал выгребать из сундука золото. Набил золотом карманы, набил ранец, шапку, сапоги. Столько

набрал золота, что еле-еле с места сдвинулся. Вот теперь-то он был богат!

Посадил он собаку на сундук, захлопнул дверь и закричал:

— Эй, тащи меня наверх, старая ведьма!

— А огниво моё ты взял? — спросила ведьма.

— Ах ты, чёрт пѹбери, совсем было забыл про твоё огниво! — сказал солдат.

Пошёл он назад, отыскал ведьмино огниво и сунул его в карман.

— Ну, тащи! Нашёл твоё огниво! — крикнул он ведьме.

Ведьма дёрнула верёвку и вытащила солдата наверх. И очутился солдат опять на большой дороге.

— Ну, давай мне огниво! — сказала ведьма.

— На что тебе, ведьма, это огниво? — спросил солдат.

— Не твоё дело! — сказала ведьма. — Ты ведь получил деньги. Отдай же мне огниво!

— Ну нет! — сказал солдат. — Говори сейчас же, зачем тебе огниво, не то я вытащу саблю да отрублю тебе голову.

— Не скажу! — ответила ведьма.

Тогда солдат схватил саблю и отрубил ведьме голову. Упала ведьма наземь да тут и умерла. А солдат завязал все свои деньги в ведьмин клетчатый передник, взвалил узел на спину и отправился прямо в город.

Город был большой и богатый. Солдат пошёл в самую большую гостиницу, нанял себе самые лучшие комнаты и приказал подать все свои любимые кушанья — ведь он теперь был богачом.

Слуга, который чистил его сапоги, удивлялся, что у такого богатого господина такие плохие сапоги, — ведь солдат ещё не успел купить новых. Зато на другой день он купил себе самую красивую одежду, шляпу с пером и сапоги со шпорами.

Теперь солдат стал настоящим барином. Ему рассказали обо всех чудесах, какие были в этом городе. Рассказали и о короле, у которого была прекрасная дочь принцесса.

— А как бы мне повидать эту принцессу? — спросил солдат.

— Ну, это не так-то просто, — сказали ему. — Принцесса живёт в большом медном замке, а вокруг замка высокие стены и каменные башни. Никто, кроме самого короля, не смеет ни

войти туда, ни выйти оттуда, потому что королю предсказали, что его дочери суждено стать женой простого солдата. А королю породниться с простым солдатом, понятно, не очень-то хочется. Вот он и держит принцессу взаперти.

Пожалел солдат, что нельзя поглядеть на принцессу, да, впрочем, долго горевать на стал.

И без принцессы зажил он весело: ходил в театры, гулял в королевском саду и раздавал деньги бедным. Он ведь сам испытал, как плохо сидеть без гроша в кармане.

Ну, а раз солдат был богат, жил весело и одевался красиво, то и друзей у него стало много. Все называли его славным малым, настоящим барином, а это ему очень нравилось.

Вот тратил, тратил солдат деньги и видит однажды — осталось в кармане у него всего-навсего две денежки. И пришлось солдату перебраться из хороших комнат в тесную каморку под самой крышей. Вспомнил он прежние времена: стал сам чистить себе сапоги и зашивать на них дырки. Никто из друзей больше не навещал его — уж очень высоко теперь было подниматься к нему.

Раз как-то вечером сидел солдат в своей каморке. Уже совсем стемнело, а у него не было денег даже на свечку. Тут он вспомнил про ведьмино огниво. Достал солдат огниво и стал высекать огонь. Только ударил он по кремню, дверь распахнулась, и вбежала собака с глазами, точно чайные блюдца. Это была та самая собака, которую солдат видел в первой комнате подземелья.

— Что прикажешь, солдат? — спросила собака.

— Вот так штука! — сказал солдат. — Огниво-то, выходит, не простое. Не выручит ли оно меня из беды? Добудь-ка мне деньжонок! — приказал он собаке.

И только это вымолвил, собаки и след простыл. Но не успел солдат сосчитать до двух, как собака уже тут как тут, а в зубах у неё большой мешок, битком набитый медными деньгами.

Понял теперь солдат, что за чудесное было у него огниво. Стоило ударить по кремню один раз — являлась собака с глазами, что чайные блюдца. А два раза ударит солдат — бежит к нему собака с глазами, как мельничные колёса. Три раза ударит, и собака, у которой каждый глаз с башню, стоит перед

ним и ждёт приказаний. Первая собака тащит ему медные деньги, вторая — серебро, а третья — чистое золото.

И вот солдат опять разбогател, перебрался в самые лучшие комнаты, снова стал щеголять в нарядном платье. Тут все его друзья опять повадились ходить к нему и очень его полюбили.

Как-то раз пришло солдату в голову: «А почему бы мне не повидать принцессу? Все говорят, что она такая красавица... Что толку, если она век свой просидит в медном замке, за высокими стенами да башнями? Ну-ка, где моё огниво?»

И он ударил по кремню один раз. В тот же миг явилась собака с глазами, словно блюдца.

— Вот что, любезная! — сказал солдат. — Теперь, правда, уже ночь, но я хочу поглядеть на принцессу. Доставь-ка её сюда на минуточку. Ну, шагом марш!

Собака тотчас же убежала, и не успел солдат опомниться, как она явилась снова, а на спине у неё лежала спящая принцесса.

Принцесса была чудо как хороша. С первого взгляда было видно, что это настоящая принцесса. Солдат наш никак не мог удержаться, чтобы не поцеловать её, — на то ведь он и был солдат, настоящий кавалер, с головы до пяток. Потом собака отнесла принцессу назад так же, как и принесла.

За утренним чаем принцесса рассказала королю и королеве, что она видела ночью удивительный сон: будто она ехала верхом на собаке и какой-то солдат поцеловал её.

— Вот так история! — сказала королева.

Видно, ей этот сон не очень понравился.

На следующую ночь к постели принцессы приставили фрейлину и приказали разузнать, был ли то в самом деле сон или что-нибудь другое.

А солдату опять до смерти захотелось увидеть красавицу принцессу.

И вот ночью в медный замок, как и вчера, явилась собака, схватила принцессу и помчалась с ней во всю прыть. Тут старуха фрейлина надела непромокаемые сапоги и пустилась вдогонку. Увидав, что собака скрылась с принцессой в одном большом доме, фрейлина подумала: «Теперь-то мы разыщем молодчика!»

И она нарисовала мелом на воротах дома большой крест, а сама спокойно отправилась домой спать.

Но напрасно она успокоилась: когда пришло время нести принцессу назад, собака увидела на воротах крест и сейчас же догадалась, в чём тут дело. Она взяла кусок мела и наставила кресты на всех воротах города. Это было ловко придумано: теперь фрейлина никак не могла бы отыскать нужные ворота — ведь повсюду стояли такие же белые кресты.

Рано утром король с королевой, старуха фрейлина и все королевские офицеры пошли посмотреть, куда ездит принцесса на собаке по ночам.

— Вот куда! — сказал король, увидев белый крест на первых воротах.

— Нет, вот куда! — сказала королева, увидев крест на других воротах.

— А вот и там крест, и здесь! — сказали офицеры.

И на какие бы ворота они ни смотрели, везде были белые кресты. Так и не добились они никакого толку.

Но королева была женщина умная, мастерица на все руки, а не только в каретах разъезжать. Она приказала слугам подать свои золотые ножницы и кусок шёлку и сшила красивый маленький мешочек. В этот мешочек она насыпала гречневой крупы и незаметно привязала его на спину принцессе. Потом проткнула в мешочке дырку, чтобы крупа понемногу сыпалась на дорогу, когда принцесса поедет к своему солдату.

И вот ночью явилась собака, посадила принцессу к себе на спину и понеслась с нею к солдату. А солдат уже успел так полюбить принцессу, что от всей души хотел жениться на ней. Да и принцем стать было бы недурно.

Собака бежала быстро, а крупа сыпалась из мешочка по всей дороге от медного замка до дома солдата. Но собака ничего не заметила.

Поутру король и королева вышли из дворца, поглядели на дорогу и сразу узнали, куда ездила принцесса. Солдата схватили и посадили в тюрьму.

Долго сидел солдат за решёткой. В тюрьме было темно и скучно. И вот однажды стражник сказал солдату:

— Завтра тебя повесят!

Грустно стало солдату. Думал он, думал, как от смерти спастись, но ничего не мог придумать. Ведь своё чудесное огниво солдат забыл дома.

На другой день утром солдат подошёл к маленькому окошечку и стал смотреть сквозь железную решётку на улицу. Народ толпами валил за город посмотреть, как будут вешать солдата. Били барабаны, проходили войска. И вот мимо самой тюрьмы пробежал какой-то мальчишка-сапожник в кожаном переднике и туфлях на босу ногу. Он мчался вприпрыжку, и вдруг одна туфля слетела у него с ноги и ударилась прямо в стену тюрьмы, около того решётчатого окошка, у которого стоял солдат.

— Эй, молодец, не спеши! — крикнул солдат. — Я ведь ещё здесь, а без меня там дело не обойдётся. А вот если ты сбегашь ко мне домой и принесёшь мне огниво, я тебе дам целых четыре серебряные монетки. Ну, живо! Бери ноги в руки — и марш!

Мальчишка был не прочь получить четыре серебряные монетки и стрелой пустился за огнивом, мигом принёс его, отдал солдату и...

Вот послушайте, что из этого вышло.

За городом была построена большая виселица. Вокруг неё стояли войска и толпы народа. Король и королева восседали на великолепном троне. Напротив сидели судьи и весь государственный совет. И вот солдата ввели на лестницу, и палач уже собирался накинуть ему петлю на шею.

Но тут солдат попросил минутку обождать.

— Мне бы очень хотелось, — сказал он, — выкурить трубочку табаку — ведь это будет самая последняя трубочка в моей жизни.

А в этой стране был такой обычай: последнее желание осуждённого на казнь должно быть исполнено. Конечно, если это было совсем пустяковое желание. Поэтому король никак не мог отказать солдату. И солдат сунул в рот трубку, вытащил своё огниво и стал высекать огонь. Ударил он по кремню раз, ударил два, ударил три — и вот перед ним появились три собаки. У одной глаза были как чайные блюдца, у другой — как мельничные колёса, у третьей — как башни.

— Ну-ка, помогите мне избавиться от петли! — сказал им солдат.

Тут все три собаки бросились на судей и на государственный совет: того схватят за ноги, этого за нос и давай подбрасывать, да так высоко, что, падая на землю, все разбивались вдребезги.

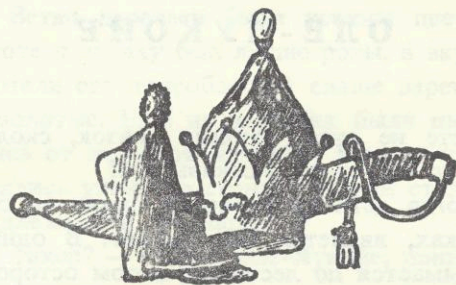
— Меня не надо! Я не хочу! — закричал король, но самая большая собака схватила его вместе с королевой и подбросила обоих кверху.

Тут войско испугалось, а народ стал кричать:

— Да здравствует солдат! Будь, солдат, нашим королём и возьми себе в жёны прекрасную принцессу!

Солдата посадили в королевскую карету и повезли во дворец. Три собаки плясали перед каретой и кричали «ура». Мальчишки свистели, а войска отдавали честь. Принцесса вышла из медного замка и сделалась королевой. Понятно, она была очень довольна.

Свадебный пир продолжался целую неделю. Три собаки тоже сидели за столом, ели, пили и вертели своими громадными глазами.

ОЛЕ-ЛУКОЙЕ

Никто на свете не знает столько сказок, сколько знает их Оле-Лукойе. Вот мастер-то рассказывать!

Вечером, когда дети преспокойно сидят за столом или на своих скамеечках, является Оле-Лукойе. В одних чулках он тихо-тихо подымается по лестнице; потом осторожно приотворит дверь, неслышно шагнёт в комнату и слегка приснет детям в глаза сладким молоком. Веки у детей начинают слипаться, и они уж не могут разглядеть Оле, а он подкрадывается к ним сзади и начинает легонько дуть им в затылок. Подует — и головки у них сейчас отяжелеют. Это совсем не больно, — у Оле-Лукойе нет ведь злого умысла; он хочет только, чтобы дети утомонились, а для этого их непременно надо уложить в постель!

Ну вот он и уложит их, а потом уж начинает рассказывать сказки.

Когда дети заснут, Оле-Лукойе присаживается к ним на постель. Одет он чудесно: на нём шёлковый кафтан, только нельзя сказать, какого цвета — он отликает то голубым, то зелёным, то красным, смотря по тому, в какую сторону повернётся Оле. Под мышками у него по зонтику: один с картинками, который он раскрывает над хорошими детьми, и тогда им всю ночь снятся чудеснейшие сказки, а другой совсем простой, гладкий, который он раскрывает над нехорошими детьми; ну, они и спят всю ночь как чурбаны, и поутру оказывается, что они ровно ничего не видали во сне!

Послушаем же о том, как Оле-Лукойе навещал каждый вечер одного маленького мальчика, Яльмара, и рассказывал ему сказки! Это будет целых семь сказок, — в неделе ведь семь дней.

Понедельник

— Ну вот, — сказал Оле-Лукойе, уложив Яльмара в постель, — теперь украсим комнату!

И в один миг все комнатные цветы выросли, превратились в большие деревья, которые протянули свои длинные ветви вдоль стен к самому потолку; вся комната превратилась в чудеснейшую беседку. Ветви деревьев были усеяны цветами; каждый цветок по красоте и запаху был лучше розы, а вкусом (если бы только вы захотели его попробовать) слаще варенья; плоды же блестели, как золотые. Ещё на деревьях были пышки, которые чуть не лопались от изумной начинки. Просто чудо что такое!

Вдруг поднялись ужасные стоны в ящике стола, где лежали учебные принадлежности Яльмара.

— Что там такое? — сказал Оле-Лукойе, пошёл и выдвинул ящик.

Оказалось, что это рвала и метала аспидная доска: в решение написанной на ней задачи вкралась ошибка, и все вычисления готовы были распасться; грифель скакал и прыгал на своей верёвочке, точно собачка: он очень желал помочь делу, да не мог.

Громко стонала и тетрадь Яльмара; просто ужас брал, слу-

шая её! На каждой её странице в начале каждой строки стояли чудесные большие и маленькие буквы,— это была пропись; возле же шли другие, воображавшие, что держатся так же твёрдо. Их писал сам Яльмар, и они, казалось, спотыкались об линейки, на которых должны были бы стоять.

— Вот как надо держаться! — говорила пропись.— Вот так, с лёгким наклоном вправо!

— Ах, мы бы и рады,— отвечали буквы Яльмара,— да не можем! Мы такие плохонькие!

— Так вас надо немного подтянуть! — сказал Оле-Лукойе.

— Ах, нет, нет! — закричали они и выпрямились так, что любо было глядеть.

— Ну, теперь нам не до сказок! — сказал Оле-Лукойе.— Будем-ка упражняться! Раз-два! Раз-два!

И он довёл все буквы Яльмара так, что они стояли уже ровно и бодро, как любая пропись. Но когда Оле-Лукойе ушёл и Яльмар утром проснулся, они выглядели такими же жалкими, как прежде.

Вторник

Как только Яльмар улёгся, Оле-Лукойе дотронулся своею волшебною палочкой до мебели, и все вещи сейчас же начали болтать между собою; все, кроме плевательницы; эта молчала и сердилась про себя на их суетность: говорят только о себе да о себе и даже не подумают о той, что так скромно стоит в углу и позволяет в себя плевать!

Над комодом висела большая картина в золочёной раме; на ней была изображена красивая местность: высокие старые деревья, трава, цветы и широкая река, убегавшая мимо чудных дворцов, за лес, в далёкое море.

Оле-Лукойе дотронулся волшебною палочкой до картины, и нарисованные на ней птицы запели, ветви деревьев зашевелились, а облака понеслись по небу; видно было даже, как скользила по картине их тень.

Затем Оле приподнял Яльмара к раме, и мальчик стал ногами прямо в высокую траву. Солнышко светило на него сквозь ветви деревьев, он побежал к воде и уселся в лодочку, которая колыхалась у берега. Лодочка была выкрашена красною

и белую краской, паруса блестели, как серебряные, и шесть лебедей в золотых коронах с сияющими голубыми звёздами на головах повлекли лодочку вдоль зелёных лесов, где деревья рассказывали о разбойниках и ведьмах, а цветы — о прелестных маленьких эльфах и о том, что они слышали от бабочек.

Чудеснейшие рыбы с серебристою и золотистою чешуёй плыли за лодкой, ныряли и плескали в воде хвостами; красные, голубые, большие и маленькие птицы летели за Яльмаром двумя длинными вереницами; комары танцевали, а майские жуки гудели: «Жуу! Жуу!»; всем хотелось провожать Яльмара, и у каждого была для него наготове сказка.

Да, вот это было плавание!

Леса то густели и темнели, то становились похожими на чудеснейшие сады, освещённые солнцем и усеянные цветами. По берегам реки возвышались большие хрустальные и мраморные дворцы; на балконах их стояли принцессы, и всё это были знакомые Яльмару девочки, с которыми он часто играл.

Каждая держала в правой руке славного обсахаренного пряничного поросёнка,— такого редко купишь у торговки. Яльмар, проплывая мимо, хватался за один конец пряника, принцесса крепко держалась за другой, и пряник разламывался пополам; каждый получал свою долю: Яльмар побольше, принцесса поменьше. У всех дворцов стояли на часах маленькие принцы; они отдавали Яльмару честь золотыми саблями и осыпали его изюмом и оловянными солдатиками,— вот что значит настоящие-то принцы!

Яльмар плыл через леса, через какие-то огромные залы и города... Проплыл он и через тот город, где жила его старая няня, которая нянчила его, когда он был ещё малюшкой, и очень любила своего питомца. И вот он увидел её; она кланялась, посылая ему рукою воздушные поцелуи и пела хорошенькую песенку, которую сама сложила и прислала Яльмару:

Мой Яльмар, тебя вспоминаю
Почти каждый день, каждый час!
Сказать не могу, как желаю
Тебя увидеть вновь хоть раз!
Тебя ведь я в люльке качала,

Учила ходить, говорить
И в щёчки и в лоб целовала.
Так как мне тебя не любить!

И птички подпевали ей, цветы приплясывали, а старые ивы кивали, как будто Оле-Лукойе и им рассказывал сказку.

Среда

Ну и дождь лил! Яльмар слышал этот страшный шум даже во сне; когда же Оле-Лукойе открыл окно, оказалось, что вода стояла вровень с подоконником. Целое озеро! Зато к самому дому причалил великолепнейший корабль.

— Хочешь прогуляться, Яльмар? — спросил Оле. — Небываешь ночью в чужих землях, а к утру — опять дома!

И вот Яльмар, разодетый по-праздничному, очутился на корабле. Погода сейчас же прояснилась, и они поплыли по улицам, мимо церкви, — кругом было одно сплошное огромное озеро. Наконец они уплыли так далеко, что земля совсем скрылась из глаз. По поднебесью неслась стая аистов; они тоже собрались в чужие тёплые края и летели длинную вереницей, один за другим. Они были в пути уже много-много дней, и один из них так устал, что крылья почти отказывались ему служить. Он летел позади всех, потом отстал и начал опускаться на своих распушенных крыльях всё ниже и ниже, вот взмахнул ими ещё раза два, но... напрасно! Скоро он задел за мачту корабля, скользнул по снастям и — бах! — упал прямо на палубу.

Юнга подхватил его и посадил в птичник к курам, уткам и индейкам. Бедняга аист стоял и уныло озирался кругом.

— Ишь какой! — сказали куры.

А индейский петух надулся и спросил у аиста, кто он таков; утки же пятились, подтакивая друг друга крыльями, и кричали: «Дур-рак! Дур-рак!»

Аист рассказал им о жаркой Африке, о пирамидах и о страусах, которые носятся по пустыне с быстротой диких лошадей, но утки ничего не поняли и опять стали подтакивать одна другую:

— Ну не дурак ли? — сказал индейский петух и сердито забормотал.

Аист замолчал и стал думать о своей Африке.

— Какие у вас чудесные тонкие ноги! — сказал индейский петух. — Почём аршин?

— Кряк! Кряк! Кряк! — закрякали смешливые утки, но аист как будто и не слышал.

— Могли бы и вы посмеяться с нами! — сказал аисту индейский петух. — Очень забавно было сказано! Да куда там, это слишком низменно для него! И вообще нельзя сказать, чтобы он отличался понятливостью. Что ж, будем забавлять себя сами!

И куры кудахтали, утки кричали, и это их ужасно забавляло.

Но Яльмар подошёл к птичнику, открыл дверцу, поманил аиста, и тот выпрыгнул к нему на палубу, — он уже успел отдохнуть. И вот аист как будто поклонился Яльмару в знак благодарности, взмахнул широкими крыльями и полетел в тёплые края. А куры закудахтали, утки закрякали, индейский петух так надулся, что гребешок у него весь налился кровью.

— Завтра из вас сварят суп! — сказал Яльмар и проснулся опять в своей маленькой кровати.

Славное путешествие сделали они ночью с Оле-Лукойе!

Четверг

— Знаешь что? — сказал Оле-Лукойе. — Только не пугайся! Я сейчас покажу тебе мышку! — И правда, в руке у него была прехорошенькая мышка. — Она явилась пригласить тебя на свадьбу! Две мышки собираются сегодня ночью вступить в брак. Живут они под полом в кладовой твоей матери. Чудесное помещение, говорят!

— А как же я пролезу сквозь маленькую дырочку в полу? — спросил Яльмар.

— Уж положишься на меня! — сказал Оле-Лукойе.

Он дотронулся до мальчика своею волшебной палочкой, и Яльмар вдруг стал уменьшаться, уменьшаться и наконец сделался величиной с пальчик.

— Теперь можно будет одолжить мундир у оловянного солдата. Я думаю, этот наряд будет вполне подходящим: мундир ведь так красит, ты же идёшь в гости!

— Хорошо! — согласился Яльмар, переоделся и стал похож на образцового оловянного солдата.

— Не угодно ли вам сесть в напёрсток вашей матушки? — сказала Яльмару мышка. — Я буду иметь честь отвезти вас.

— Ах, неужели вы сами будете беспокоиться, фрёкен! — сказал Яльмар, и вот они поехали на мышиную свадьбу.

Проскользнув в дырочку, прогрызенную мышами в полу, они попали сначала в длинный узкий коридор, здесь как раз только и можно было проехать в напёрстке. Коридор был ярко освещён гнилушками.

— Ведь правда чудный запах? — спросила мышка-возница. — Весь коридор смазан салом! Что может быть лучше?

Наконец добрались и до самой залы, где праздновалась свадьба. Направо, перешёптываясь и пересмеиваясь, стояли все мышки-дамы, налево, покручивая лапками усы, — мышки-кавалеры, а посередине, на выеденной корке сыра, возвышались сами жених с невестой и целовались на глазах у всех. Что ж, они ведь были обручены и готовились вступить в брак.

А гости всё прибывали да прибывали; мыши чуть не давили друг друга насмерть, и вот счастливую парочку оттеснили к самым дверям, так что нельзя было ни войти, ни выйти.

Зала, как и коридор, вся была смазана салом; другого угощения и не было; а на десерт гостей обносили горошиной, на которой одна родственница новобрачных выгрызла их имена, то есть, конечно, всего-навсего первые буквы. Диво, да и только!

Все мыши объявили, что свадьба была великолепная и что время проведено очень приятно.

Яльмар поехал домой. Довелось ему побывать в знатном обществе, хотя и пришлось порядком съёжиться и облечься в мундир оловянного солдата.

Пятница

— Просто не верится, сколько есть пожилых людей, которым страх как хочется залучить меня к себе! — сказал Оле-

Лукойе. — Особенно желают этого те, кто сделал что-нибудь дурное. «Добренький, миленький Оле, — говорят они мне, — мы просто не можем сомкнуть глаз, лежим без сна всю ночь напролёт и видим вокруг себя все свои дурные дела. Они, точно гадкие маленькие тролли, сидят по краям постели и брызжут на нас кипятком. Хоть бы ты пришёл и прогнал их. Мы бы с удовольствием заплатили тебе, Оле! — добавляют они с глубоким вздохом. — Спокойной же ночи, Оле! Деньги на окне!» Да что мне деньги! Я ни к кому не прихожу за деньги!

— Что будем делать сегодня ночью? — спросил Яльмар.

— Не хочешь ли опять побывать на свадьбе? Только не на такой, как вчера. Большая кукла твоей сестры, та, что одета мальчиком и зовётся Германом, хочет повенчаться с куклой Бертой; кроме того, сегодня день рождения куклы, и потому готовится много подарков!

— Знаю, знаю! — сказал Яльмар. — Как только куклам понадобится новое платье, сестра сейчас празднует их рождение или свадьбу. Это уж было сто раз!

— Да, а сегодня ночью будет сто первый, и, значит, последний! Оттого и готовится нечто необыкновенное. Взгляни-ка!

Яльмар взглянул на стол. Там стоял домик из картона; окна были освещены, и все оловянные солдатики держали ружья на караул. Жених с невестой задумчиво сидели на полу, прислонившись к ножке стола; да, им было о чём задуматься! Оле-Лукойе, нарядившись в бабушкину чёрную юбку, обвенчал их.

Затем молодые получили подарки, но отказались от всего съедобного: они были сыты своей любовью.

— Что ж, поехать нам теперь на дачу или отправиться за границу? — спросил молодой.

На совет пригласили опытную путешественницу ласточку и старую курицу, которая уже пять раз была насадкой. Ласточка рассказала о тёплых краях, где зреют сочные, тяжёлые виноградные кисти, где воздух так мягок, а горы расцвечены такими красками, о каких здесь не имеют и понятия.

— Там нет зато нашей кудрявой капусты! — сказала курица. — Раз я со всеми своими цыплятами провела лето в деревне; там была целая куча песку, в котором мы могли рыться и копать сколько угодно! Кроме того, нам был открыт вход в

огород с капустой! Ах, какая она была зелёная! Не знаю, что может быть красивее!

— Да ведь один кочан похож на другой как две капли воды! — сказала ласточка. — К тому же здесь так часто бывает дурная погода.

— Ну, к этому можно привыкнуть! — сказала курица.

— А какой тут холод! Того и гляди, замёрзнешь! Ужасно холодно!

— То-то и хорошо для капусты! — сказала курица. — Да наконец и у нас бывает тепло! Ведь четыре года тому назад лето стояло у нас целых пять недель! Да какая жарница-то была! Все задыхались! Кстати сказать, у нас нет ядовитых тварей, как у вас там! Нет и разбойников! Надо быть отщепенцем, чтобы не находить нашу страну самой лучшей в мире! Такой недостойн и жить в ней! — Тут курица заплакала. — Я ведь тоже путешествовала, как же! Целых двенадцать миль проехала в бочонке! И никакого удовольствия нет в путешествии!

— Да, курица — особа вполне достойная! — сказала кукла Берта. — Мне тоже вовсе не нравится ездить по горам — то вверх, то вниз! Нет, мы переедем на дачу в деревню, где есть песочная куча, и будем гулять в огороде с капустой.

На том и порешили.

Суббота

— А сегодня будешь рассказывать? — спросил Яльмар, как только Оле-Лукойе уложил его в постель.

— Сегодня некогда! — ответил Оле и раскрыл над мальчиком свой красивый зонтик. — Погляди-ка вот на этих китайцев!

Зонтик был похож на большую китайскую чашу, расписанную голубыми деревьями и узенькими мостиками, на которых стояли маленькие китайцы и кивали головами.

— Сегодня надо будет принарядить к завтрашнему дню весь мир! — продолжал Оле. — Завтра ведь праздник, воскресенье! Мне надо пойти на колокольню — посмотреть, вычистили ли церковные карлики все колокола, не то они плохо будут звонить завтра; потом надо в поле — посмотреть, смёл ли ветер пыль с травы и листьев. Самая же трудная работа ещё впереди: надо

снять с неба и перечистить все звёздочки. Я собираю их в свой передник, но приходится ведь нумеровать каждую звёздочку и каждую дырочку, где она сидела, чтобы потом разместить их все по местам, иначе они плохо будут держаться и посыплются с неба одна за другой!

— Послушайте-ка вы, господин Оле-Лукойе! — сказал вдруг висевший на стене старый портрет. — Я прадедущка Яльмара и очень вам признателен за то, что вы рассказываете мальчику сказки; но вы не должны извращать его понятий. Звёзды нельзя снимать с неба и чистить. Звёзды — такие же светила, как наша Земля, тем-то они и хороши!

— Спасибо тебе, прадедущка! — отвечал Оле-Лукойе. — Спасибо! Ты — глава фамилии, родоначальник, но я всё-таки постарше тебя! Я старый язычник; римляне и греки звали меня богом сновидений! Я имел и имею вход в знатнейшие дома и знаю, как обходиться и с большими и с малыми! Можешь теперь рассказывать сам!

И Оле-Лукойе ушёл, взяв под мышку свой зонтик.

— Ну, уж нельзя и высказать своего мнения! — сказал старый портрет.

Тут Яльмар проснулся.

Воскресенье

— Добрый вечер! — сказал Оле-Лукойе.

Яльмар кивнул ему, вскочил и повернул прадедущкин портрет лицом к стене, чтобы он опять не вмешался в разговор.

— А теперь ты расскажи мне сказки про пять зелёных горошин, родившихся в одном стручке, про петушиную ногу, которая ухаживала за куриной ногой, и про штопальную иглу, что воображала себя швейной иголкой.

— Ну нет, хорошенького понемножку! — сказал Оле-Лукойе. — Я лучше покажу тебе кое-что. Я покажу тебе своего брата, его тоже зовут Оле-Лукойе. Но он знает только две сказки: одна бесподобно хороша, а другая так ужасна, что... да нет, невозможно даже и сказать как!

Тут Оле-Лукойе приподнял Яльмара, поднёс его к окну и сказал:

— Сейчас ты увидишь моего брата, другого Оле-Лукойе. Кафтан на нём весь вышит серебром, что твой гусарский мундир; за плечами развевается чёрный бархатный плащ! Гляди, как он скачет!

И Яльмар увидел, как мчался во весь опор другой Оле-Лукойе и сажал к себе на лошадь и старых и малых. Одних он сажал перед собою, других позади; но сначала каждого спрашивал:

— Какие у тебя отметки за поведение?

— Хорошие! — отвечали все.

— Покажи-ка! — говорил он.

Приходилось показывать; и вот тех, у кого были отличные или хорошие отметки, он сажал впереди себя и рассказывал им чудесную сказку, а тех, у кого были посредственные или плохие, — позади себя, и эти должны были слушать страшную сказку. Они тряслись от страха, плакали и хотели спрыгнуть с лошади, да не могли — они сразу крепко прирастали к седлу.

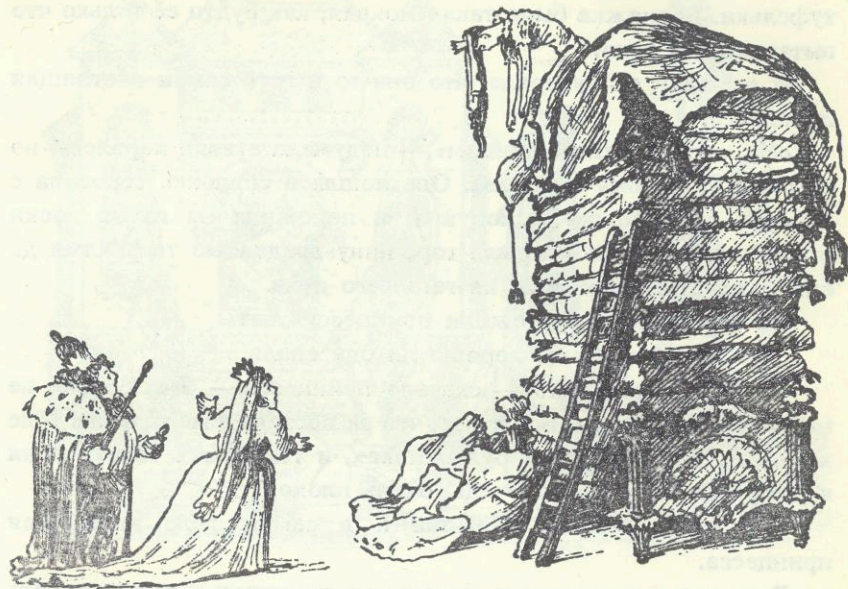
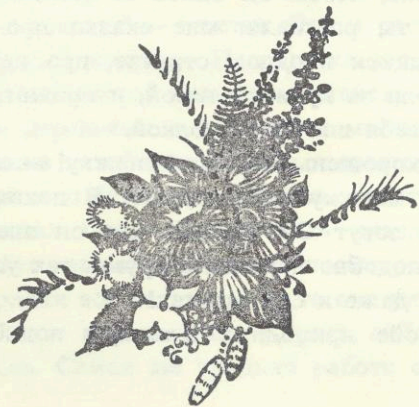
— А я ничуть не боюсь его! — сказал Яльмар.

— Да и нечего бояться! — сказал Оле. — Смотри только, чтобы у тебя всегда были хорошие отметки!

— Вот это поучительно! — пробормотал прадедушкин портрет. — Всё-таки, значит, не мешает иногда высказать своё мнение.

Он был очень доволен.

Вот тебе и вся история об Оле-Лукойе! А вечером пусть он сам расскажет тебе ещё что-нибудь.

ПРИНЦЕССА НА ГОРОШИНЕ

Жил однажды принц. И пришло ему время жениться. Он хотел взять себе в жёны непременно принцессу, да не какую-нибудь, а самую настоящую.

Он объехал весь свет, но так и не нашёл себе невесты. Принцесс-то было много, да как узнать: настоящие они или нет?

Так и вернулся наш принц домой ни с чем и загоревал: уж очень ему хотелось жениться на настоящей принцессе.

Однажды вечером поднялась сильная буря. Засверкали молнии, загремел гром, а дождь полил как из ведра.

Вдруг кто-то постучал в ворота дворца, и старый король пошёл открывать.

У ворот стояла принцесса. Боже мой, на кого она была

похожа! Вода ручьями стекала с её волос и с платья прямо на туфельки. Бедняжка была такая мокрая, как будто её только что вытащили из реки.

И всё-таки она уверяла, что она-то и есть самая настоящая принцесса.

«Ну, это мы сейчас увидим», — подумала старая королева, но не сказала никому ни слова. Она пошла в спальню, сбросила с кровати все тюфяки и подушки и положила на голые доски горошину. А потом накрыла горошину двадцатью тюфяками да ещё двадцатью перинами из гагачьего пуха.

На эту постель и уложили принцессу спать.

Утром её спросили, хорошо ли она спала.

— Ах, очень плохо! — сказала принцесса. — Я всю ночь не могла сомкнуть глаз. Бог знает, что за постель у меня была! Мне казалось, что я лежу на булыжниках, и теперь всё тело у меня в синяках. Ах, я спала очень, очень плохо!

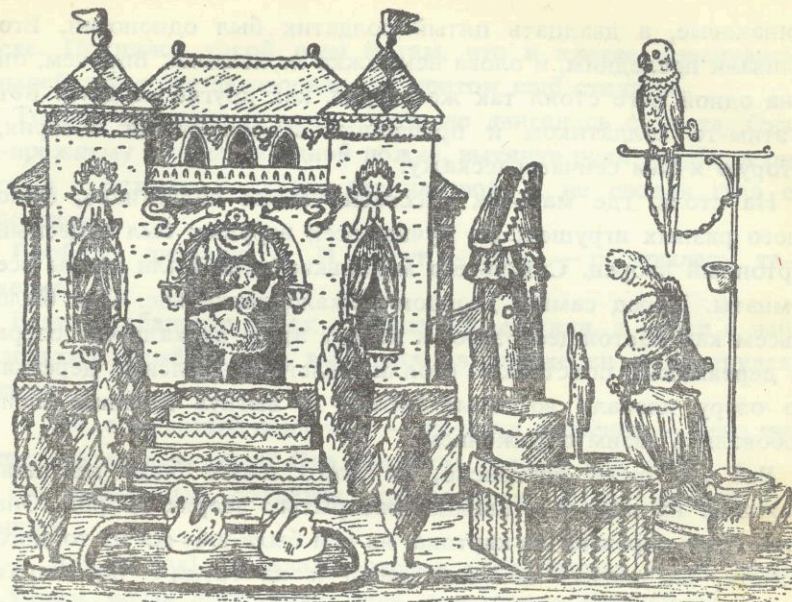
Тут все поверили, что она и в самом деле настоящая принцесса.

Ведь она почувствовала маленькую горошину сквозь двадцать тюфяков и двадцать перин! Только настоящая принцесса могла быть такой неженкой.

И принц женился на ней.

А горошину отправили в музей. Там она до сих пор лежит, если только кто-нибудь не взял её.

Да, вот какие дела бывают на свете!

СТОЙКИЙ ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК

Было когда-то на свете двадцать пять оловянных солдатиков. Все они были сыновьями одной матери — старой оловянной ложки — и, значит, приходились друг другу родными братьями. Они были очень красивы: ружьё на плече, грудь колесом, мундир красный с синим. Чудо что за солдатик!

Они лежали, все двадцать пять, в картонной коробке. В ней было темно и тесно. Но вот однажды коробка открылась.

— Ах, оловянные солдатик! — закричал маленький мальчик и от радости захлопал в ладоши.

Ему подарили оловянных солдатиков в день его рождения.

Мальчик сейчас же принялся расставлять оловянных солдатиков на столе. Двадцать четыре солдатика были совершенно

одинаковые, а двадцать пятый солдатик был одноногий. Его отливали последним, и олова немножко не хватило. Впрочем, он и на одной ноге стоял так же твёрдо, как другие на двух. Вот с этим-то солдатиком и произошла замечательная история, которую я вам сейчас расскажу.

На столе, где мальчик расставил своих солдатиков, было много разных игрушек. Но лучше всех игрушек был чудесный картонный дворец. Сквозь его маленькие окна были видны все комнаты. Перед самым дворцом лежало зеркальце. Оно было совсем как настоящее озеро, и вокруг этого зеркального озера на деревянных подставках стояли маленькие зелёные деревья. По озеру плавали восковые лебеди и, выгнув длинные шеи, любовались своим отражением.

Всё это было прекрасно, но всего милее была девушка, стоявшая на пороге в широко раскрытых дверях дворца. Она была тоже вырезана из картона: на ней была юбочка из тонкого батиста, на плече — голубой шарф и на груди — блестящая брошка, такая большая, как голова самой девушки. Красавица стояла на одной ножке, вытянув руки, — она была танцовщицей. Другую ногу она подняла так высоко, что наш оловянный солдатик совсем не заметил этой ноги и подумал, что красавица тоже одноногая, как и он сам.

«Вот бы мне такую жену! — подумал оловянный солдатик. — Да только она, наверно, знатного рода. Вон в каком прекрасном дворце живёт. А мой дом — простая коробка, да ещё набилось нас в эту коробку целых двадцать пять солдат. Нет, ей там не место! Но познакомиться с ней всё же не мешает».

И солдатик притаился за табакеркой, которая стояла тут же на столе. Отсюда он отлично видел прелестную танцовщицу.

Поздно вечером всех оловянных солдатиков, кроме одного — его так и не могли найти, — уложили в коробку, и все люди в доме легли спать.

И вот, когда наступила тишина, игрушки сами стали играть «в гости», в войну, а потом устроили бал. Оловянные солдатки стучали в стенки коробки — они тоже хотели выйти поиграть, да никак не могли приподнять крышку. Даже щелкунчик принялся кувыраться, а грифель пошёл плясать по грифельной

доске. Поднялся такой шум и гам, что в клетке проснулась канарейка и тоже заговорила, да притом ещё стихами.

Только солдатик и танцовщица не двигались с места. Она по-прежнему стояла на одной ножке, вытянув руки вперёд, а он застыл с ружьём в руках, как часовой, и не сводил глаз с красавицы.

Пробило двенадцать. И вдруг — щёлк! — раскрылась табакерка.

В этой табакерке табак никогда не держали, а сидел в ней маленький чертёнок. Он выскочил из табакерки и оглянулся кругом.

— Эй, оловянный солдатик! — крикнул чертёнок. — Чего ты уставился на плясунью? Она слишком хороша для тебя.

Но оловянный солдатик притворился, будто ничего не слышит.

— Вот ты как! — сказал чертёнок. — Ну, погоди же до утра! Утром, когда дети проснулись, они нашли одноногого солдатика за табакеркой и поставили на окно.

Вдруг окно распахнулось — чертёнок ли это напроказил или просто потянуло сквозняком, кто знает? Но только одноногий наш солдатик полетел с третьего этажа вниз головой — да так, что в ушах засвистело. Минута — и он уже стоял на улице вверх ногой, а его ружьё и голова в каске застряли между булыжниками.

Мальчик и служанка сейчас же выбежали на улицу искать солдатика, но, как ни старались, найти его не могли.

Один раз они даже чуть не наступили на солдатика и всё-таки не заметили его. Если бы солдатик крикнул: «Я тут!» — они, конечно, сейчас же нашли бы его. Но он считал неприличным кричать на улице — ведь он был солдат и носил мундир.

Тут пошёл дождь, настоящий ливень. По улице потекли ручьи.

А когда наконец дождь кончился, к тому месту, где между булыжниками торчал оловянный солдатик, прибежали двое мальчишек.

— Эге! — сказал один из них. — Смотри — оловянный солдатик! Давай-ка отправим его в плавание!

И они сделали из старой газеты лодочку, посадили в неё

оловянного солдатика и пустили в канавку. Лодочка поплыла, а мальчики побежали рядом и захлопали в ладоши.

Лодочку подхватило быстрым течением и понесло. Вода в канаве так и бурлила. Ещё бы ей не бурлить после такого ливня!

Оловянный солдатик в лодочке весь дрожал, но держался стойко, как полагается настоящему солдату: ружьё на плече, голова прямо, грудь вперёд!

И вот лодочку занесло под широкий-широкий мост; стало так темно, точно солдатик опять попал в свою коробку.

«Куда меня несёт! — думал он. — Это всё проделки гадкого чертёнка из табакерки. Ах, если бы со мною в лодке сидела красавица плясунья, я ничего бы не боялся, даже если б стало ещё темнее!»

В эту минуту из-под моста выскочила большая водяная крыса.

— Это кто такой? — закричала она. — А паспорт у тебя есть? Давай сейчас же паспорт!

Но оловянный солдатик молчал и крепко сжимал ружьё. Лодку его несло всё дальше и дальше, а крыса плыла за ним вдогонку. Она свирепо щёлкала зубами и кричала плывущим навстречу щепкам и соломинкам:

— Держите, держите его! У него нет паспорта!

Тут лодочку понесло ещё быстрее, и оловянный солдатик, наконец увидел впереди свет. Мост кончился. Но в эту минуту послышался такой страшный грохот, от которого задрожал бы любой храбрец. Подумать только! За мостом канавка впадала прямо в большой бурный канал. По таким волнам солдатiku в маленьком бумажном кораблике плыть было так же опасно, как нам в настоящей лодке нестись к большому водопаду. Остановиться было уже невозможно. Лодку с оловянным солдатиком вынесло в большой канал. Но солдатик по-прежнему держался молодцом и даже глазом не моргнул.

Лодочка завертелась на месте, два-три раза зачерпнула воды и скоро наполнилась водой до краёв. Вот солдатик уже по пояс в воде, вот уже по горло. И наконец вода накрыла его с головой.

С грустью подумал солдатик о своей красавице. Не видать ему больше милой плясуньи! В последнюю минуту вспомнил он солдатскую песню:

Шагай вперёд, всегда вперёд!
Тебя за гробом слава ждёт!

И он приготовился с честью погибнуть в страшной пучине. Но его подстерегала другая беда.

Из воды вынырнула большая рыба и мигом проглотила солдатика.

О, как темно и тесно было в желудке у рыбы! Темнее, чем под мостом, теснее, чем в коробке. Но оловянный солдатик и тут держался стойко. Он вытянулся во весь рост и ещё крепче сжал своё ружьё. Так он пролежал довольно долго. Вдруг рыба заметалась во все стороны, стала нырять, извиваться, прыгать и, наконец, замерла.

Опять прошло немало времени. Солдатик соскучился и задремал.

Проснулся он оттого, что над ним, как молния, сверкнул острый нож. Стало совсем светло, и кто-то закричал:

— Вот так штука! Оловянный солдатик!

А дело было так: рыбу поймали, свезли на рынок, а потом она попала на кухню. Кухарка распоролла ей брюхо большим ножом и вдруг увидела оловянного солдатика. Она взяла солдатика двумя пальцами поперёк живота и понесла в комнату.

Весь дом сбежался посмотреть на замечательного путешественника. Солдатика поставили на стол, и вдруг — каких только чудес не бывает на свете! — он увидел ту же комнату, того же мальчика, то же самое окно, из которого недавно вылетел. Вокруг были те же игрушки, а среди них гордо возвышался чудесный картонный дворец, и на пороге стояла красавица танцовщица. Она стояла по-прежнему на одной ножке, высоко подняв другую. Вот это стойкость!

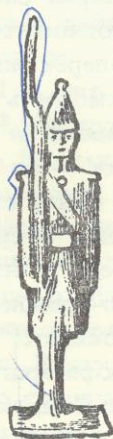
Оловянный солдатик так растрогался, что из глаз у него чуть не покатились оловянные слёзы, но он вовремя вспомнил, что солдату плакать не полагается. Не мигая смотрел он на танцовщицу, она смотрела на него, и оба молчали.

Вдруг один из мальчиков схватил оловянного солдатика и ни с того ни с сего швырнул его прямо в печку. Наверно, его подучил злой чертёнок из табакерки. В печке ярко пылали дрова, и оловянному солдатiku стало ужасно жарко — от огня или от

любви, он и сам не знал. Краски с него совсем сошли, он весь полинял — может быть, от огорчения, а может быть, оттого, что побывал в воде и в желудке рыбы. Но и тут он держался прямо, сжимал своё ружьё и не сводил глаз с прекрасной плясуньи, а плясунья смотрела на него. И вдруг солдатик почувствовал, что он тает в огне.

В эту минуту дверь в комнате распахнулась настезь, сквозной ветер подхватил прекрасную танцовщицу, и она, как бабочка, порхнула в печку прямо к солдатику. Пламя охватило её, она вспыхнула — и конец. Тут уж и оловянный солдатик совсем расплавился.

На другой день служанка стала выгребать из печки золу и нашла маленький комочек олова, похожий на сердечко, да обгорелую, чёрную, как уголь, брошку. Это было всё, что осталось от стойкого оловянного солдатика и его прекрасной плясуньи.

ДЮЙМОВОЧКА

Жила одна женщина, и не было у неё детей. А ей очень хотелось маленького ребёночка. Вот пошла она к старой колдунье и сказала:

— Мне очень хочется, чтобы у меня была дочка. Не скажешь ли ты, где мне её взять?

— Почему не сказать? — ответила колдунья. — Вот тебе ячменное зерно. Это зерно не простое, не такое, какие растут на крестьянских полях и которыми кормят кур. Посади ты это зёрнышко в цветочный горшок, а потом увидишь, что будет.

— Спасибо тебе! — сказала женщина и дала колдунье двенадцать грошей.

Потом она пошла домой и посадила ячменное зёрнышко в цветочный горшок. Только она его посадила, зёрнышко сразу дало росток, а из ростка вырос большой чудесный цветок, совсем

как тюльпан. Но лепестки цветка были плотно сжаты, точно у нераспустившегося бутона.

— Какой прелестный цветок! — сказала женщина и поцеловала красивые пёстрые лепестки.

И как только она поцеловала лепестки, там внутри, в бутоне, что-то щёлкнуло, и цветок распустился. Это был точь-в-точь тюльпан, но в самой чашечке на зелёном пестике цветка сидела девочка. Она была маленькая-маленькая, всего в дюйм ростом. Её так и прозвали Дюймовочкой.

Скорлупка грецкого ореха была её колыбелькой, голубые фиалки — периной, а лепесток розы — одеялом. В скорлупке она спала ночью, а днём играла на столе. Женщина поставила на стол тарелку с водой, а на края тарелки положила цветы, и длинные стебельки цветов купались в воде. Для маленькой Дюймовочки тарелка с водой была целым озером, и Дюймовочка плавала по этому озеру на лепестке тюльпана, как на лодочке. Вместо вёсел у неё были два белых конских волоса. Дюймовочка целые дни каталась на своей чудесной лодочке, переплывала с одной стороны тарелки на другую и распевала песни. Такого нежного голоса, как у неё, никто никогда не слышал.

Однажды ночью, когда Дюймовочка спала в своей колыбельке, через открытое окно в комнату влезла большущая жаба, мокрая и безобразная.

Она вспрыгнула прямо на стол и заглянула в скорлупку, где спала под лепестком розы Дюймовочка.

— Вот славная жена будет моему сынку! — сказала жаба.

Она схватила ореховую скорлупку с девочкой и выпрыгнула через окно в сад.

В саду протекала речка, а у самого её берега было топкое болото. Здесь-то, в болотной тине, и жила старая жаба со своим сыном. Сын был тоже мокрый и безобразный — точь-в-точь как и его мать, старая жаба.

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — только и мог он сказать, когда увидел маленькую девочку в ореховой скорлупке.

— Тише ты! Разбудишь её, и она убежит от нас, — сказала старая жаба. — Она ведь легче лебединого пуха. Посадим-ка её на самую середину реки, на широкий лист кувшинки, — это целый остров для такой крошки. Оттуда уж ей ни за что не

убежать. А я тем временем устрою для вас в тине уютное гнёздышко.

В реке росло много кувшинок; их широкие зелёные листья плавали по воде. Самый большой лист был дальше всех от берега. Жаба подплыла к этому листу и поставила на него ореховую скорлупку, в которой спокойно спала девочка.

Рано утром проснулась Дюймовочка и вдруг увидела, что она оказалась на листе кувшинки; кругом, куда ни помотришь, вода, а берег чуть виднеется вдали. Дюймовочка очень испугалась и заплакала.

А старая жаба сидела в тине и украшала свой дом камышом и жёлтыми кувшинками — она хотела угодить молодой невестке. Когда всё было готово, жаба поплыла со своим гадким сынком к листу, на котором сидела Дюймовочка, чтобы взять её кроватку и поставить в спальне. Старая жаба низко присела в воде перед девочкой и сказала:

— Вот мой сынок! Он будет твоим мужем. Вы славно заживёте с ним у нас в тине.

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — только и мог сказать сынок.

Жабы взяли скорлупку и уплыли с ней, а Дюймовочка осталась одна на зелёном листе и горько-горько плакала — ей вовсе не хотелось жить у гадкой жабы и выходить замуж за её противного сына.

Маленькие рыбки, которые плавали под водой, видели жабу и её сына и слышали, что она говорила Дюймовочке.

Они высунули из воды свои головы, чтобы поглядеть на крошку невесту. Как только рыбы увидели Дюймовочку, им стало ужасно жалко, что такой прелестной девочке придётся жить с жабами. Не бывать же этому! Рыбки со всей речки подплыли к листу кувшинки, на котором сидела Дюймовочка, и перекусили стебелёк листа.

И вот лист кувшинки поплыл по течению. Течение было сильное, и лист с девочкой плыл очень быстро. Теперь жаба никак не могла бы догнать Дюймовочку.

А Дюймовочка плыла всё дальше, и маленькие птички, которые сидели в кустах, смотрели на неё и пели:

— Какая хорошенькая маленькая девочка!

Красивый белый мотылёк всё время порхал вокруг Дюймовочки и наконец опустился на лист — уж очень ему понравилась маленькая девочка. Тогда Дюймовочка сняла с себя пояс, один конец набросила на мотылька, а другой привязала к своему листку, и листок поплыл ещё быстрее.

Вдруг мимо пролетел майский жук. Он увидел Дюймовочку, схватил её и унёс на дерево, а зелёный лист кувшинки поплыл дальше, и с ним мотылёк — он ведь был привязан и не мог освободиться.

Бедная Дюймовочка очень испугалась, когда жук схватил её и полетел с ней на дерево. Но майскому жуку и горя было мало. Он уселся высоко на дереве, покормил Дюймовочку сладким цветочным соком и сказал ей, что она ему очень нравится, хотя она и совсем не похожа на майского жука.

Потом к ним пришли в гости другие майские жуки, которые жили на том же дереве. Они разглядывали Дюймовочку с головы до ног, а жучки-барышни пожимали щупальцами.

— У неё только две ножки! — говорили одни.

— У неё даже нет щупалец! — сказали другие.

— Какая она тонкая! Она совсем как человек! — сказали трети.

— Она очень некрасивая! — решили, наконец, все жуки.

Тут майскому жуку, который принёс Дюймовочку, показалось тоже, что она очень некрасивая, и он не захотел больше держать её у себя — пусть идёт куда знает. Он слетел с нею вниз и посадил её на ромашку.

Дюймовочка сидела на цветке и плакала: ей было обидно, что она такая некрасивая. Даже майские жуки прогнали её.

Всё лето прожила Дюймовочка одна-одинёшенька в лесу. Она сплела себе из травы колыбельку и повесила эту колыбельку под большой лист лопуха, чтобы её не замочил дождик. Она ела сладкий цветочный мёд и пила росу, которую каждое утро находила на листьях.

Так прошло лето, прошла и осень. Приближалась длинная холодная зима. Все птички улетели, цветы завяли, а большой лопух, под которым жила Дюймовочка, пожелтел, засох и свернулся в трубочку.

Дюймовочка дрожала от холода: платье её всё разорвалось,

а она была такая маленькая, нежная — как ей не мёрзнуть! Пошёл снег, и каждая снежинка была для Дюймовочки то же, что для нас целая лопата снегу. Мы ведь большие, а она была всего-то с дюйм ростом. Она завернулась было в сухой лист, но он совсем не грел, и Дюймовочка сама дрожала как осенний лист.

Наконец Дюймовочка решила уйти из лесу и поискать себе где-нибудь приют на зиму.

За лесом, в котором жила Дюймовочка, было большое поле. Хлеб с поля уже давно убрали, и только короткие сухие стебельки торчали из мёрзлой земли.

В поле было ещё холоднее, чем в лесу, и бедняжка совсем замёрзла. И вот Дюймовочка пришла к норке полевой мыши; вход в норку был прикрыт сухими стебельками и былинками. Полевая мышь жила в тепле и довольстве: кухня и кладовая у неё были битком набиты хлебными зёрнами. Дюймовочка стала у порога, как нищенка, и попросила подать ей кусочек ячменного зёрнышка — она два дня ничего не ела.

— Ах ты бедняжка! — сказала полевая мышь (она была, в сущности, добрая старуха). — Ну, иди сюда, погрейся да поешь со мной!

И Дюймовочка спустилась в норку, обогрелась и поела. Старухе девочка очень понравилась, и она сказала ей:

— Оставайся у меня на зиму. Я буду кормить тебя, а ты убирай хорошенько мой дом да рассказывай мне сказки — я очень люблю сказки.

И Дюймовочка стала делать всё, что приказывала ей старая мышь. Ей жилось отлично в тёплой мышиной норке.

— Скоро у нас будут гости, — сказала однажды полевая мышь. — Раз в неделю приходит навестить меня мой сосед. Он очень богат и живёт куда лучше меня. У него большой дом под землёй, и он носит чудесную чёрную бархатную шубу. Выходи, девочка, за него замуж! Уж с ним-то ты не пропадёшь. Одна только беда: он совсем слепой и не увидит тебя. Зато ты будешь рассказывать ему самые лучшие сказки, какие только знаешь.

Но Дюймовочке вовсе не хотелось выходить замуж за соседа — это ведь был крот.

Вскоре крот в самом деле пришёл в гости к полевой мыши.

Он был такой важный, учёный и богатый; шуба на нём была бархатная и очень красивая.

Дом у него был в двадцать раз больше, чем домик полевой мыши. Там было много больших комнат и длинных коридоров, но солнце никогда не заглядывало туда. Крот терпеть не мог солнца и не выносил цветов — он ведь их никогда не видел.

Дюймовочку заставили петь для важного гостя, и она спела две песенки, да так хорошо, что крот сразу полюбил её. Но он не сказал ни слова — он был такой степенный и солидный господин.

А потом крот прорыл под землёй длинный подземный ход от своего дома к самой норке полевой мыши и пригласил старую мышь и Дюймовочку прогуляться по этому подземному ходу.

Крот взял в рот гнилушку — в темноте ведь гнилушка светит всё равно что свечка — и пошёл вперёд, освещая длинный и широкий коридор. На полпути крот остановился и сказал:

— Здесь лежит какая-то птица. Но вам её нечего бояться — она мёртвая.

И крот проткнул своим широким носом дырку в потолке — дневной свет проник в подземный ход, и Дюймовочка увидела мёртвую ласточку. Это была настоящая птица, с перьями и с клювом; она, должно быть, умерла недавно, в начале зимы, и упала в норку крота.

Крылышки мёртвой птички были крепко прижаты к телу, ножки и голова спрятаны в пёрышки. Бедная ласточка, наверно, умерла от холода. Дюймовочке стало очень жалко её, она так любит птичек — ведь они целое лето пели ей свои чудесные песенки. Но крот толкнул ласточку своими короткими лапами и сказал:

— Теперь уж не посвистишь! Да, не хотел бы я родиться вот такой пичужкой! Она только и умеет чирикать да щебетать, а придёт зима — что ей делать: помирай с голоду и холоду. Вот уж моим детям зимы не придётся бояться.

— Да, да! — сказала полевая мышь. — Какой прок от этого чириканья? Песнями сыт не будешь, чириканьем зимой не согреешься.

А Дюймовочка молчала, но когда крот и мышь повернулись

к птице спиной, Дюймовочка нагнулась к ласточке, раздвинула пёрышки и поцеловала её прямо в закрытые глаза.

«Может быть, это та самая ласточка, которая так чудесно распевала летом? — подумала девочка. — Сколько радости доставила ты мне, милая птичка!»

Потом крот заткнул дыру в потолке и проводил старуху мышь и Дюймовочку домой.

Ночью Дюймовочке не спалось. Она встала с постельки, сплела из сухих былинки большой ковёр, пошла в подземный ход и прикрыла ковром мёртвую птичку. Потом Дюймовочка принесла из мышиной норки пушистый мягкий мох и устроила из него постельку, чтобы мёртвой птичке было удобнее лежать.

— Прощай, милая ласточка! — сказала Дюймовочка. — Прощай! Спасибо тебе за то, что ты так чудесно пела мне летом, когда деревья были ещё зелёные, а солнышко так славно грело!

И она склонила головку на грудь птички и вдруг испугалась: она услышала, как в груди ласточки что-то стучит. Это забилося сердце птицы — она была не совсем мёртвая, а только окоченела от холода. А теперь она согрелась и ожила.

Дюймовочка дрожала от страха — ведь птица была просто великаном по сравнению с такой крошкой. Но всё-таки Дюймовочка собралась с духом, поплотнее закутала ласточку ковриком, а потом сбегала, принесла листок мяты, которым сама укрывалась, и покрыла им голову птицы.

На следующую ночь Дюймовочка опять потихоньку пробралась к птице. Ласточка уже совсем ожила, только была ещё очень слаба и еле-еле открыла глаза, чтобы посмотреть на девочку. Дюймовочка стояла перед нею с куском гнилушки в руках — другого фонаря у неё не было.

— Спасибо тебе, милая крошка! — сказала больная ласточка. — Я так хорошо согрелась! Скоро я совсем поправлюсь и опять полечу на солнышко.

— Ах, — сказала Дюймовочка, — теперь так холодно, идёт снег! Останься лучше в своей тёплой постельке, а я буду ухаживать за тобой.

Дюймовочка принесла ласточке воды в цветочном лепестке и несколько ячменных зёрнышек. Ласточка попила и поела, а потом рассказала девочке, как она поранила себе крыло о тер-

новый куст и не могла улететь вместе с другими ласточками в тёплые края. Пришла зима, стало очень холодно, и она упала на землю... Больше ласточка уже ничего не помнила, и как попала сюда, в подземелье, она не знала.

Всю зиму прожила ласточка в подземелье, а Дюймовочка ухаживала за ней.

Ни крот, ни полевая мышь ничего не знали об этом — они ведь совсем не любили птичек.

Когда настала весна и пригрело солнышко, Дюймовочка открыла дыру, которую проделал в потолке крот, чтобы ласточка могла улететь.

Ласточка спросила, не хочет ли девочка отправиться вместе с нею — пусть сядет к ней на спину, и они полетят в зелёный лес. Но Дюймовочке было жалко старую полевую мышь — она знала, что старухе без неё будет очень скучно.

— Нет, я не могу улететь с тобой, — сказала она ласточке.

— Прощай, прощай, милая девочка! — прощбетала ласточка и вылетела на волю.

Дюймовочка посмотрела ей вслед, и слёзы закапали у неё из глаз — уж очень полюбила она птичку.

— Тви-вить, тви-вить! — крикнула ласточка и скрылась в зелёном лесу.

А Дюймовочка осталась в мышиной норе. Теперь ей жилось очень плохо. Ей совсем не позволяли выходить на солнышко, а поле вокруг норки полевой мыши заросло высокими, толстыми колосьями и казалось Дюймовочке дремучим лесом.

И вот однажды пришёл старый крот и посватался к Дюймовочке.

— Ну, теперь тебе нужно готовить приданое, — сказала старуха мышь. — Ты выйдешь замуж за важного господина, и надо, чтобы у тебя всего было вдоволь.

И Дюймовочке пришлось по целым дням прясть пряжу.

Старуха мышь наняла четырёх пауков, и они днём и ночью сидели в мышиной норе и ткали разные ткани.

А толстый слепой крот приходил каждый вечер в гости и болтал о том, что скоро лету будет конец, солнце перестанет палить землю и она снова станет мягкой и рыхлой. Вот тогда они сыграют свадьбу. Но Дюймовочка всё грустила и плака-

ла: она совсем не хотела выходить замуж за толстого крота.

Каждое утро, на восходе солнца, и каждый вечер, на закате, Дюймовочка выходила на порог мышиной норки; иногда ветер раздвигал верхушки колосьев, и ей удавалось увидеть кусочек голубого неба.

«Как светло, как хорошо тут, на воле!» — думала Дюймовочка и всё вспоминала о ласточке; ей очень хотелось бы повидаться с птичкой, но ласточки нигде не было видно: должно быть, она летала там, далеко-далеко в зелёном лесу.

И вот наступила осень. Приданое Дюймовочки было готово.

— Через четыре недели твоя свадьба! — сказала Дюймовочке полевая мышь.

Но Дюймовочка заплакала и сказала, что не хочет выходить замуж за скучного крота.

— Глупости! — сказала старуха мышь. — Не упрямясь, а не то я укушу тебя своим белым зубом. Чем тебе крот не муж? У самой королевы нет такой чёрной бархатной шубки, как у него. Да и в погребках у него не пусто. Бога благодари за такого мужа!

Наконец настал день свадьбы, и крот пришёл за своей невестой. Теперь Дюймовочке придётся переселиться в кротовую нору, жить глубоко под землёй, и никогда она не увидит солнца: крот ни за что не позволит ей выходить из норы.

А бедной Дюймовочке было так тяжело навсегда распрощаться с ясным солнышком! И Дюймовочка вышла взглянуть на солнышко в последний раз.

Хлеб был уже убран с поля, и из земли опять торчали одни голые, засохшие стебли. Девочка отошла от мышиной норки подальше и протянула к солнцу руки:

— Прощай, солнышко, прощай!

Потом она увидела маленький красный цветочек, обняла его и сказала:

— Поклонись, цветочек, от меня милой ласточке, если увидишь её!

— Тви-вить, тви-вить! — вдруг раздалось над её головой.

Дюймовочка подняла глаза и увидела ласточку, которая пролетала мимо. Ласточка тоже увидела девочку и очень обрадовалась, а Дюймовочка заплакала и рассказала ласточке,

как ей не хочется выходить замуж за толстого крота и жить с ним глубоко под землёй, куда никогда не заглядывает солнышко.

— Уже наступает холодная зима,— сказала ласточка,— и я улетаю далеко-далеко, в тёплые края. Хочешь лететь со мной? Садись ко мне на спину, только привяжи себя крепче поясом, и мы улетим с тобой от гадкого крота, улетим далеко, за синее море, где солнышко светит ярче, где всегда лето и цветут чудесные цветы. Полетим со мной, милая крошка! Ты ведь спасла мне жизнь, когда я замерзала в тёмной, холодной яме.

— Да, да, я полечу с тобой! — сказала Дюймовочка.

Она села ласточке на спину и крепко привязала себя поясом к самому большому пёрышку.

Ласточка взвилась стрелой и полетела над тёмными лесами, над синими морями и высокими горами, покрытыми снегом. Тут было очень холодно, и Дюймовочка вся зарылась в тёплые перья ласточки и высунула только голову, чтобы любоваться прекрасными местами, над которыми они пролетали.

Но вот и тёплые края! Тут солнце сияло гораздо ярче, небо было вдвое выше, чем у нас, а вдоль канав и изгородей вился чудесный зелёный виноград. В лесах росли лимоны и апельсины, пахло миртами и душистой мятой, а по дорожкам бегали весёлые ребятишки и ловили больших пёстрых бабочек.

Но ласточка летела всё дальше.

На берегу прекрасного голубого озера среди зелёных кудрявых деревьев стоял старинный белый мраморный дворец. Виноградные лозы обвивали его высокие колонны, а наверху под крышей лепились птичьи гнёзда. В одном из них и жила ласточка.

— Вот мой дом! — сказала ласточка.— А ты выбери себе самый красивый цветок внизу, я посажу тебя туда, и ты заживёшь прекрасно.

Дюймовочка обрадовалась и от радости захлопала в ладоши.

Внизу лежали куски белого мрамора — это свалилась верхушка одной колонны и разбилась на три куска,— между мраморными обломками росли большие белые цветы. Ласточка спустилась и посадила девочку на широкий лепесток. Но что за чудо! В чашечке цветка сидел маленький человечек, беленький

и прозрачный, как будто он был из стекла. За плечами у него дрожали лёгкие крылышки, а на голове блестела маленькая золотая корона. Ростом он был не больше нашей Дюймовочки. Это был король эльфов.

Когда ласточка подлетела к цветку, эльф совсем перепугался. Он был такой крошечный, ласточка такая большая! Но он очень обрадовался, когда увидел Дюймовочку,— он никогда ещё не видал такой красивой девочки. Он низко поклонился ей и спросил, как её зовут.

— Дюймовочка,— ответила девочка.

— Милая Дюймовочка,— сказал эльф,— не хочешь ли ты быть моей женой?

И Дюймовочка сразу согласилась.

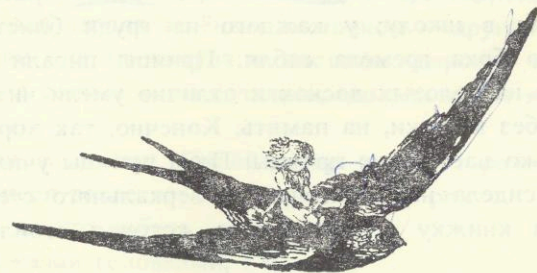
Тогда из каждого цветка вылетели эльфы и принесли Дюймовочке подарки. Самым лучшим подарком были прозрачные крылышки, совсем как у стрекозы. Их привязали Дюймовочке на спину, и она тоже могла теперь летать с цветка на цветок. То-то было радости и веселья!

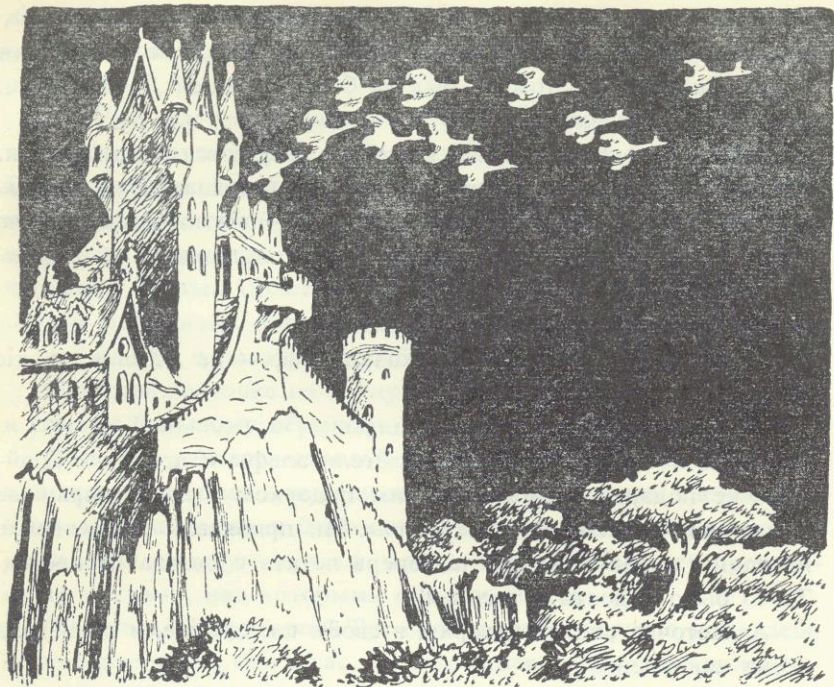
А ласточка сидела наверху, в своём гнёздышке, и распевала песни как умела.

Она пела эльфам весёлые песни всю тёплую зиму, а когда в холодных странах пришла весна, ласточка стала собираться на родину.

— Прощай, прощай! — прощбетала ласточка и опять полетела из тёплых краёв в Данию.

Там у неё было маленькое гнёздышко, как раз над окном человека, который умел хорошо рассказывать сказки. Ласточка рассказала ему про Дюймовочку, а от него и мы узнали всю эту историю.

ДИКИЕ ЛЕБЕДИ

Далеко-далеко, в той стране, куда улетают от нас на зиму ласточки, жил король. У него было одиннадцать сыновей и одна дочь, которую звали Элизой. Одиннадцать братьев-принцев уже ходили в школу; у каждого на груди блистала звезда и у левого бока гремела сабля. Принцы писали алмазными грифелями на золотых досках и отлично умели читать — и по книжке и без книжки, на память. Конечно, так хорошо читать могли только настоящие принцы. Пока принцы учились, сестра их Элиза сидела на скамеечке из зеркального стекла и рассматривала книжку с картинками, которая стоила полкоролевства.

Да, хорошо жилось детям! Но скоро всё пошло по-другому. Умерла их мать, и король женился снова. Мачеха была злая колдунья и невзлюбила бедных детей. В первый же день, когда во дворце праздновали свадьбу короля, дети почувствовали, какая злая у них мачеха. Они затеяли игру «в гости» и попросили королеву дать им пирожных и печёных яблок, чтобы накормить своих гостей. Но мачеха дала им чайную чашку простого песка и сказала:

— Хватит с вас и этого!

Прошла ещё неделя, и мачеха задумала избавиться от Элизы. Она отправила её в деревню к каким-то крестьянам на воспитание. А потом стала наговаривать королю на бедных принцев и насаждала столько дурного, что король не захотел больше и видеть своих сыновей.

И вот королева велела позвать принцев, и, когда они приблизились к ней, она крикнула:

— Пусть каждый из вас превратится в чёрного ворона! Летите прочь из дворца и сами добывайте себе пропитание!

Но ей не удалось довести до конца своё злое дело. Принцы превратились не в безобразных воронов, а в красивых диких лебедей. С криком вылетели они из окон дворца и понеслись над парками и лесами.

Было раннее утро, когда одиннадцать лебедей пролетали мимо хижины, где спала ещё крепким сном их сестрица Элиза. Они долго летали над крышей, вытягивая свои гибкие шеи и хлопая крыльями, но никто их не слышал и не видел. Так и пришлось им улететь дальше, не повидав своей сестры. Высоко-высоко, к самым облакам, взвились они и полетели в большой тёмный лес, который тянулся до самого моря.

А бедняжка Элиза осталась жить в крестьянской хижине. Целые дни она играла зелёным листочком — других игрушек у неё не было; она проткнула в листочке дырочку и смотрела сквозь неё на солнце — ей казалось, что она видит ясные глаза своих братьев.

Дни шли за днями. Порой ветер колыхал розовые кусты, распустившиеся возле дома, и спрашивал у роз:

— Есть ли кто-нибудь красивее вас?

И розы, качая головками, отвечали:

— Элиза красивее нас.

И вот наконец Элизе минуло пятнадцать лет, и крестьяне отослали её домой во дворец.

Королева увидела, как прекрасна её падчерица, и ещё больше возненавидела Элизу. Злой мачехе хотелось бы превратить Элизу, как и её братьев, в дикого лебедя, но этого она не могла сделать: король хотел видеть свою дочь.

И вот рано утром королева пошла в свою мраморную купальню, всю разубранную чудесными коврами и мягкими подушками. В углу купальни сидели три жабы. Королева взяла их в руки и поцеловала. Потом она сказала первой жабе:

— Когда Элиза войдёт в купальню, сядь ей на голову — пусть она делается такой же тупой и ленивой, как ты.

Другой жабе королева сказала:

— А ты прыгни Элизе на лоб — пусть она станет такой же безобразной, как ты. Тогда и родной отец её не узнает... Ну, а ты ляг ей на сердце, — шепнула королева третьей жабе, — пусть она станет злой, чтобы никто её не любил.

И королева бросила жаб в прозрачную воду. Вода тотчас же стала зелёной и мутной. Королева позвала Элизу, раздела её и велела ей войти в воду. Как только Элиза ступила в воду, одна жаба прыгнула ей на темя, другая на лоб, а третья на грудь. Но Элиза даже не заметила этого. А три жабы, прикоснувшись к Элизе, превратились в три красных мака. И Элиза вышла из воды такой же красивой, как и вошла.

Тогда злая королева натёрла Элизу соком грецкого ореха, и бедная Элиза стала совсем чёрной. А потом мачеха вымазала ей лицо вонючей мазью и спутала её чудные волосы. Теперь никто бы не мог узнать Элизу. Даже отец, взглянув на неё, испугался и сказал, что это не его дочь. Никто не узнавал Элизу. Только старая цепная собака с приветливым лаем бросилась к ней, да ласточки, которых она часто кормила крошками, прощепетали ей свою песню. Но кто же станет обращать внимание на бедных животных?

Горько заплакала Элиза и тайком ушла из дворца. Целый день брела она по полям и болотам, пробираясь к лесу. Элиза и сама хорошенько не знала, куда ей идти. Она всё думала о братьях, которых злая мачеха тоже выгнала из родного дома.

Элиза решила искать их повсюду, пока не найдёт. Когда Элиза добралась до леса, уже настала ночь, и бедная девушка совсем сбилась с дороги. Она опустилась на мягкий мох, а голову положила на пень. В лесу было тихо и тепло. Сотни светлячков, точно зелёные огоньки, мелькали в траве, а когда Элиза задела рукой за кустик, какие-то блестящие жучки посыпались с листьев звёздным дождём.

Всю ночь снились Элизе братья: все они опять были детьми, вместе играли, писали алмазными грифелями на золотых досках и рассматривали чудесную книжку с картинками, за которую отдано было полкоролевства. Картинки в книжке были живые: птицы распевали, и люди выскакивали со страниц книги и разговаривали с Элизой и её братьями; но как только Элиза переворачивала страницу, люди прыгали обратно — иначе в картинках вышла бы путаница.

Когда Элиза проснулась, солнце стояло уже высоко; она даже не могла хорошенько разглядеть его за густой листвой деревьев. Только иногда солнечные лучи пробирались между ветвями и бегали золотыми зайчиками по траве. Невдалеке слышалось журчание ручейка. Элиза подошла к ручейку и нагнулась над ним. Вода в ручейке была чистая и прозрачная. Если бы не ветер, шевеливший ветвями деревьев и кустов, можно было бы подумать, что и деревья и кусты нарисованы на дне ручейка — так ясно они отражались в спокойной воде.

Элиза увидела в воде своё лицо и очень испугалась — такое оно было чёрное и безобразное. Но вот она зачерпнула рукой воды, потёрла глаза и лоб, и лицо у неё опять стало белым, как прежде. Тогда Элиза разделась и вошла в прохладный, чистый ручей. Вода тотчас же смыла с неё сок грецкого ореха и вонючую мазь, которой натёрла Элизу мачеха.

Потом Элиза оделась, заплела в косы свои длинные волосы и пошла дальше по лесу, сама не зная куда. По дороге она увидела дикую яблоню, ветви которой гнулись от тяжести плодов. Элиза поела яблок, подпёрла ветви палочками и пошла дальше. Скоро она зашла в самую чащу леса. Ни одна птичка не залетала сюда, ни единственный солнечный луч не проникал сквозь перепутанные ветви. Высокие стволы стояли плотными рядами, точно бревенчатые стены. Кругом было так тихо, что Элиза

слышала свои собственные шаги, слышала шуршание каждого сухого листка, попадавшего ей под ноги. Никогда ещё Элиза не бывала в такой глуши.

Ночью стало совсем темно, даже светлячки не светили во мху. Элиза улеглась на траву и заснула.

Рано утром она отправилась дальше и вдруг встретила старушку с корзинкой ягод. Старушка дала девушке горсточку ягод, а Элиза спросила её, не проезжали ли тут, по лесу, одиннадцать принцев.

— Нет,— сказала старушка,— принцев я не встречала, но вчера я видела здесь на реке одиннадцать лебедей в золотых коронах.

И старушка вывела Элизу к обрыву, под которым протекала река. Элиза простилась со старушкой и пошла по берегу реки.

Долго шла Элиза, и вдруг перед нею открылось безбрежное море. Ни одного паруса не было видно на море, ни одной лодочки не было поблизости.

Элиза села на камень у самого берега и задумалась: что же ей делать, куда идти дальше?

К ногам Элизы подбегали морские волны, они несли с собой мелкие камешки. Вода стёрла острые края камешков, и они были совсем гладкие и круглые.

И девушка подумала: «Сколько труда нужно, чтобы твёрдый камень сделать гладким и круглым! А вода делает это. Море неустанно и терпеливо катит свои волны и побеждает самые твёрдые камни. Спасибо вам за то, что вы научили меня, светлые быстрые волны! Я буду, как вы, неустанно трудиться. Сердце говорит мне, что когда-нибудь вы отнесёте меня к моим милым братьям!»

На берегу среди сухих водорослей Элиза нашла одиннадцать белых лебединых перьев. На перьях ещё блестели капли — росы или слёз, кто знает? Вокруг было пустынно, но Элиза не чувствовала себя одинокой. Она смотрела на море и не могла насмотреться.

Вот надвигается на небо большая чёрная туча, ветер крепчает, и море тоже чернеет, волнуется и бурлит. Но туча проходит, по небу плывут розовые облака, ветер стихает, и море уже спокойно, теперь оно похоже на лепесток розы. Иногда

становится оно зелёным, иногда белым. Но как бы тихо ни было в воздухе и как бы спокойно ни было море, у берега всегда шумит прибой, всегда заметно лёгкое волнение — вода тихо вздымается, словно грудь спящего ребёнка.

Когда солнце близилось к закату, Элиза увидела диких лебедей. Как длинная белая лента, летели они один за другим. Их было одиннадцать. На голове у каждого лебеда сверкала маленькая золотая корона. Элиза отошла к обрыву и спряталась в кусты. Лебедеи спустились неподалёку от неё и захлопали своими большими белыми крыльями.

В эту минуту солнце скрылось под водой — и вдруг с лебедей упали их белые перья, и уже не одиннадцать лебедей стояли перед Элизой, а одиннадцать красавцев принцев.

Элиза громко вскрикнула — она сразу узнала своих братьев, хотя за эти долгие годы они очень изменились. Элиза бросилась в их объятия и стала называть их всех по именам.

Братья очень обрадовались тому, что нашли сестру, которая так выросла и стала такой красивой. Элиза и её братья смеялись и плакали, а потом они рассказали друг другу обо всём, что с ними случилось.

Самый старший из принцев сказал Элизе:

— Мы летаем дикими лебедями весь день, от восхода солнца до самого заката. Когда же солнце заходит, мы превращаемся снова в людей. И вот к часу солнечного заката мы спешим опуститься на землю. Если бы мы превратились в людей в то время, когда летим высоко под облаками, мы тотчас же упали бы на землю и разбились. Живём мы не здесь. Далеко-далеко за морем лежит такая же прекрасная страна, как эта. Вот там-то мы и живём. Но дорога туда длинна; надо перелететь через всё море, а по пути нет ни одного острова, где бы мы могли провести ночь. Лишь на самой середине моря высится одинокий утёс. Он так мал, что мы можем стоять на нём, только тесно прижавшись друг к другу. Когда море бушует, брызги волн перелетают через наши головы. Но если бы не было этого утёса, нам бы никогда не удалось побывать на нашей родной земле: море широко, мы не можем перелететь через него от восхода до заката солнца. Только два раза в год, в самые длинные дни, наши крылья в силах перенести нас через море. И вот мы прилетаем сюда

и живём здесь одиннадцать дней. Мы летаем над этим большим лесом и глядим на дворец, где мы родились и провели детство. Он хорошо виден отсюда. Тут каждый куст и каждое дерево кажутся нам родными. По зелёным лугам бегают дикие лошади, которых мы видели ещё в детстве, а угольщики поют те самые песни, которые мы слышали, когда жили ещё в родном дворце. Тут наша родина, сюда тянет нас всем сердцем, и здесь-то мы нашли тебя, милая, дорогая сестричка! В этот раз мы пробыли здесь уже девять дней. Через два дня мы должны улететь за море, в прекрасную, но чужую страну. Как же нам взять тебя с собою? У нас нет ни корабля, ни лодки.

— О, если бы я могла освободить вас от чар! — сказала братьям Элиза.

Так они проговорили почти всю ночь и задремали только перед самым рассветом.

Элиза проснулась от шума лебединых крыльев. Братья опять стали птицами и полетели в родной лес. Только один лебедь остался на берегу с Элизой. Это был младший из её братьев. Лебедь положил свою голову ей на колени, и она гладила и перебирала его пёрышки. Целый день провели они вдвоём, а к вечеру прилетели десять лебедей, и когда солнце село, они вновь превратились в принцев.

— Завтра мы должны улететь и не посмеем вернуться раньше будущего года, — сказал Элизе старший брат, — но мы не покинем тебя здесь. Полетим с нами! Я один на руках могу пронести тебя через весь лес, так неужели мы, все одиннадцать, на наших крыльях не сможем перенести тебя через море?

— Да, возьмите меня с собой! — сказала Элиза.

Всю ночь плели они сетку из гибкой ивовой коры и тростника. Сетка вышла большая и прочная, и братья положили в неё Элизу. И вот на восходе солнца десять лебедей подхватили сетку клювами и взвились под облака. Элиза спала в сетке сладким сном. А чтобы лучи солнца не разбудили её, одиннадцатый лебедь летел над её головой, защищая лицо Элизы от солнца своими широкими крыльями.

Лебеди были уже далеко от земли, когда Элиза проснулась, и ей показалось, что она видит сон наяву, — так странно было ей лететь по воздуху. Возле неё лежала ветка со спелыми

ягодами и пучок вкусных кореньев — их собрал и положил возле Элизы самый младший брат, и Элиза улыбнулась ему — она догадалась, что это он летел над ней и защищал её от солнца своими крыльями.

Лебеди летели так стремительно, как летят стрелы, пущенные из лука, но всё-таки не так быстро, как всегда: ведь на этот раз они несли сестру. День стал клониться к вечеру, и зашумела непогода. Элиза со страхом глядела, как солнце опускалось всё ниже и ниже, а одинокого морского утёса всё ещё не было видно. И вот Элизе показалось, что лебеди уже совсем устали и с трудом машут крыльями. Зайдёт солнце, её братья на лету обратятся в людей, упадут в море и утонут. И она будет этому виной!

Приближалась чёрная туча, сильные порывы ветра предвещали бурю, грозно сверкала молния.

Сердце Элизы затрепетало: солнце уже почти касалось воды.

И вдруг лебеди устремились вниз со страшной быстротой. Элизе показалось, что они падают. Но нет, они ещё летели. И вот, когда солнце уже наполовину ушло в воду, Элиза увидела внизу утёс. Он был очень маленький, не больше тюленя, высунувшего из воды голову. Лебеди ступили на камни утёса в ту самую минуту, когда погас в воздухе последний луч солнца. Элиза увидела вокруг себя братьев, стоявших рука об руку; они едва умещались на крошечном утёсе. Море бешено билось о камни и окатывало братьев и Элизу целым дождём брызг. Небо пылало от молний, и ежеминутно грохотал гром, но сестра и братья держались за руки и ободряли друг друга ласковыми словами.

На заре буря улеглась, и опять стало ясно и тихо. Как только взошло солнце, братья с Элизой полетели дальше. Море ещё волновалось, и они видели с высоты, как белая пена плыла, точно миллионы лебедей, по тёмно-зелёной воде.

Когда солнце поднялось выше, Элиза вдруг увидела вдали огромный замок, окружённый лёгкими, словно воздушными, галереями; внизу, под стенами замка, колыхались пальмы и росли прекрасные цветы.

Элиза спросила, та ли это страна, куда они летят, но лебеди

покачали головами: это был только призрачный, вечно изменяющийся, облачный замок Фата-Морганы.

Элиза опять посмотрела вдаль, но замка уже не было. Там, где раньше был замок, поднимались высокие горы, поросшие густым лесом. На самых вершинах гор сверкал снег, глыбы прозрачного льда спускались между неприступными скалами.

Вдруг горы превратились в целую флотилию кораблей; Элиза взгляделась пристальнее и увидела, что это просто морской туман, подымавшийся над водой.

Но вот наконец показалась настоящая земля. Там, на берегу, расстилалась зелёные поля, темнели кедровые леса, а вдали виднелись большие города и высокие замки. До заката солнца было ещё далеко, а Элиза уже сидела на скале перед глубокой пещерой. По стенам пещеры вились нежно-зелёные растения, как будто вышитые зелёные ковры. Это был прекрасный дом её братьев-лебедей.

— Посмотрим, что приснится тебе в эту ночь,— сказал младший брат и отвёл Элизу в её опочивальню.

— Ах, если бы я увидела во сне, как освободить вас от чар! — сказала Элиза и закрыла глаза.

И вот ей пригрезилось, что она летит высоко-высоко к тому замку, который она видела над морем. А из замка навстречу ей выходит фея Фата-Моргана. Фата-Моргана светла и прекрасна, но в то же время удивительно похожа на ту старушку, которая дала Элизе в лесу ягод и рассказала о лебедях в золотых коронах.

— Твоих братьев можно спасти,— сказала Фата-Моргана,— но хватит ли у тебя мужества и стойкости? Вода мягче твоих нежных рук, и всё-таки она делает камни гладкими и круглыми, но вода не чувствует боли, которую будут чувствовать твои пальцы; у воды нет сердца, которое сжимается от страха и муки, как твоё сердце. Видишь, у меня в руках крапива. Такая же крапива растёт здесь возле пещеры, и только она да ещё та крапива, которая растёт на кладбище, может тебе пригодиться. Запомни же это! Нарви крапивы, хотя руки твои покроются волдырями от ожогов; потом разомни её ногами и свей из неё длинные нити. Из этих нитей сплети одиннадцать рубашек с длинными рукавами и, когда они будут готовы,

набрось их на лебедей. Чуть только рубашки коснутся их перьев, колдовство исчезнет. Но помни, что с той минуты, как ты начнёшь свою работу, и до тех пор, пока не окончишь её, ты не должна говорить ни слова, хотя бы работа твоя длилась целые годы. Первое же слово, которое сорвётся у тебя с языка, пронзит сердца твоих братьев, как кинжалом. Их жизнь и смерть в твоих руках! Помни же всё это!

И Фата-Моргана коснулась руки Элизы жгучей крапивой.

Элиза почувствовала боль, как от ожога, и проснулась. Был уже светлый день. У самой постели Элизы лежало несколько стеблей крапивы, точь-в-точь как та, которую она видела во сне. Тогда Элиза вышла из пещеры и принялась за работу.

Своими нежными руками рвала она злую, жгучую крапиву, и пальцы её покрывались большими волдырями, но она с радостью переносила боль: только бы спасти милых братьев! Она нарвала целую охапку крапивы, потом размяла её голыми ногами и стала вить длинные зелёные нити.

Когда зашло солнце, в пещеру вернулись братья. Они стали расспрашивать сестру о том, что она делала, пока их не было. Но Элиза не ответила им ни слова. Братья очень испугались, увидя, что сестра их стала немой.

«Это новое колдовство злой мачехи»,— подумали они, но, взглянув на руки Элизы, покрытые волдырями, поняли, что она стала немой ради их спасения. Самый младший из братьев заплакал; слёзы его капали ей на руки, и там, куда падала слезинка, исчезали жгучие волдыри, утихала боль.

Ночь Элиза провела за своей работой; об отдыхе она и не думала — она думала только о том, как бы поскорее освободить своих милых братьев. Весь следующий день, пока лебеди летали, она оставалась одна-одинёшенька, но никогда ещё время не шло так быстро. Вот уже одна рубашка была готова, и девушка принялась за следующую.

Вдруг в горах послышались звуки охотничьих рогов. Элиза испугалась. Звуки всё приближались, затем раздался лай собак. Девушка скрылась в пещеру, связала всю собранную крапиву в пучок и села возле него. В ту же минуту из-за кустов выпрыгнула большая собака, за ней другая и третья. Собаки громко лаяли и бегали взад и вперёд. Скоро у пещеры собрались все

охотники. Самый красивый из них был король той страны: он подошёл к Элизе. Никогда ещё не встречал он такой красавицы!

— Как ты попала сюда, прелестное дитя? — спросил он, но Элиза только покачала головой — она ведь не смела говорить: если бы она сказала хоть одно слово, её братья погибли бы.

Руки свои Элиза спрятала под передник, чтобы король не увидел волдырей и царапин.

— Пойдём со мной! — сказал король. — Здесь тебе нельзя оставаться! Если ты так же добра, как хороша, я наряжу тебя в шёлк и бархат, надену тебе на голову золотую корону, и ты будешь жить в моём великолепном дворце.

И он посадил её на седло перед собой.

Элиза горько плакала, но король сказал:

— Я хочу только твоего счастья. Когда-нибудь ты сама поблагодаришь меня.

И он повёз её через горы, а охотники скакали следом.

К вечеру перед ними показалась великолепная столица короля, с дворцами и башнями, и король ввёл Элизу в свой дворец. В высоких мраморных покоях журчали фонтаны, а стены и потолки были расписаны красивыми картинами. Но Элиза ни на что не смотрела, она плакала и тосковала. Служанки надели на неё королевские одежды, вплели ей в волосы жемчужные нити и натянули на её обожжённые пальцы тонкие перчатки.

В богатых уборах Элиза была так прекрасна, что весь двор преклонился перед ней, а король провозгласил её своей невестой. Но королевский епископ покачал головой и стал нащёптывать королю, что немая красавица, должно быть, лесная колдунья — она околдовала сердце короля.

Король не стал его слушать, он дал знак музыкантам, велел позвать лучших танцовщиц и подавать на стол дорогие блюда, а сам повёл Элизу через благоухающие сады в великолепные покои. Но Элиза по-прежнему была грустной и печальной. Тогда король открыл дверцу в маленькую комнату возле спальни Элизы. Комната вся была увешана зелёными коврами и напоминала лесную пещеру, где король нашёл Элизу. На полу лежала связка крапивы, а на стене висела сплетённая Элизой рубашка. Всё это, как диковинку, захватил с собой из лесу один из охотников.

— Тут ты можешь вспоминать своё прежнее жилище, — сказал король. — А вот и твоя работа. Может быть, ты пожелаешь иногда развлечься среди всей окружающей тебя пышности воспоминаниями о прошлом.

Увидев свою крапиву и сплетённую рубашку, Элиза радостно улыбнулась и поцеловала руку короля, а он прижал её к своей груди.

Епископ продолжал нащёптывать королю злые речи, но они не доходили до сердца короля. На другой день сыграли свадьбу. Епископ сам должен был надеть на невесту корону; с досады он так плотно надвинул ей на лоб узкий золотой обруч, что всякому стало бы больно, но Элиза даже не заметила этого.

Она всё думала о своих милых братьях. Губы её по-прежнему были сжаты, ни единого слова не вылетало из них, зато в её глазах светилась горячая любовь к доброму, красивому королю, который делал всё, чтобы только порадовать её. С каждым днём она привязывалась к нему всё больше. О, если бы она могла рассказать ему о своих страданиях! Но она должна была молчать, пока не окончит своей работы.

По ночам она тихонько уходила в свою потайную комнатку, похожую на пещеру, и плела там одну рубашку за другой. Уже шесть рубашек были готовы, но когда она принялась за седьмую, то увидела, что крапивы у неё больше нет.

Элиза знала, что может найти такую крапиву на кладбище. И вот ночью она потихоньку вышла из дворца.

Сердце её сжималось от страха, когда она пробиралась лунной ночью на кладбище по длинным аллеям сада, а потом по пустынным улицам.

На кладбище Элиза нарвала крапивы и вернулась домой.

Лишь один человек не спал в ту ночь и видел Элизу. Это был епископ. Утром епископ пришёл к королю и рассказал ему о том, что он видел сегодня ночью.

— Прогони её, король, она злая колдунья! — нащёптывал епископ.

— Неправда, Элиза невинна! — ответил король, но всё же сомнение закралось в его сердце.

Ночью король только притворился, что спит. И вот он увидел, что Элиза встала и скрылась из спальни. В следующие

ночи повторилось то же самое; король не спал и видел, как она исчезала в своей потайной комнатке.

Король становился всё мрачнее и мрачнее. Элиза видела это, но не понимала, чем недоволен король. Сердце её ныло от страха и от жалости к братьям; на её королевское платье катились горькие слёзы, блестевшие как алмазы, а люди, видевшие её богатые уборы, завидовали ей. Но скоро-скоро конец её работе. Уже десять рубашек были готовы, но на одиннадцатую опять не хватило крапивы. Еще раз, последний раз, нужно было пойти на кладбище и нарвать несколько пучков крапивы. Она с ужасом подумала о пустынном кладбище и всё-таки решилась идти туда.

Ночью Элиза опять вышла тайком из дворца, но король и епископ следили за ней, и они увидели, как Элиза скрылась за кладбищенской оградой. Что могла делать королева ночью на кладбище?..

— Теперь ты сам видишь, что она злая колдунья,— сказал епископ и потребовал, чтобы Элизу сожгли на костре.

И король должен был согласиться.

Элизу посадили в тёмное, сырое подземелье, с железными решётками на окнах, в которые со свистом врвался ветер. Ей бросили охапку крапивы, которую она нарвала на кладбище. Эта жгучая крапива должна была служить Элизе изголовьем, а сплетённые ею жёсткие рубашки — постелью. Но ничего другого Элизе и не надо было. Она снова принялась за работу.

Вечером у решётки раздался шум лебединых крыльев. Это самый младший из братьев отыскал свою сестру, и Элиза громко зарыдала от радости, хотя и знала, что ей оставалось жить одну ночь. Зато работа её подходила к концу и братья были тут!

Всю ночь плела Элиза последнюю рубашку. Мыши, бегавшие по подземелью, сжалились над ней и, чтобы хоть немножко помочь ей, стали собирать и приносить к её ногам разбросанные стебли крапивы, а дрозд, сидевший за решётчатым окном, утешал её своей песенкой.

На заре, незадолго до восхода солнца, к дворцовым воротам пришли одиннадцать братьев Элизы и потребовали, чтобы их впустили к королю. Им ответили, что это невозможно: король

ещё спал и никто не смел его беспокоить. Но они не уходили и продолжали просить. Король услышал чьи-то голоса и выглянул в окно, чтобы узнать, в чём дело. Но в эту минуту взошло солнце, и братья Элизы исчезли. Король увидел только, как над дворцом взвились одиннадцать диких лебедей.

Народ толпами шёл за город посмотреть на казнь королевы. Жалкая кляча везла телегу, в которой сидела Элиза; на Элизу надели рубаху из грубого холста; её чудные длинные волосы были распущены по плечам, а лицо её было бледно как снег. Даже по дороге к месту казни не выпускала она из рук своей работы: десять рубашек лежали у её ног совсем готовые, одиннадцатую она продолжала плести.

— Посмотрите на ведьму! — кричали в толпе. — Она не расстанется со своими колдовскими штуками! Вырвем-ка их у неё да разорвём в клочки!

Чьи-то руки уже протянулись к телеге, чтобы вырвать у Элизы зелёную рубашку, но вдруг прилетели одиннадцать лебедей. Они сели по краям телеги и захлопали своими могучими крыльями. Испуганный народ расступился в стороны.

— Белые лебеди слетели с неба! Она невинна! — шептали многие, но не смели сказать этого вслух.

И вот палач уже схватил Элизу за руку, но она быстро набросила на лебедей зелёные рубашки, и, чуть только рубашки коснулись их перьев, все одиннадцать лебедей обратились в красавцев принцев.

Лишь у самого младшего вместо левой руки осталось лебединое крыло: Элиза не успела доплести рукав на последней рубашке.

— Теперь я могу говорить! — сказала Элиза. — Я невинна!

И народ, видевший всё, что произошло, преклонился перед ней и стал прославлять её, но Элиза без чувств упала в объятия братьев. Она была так измучена страхом и болью.

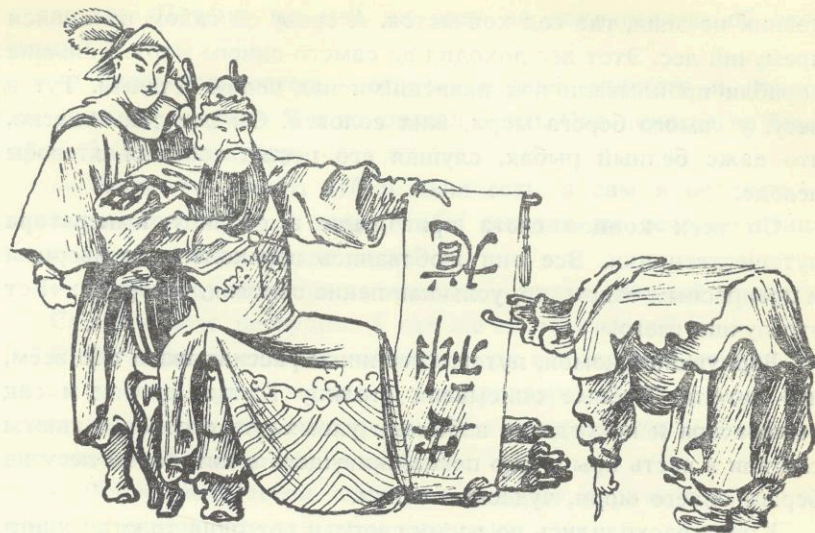
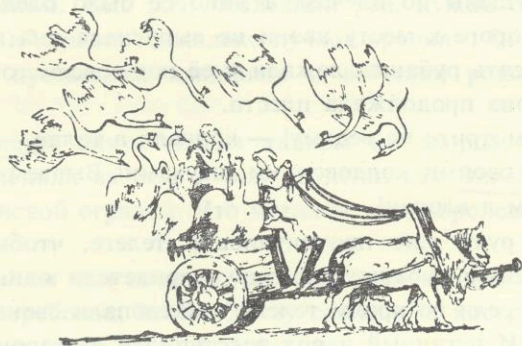
— Да, она невинна! — сказал самый старший принц и рассказал всё, как было.

А пока он говорил, в воздухе распространилось благоухание, словно от миллионов роз: это каждое полено в костре пустило корни и ростки, и вот на том месте, где хотели сжечь Элизу, вырос высокий зелёный куст, покрытый красными розами. А на

самой верхушке куста блестел, как звезда, ослепительный белый цветок.

Король сорвал его, положил на грудь Элизы, и она очнулась.

Тут все колокола в городе зазвонили сами собой, птицы слетелись целыми стаями, и ко дворцу потянулось такое счастливое шествие, какого не видывал ещё ни один король!

СОЛОВЕЙ

В Китае, как ты, верно, знаешь, и сам император китаец, и все кругом китайцы.

Давным-давно это было, но потому-то и стоит рассказать эту историю, пока она ещё не забылась совсем.

В целом мире не нашлось бы дворца лучше, чем дворец китайского императора. Он весь был из драгоценного фарфора, такого тонкого и хрупкого, что страшно было до него и дотронуться. Дворец стоял в прекрасном саду, в котором росли чудесные цветы. К самым красивым цветам были привязаны серебряные колокольчики. И когда дул ветерок, цветы покачивались и колокольчики звенели. Это было сделано для того, чтобы никто не прошёл мимо цветов, не поглядев на них. Вот как умно было придумано!

Сад тянулся далеко-далеко, так далеко, что даже сам са-

довник не знал, где сад кончается. А сразу за садом начинался дремучий лес. Этот лес доходил до самого синего моря. Большие корабли проплывали под нависшими над водой ветвями. Тут в лесу, у самого берега моря, жил соловей. Он пел так чудесно, что даже бедный рыбак, слушая его песни, забывал о своём неводе.

Со всех концов света приезжали в столицу императора путешественники. Все они любовались великолепным дворцом и прекрасным садом, но, услышав пение соловья, говорили: «Вот это лучше всего!»

Вернувшись домой, путешественники рассказывали обо всём, что видели. Учёные описывали столицу Китая, дворец и сад императора и никогда не забывали упомянуть о соловье; поэты слагали в честь крылатого певца, живущего в китайском лесу на берегу синего моря, чудесные стихи.

Книги расходились по всему свету, и вот одна толстая книга дошла и до самого китайского императора. Он сидел на своём золотом троне, читал и кивал головой. Ему очень приятно было читать о том, как хороша его столица, как прекрасны его дворец и сад. Но вот на последней странице книги император прочитал:

«В Китае много чудесного, но лучше всего маленькая птичка, по имени соловей, которая живёт в лесу близ императорского сада. Ради того, чтобы послушать её пение, советуем каждому съездить в Китай».

— Что такое? — сказал император. Он встал с трона и хлопнул книгу. — Как?! В моём государстве и даже рядом с моим собственным дворцом живёт такая удивительная птица, а я ни разу не слышал, как она поёт! И мне приходится узнавать о ней из чужих книг!

И он велел позвать своего первого министра. Этот министр напускал на себя такую важность, что если кто-нибудь из людей пониже его чином осмеливался заговорить с ним или спросить его о чём-нибудь, он отвечал только: «Пф!» — а это ведь ровно ничего не означает.

— Я прочёл в учёной книге, что у нас есть замечательная птица, которую зовут соловей, — сказал император министру. — Её считают первой достопримечательностью моего го-

сударства. Почему же мне ни разу не докладывали об этой птице?

— Ваше величество! — отвечал первый министр и поклонился императору. — Я и не слышал о ней. Она никогда не была представлена ко двору.

— Весь свет знает, что у меня есть, а сам я не знаю, — сказал император. — Я хочу, чтобы сегодня же вечером птица была здесь и пела передо мной!

— Я разыщу её, ваше величество, — сказал первый министр. Сказать было нетрудно. А где же её разыщешь?

И вот первый министр забегал вверх и вниз по лестнице, по залам и коридорам, но никто из придворных и не слыхивал о соловье. И первый министр вернулся к императору и доложил, что соловья в Китае нет и не было.

— Ваше величество напрасно изволит верить всему, что пишут в книгах; это всё одни выдумки.

— Не говори глупостей! — сказал император. — Я хочу слышать соловья. Он должен быть во дворце сегодня же вечером! А если его не будет здесь в назначенное время, я прикажу после ужина отколотить тебя и всех министров палками по пяткам.

— Тзинг-пе! — сказал первый министр и опять забегал вверх и вниз по коридорам и залам.

С ним бегали все министры и придворные — никому не хотелось отведать палок.

На площадках лестниц они сталкивались носами и спрашивали друг друга:

— Что такое со-ло-вей? Где найти соловья?

Так они обегали весь дворец и наконец попали на кухню. В кухне сидела маленькая девочка и вытирала тарелки. Первый министр спросил девочку, не знает ли она, где живёт соловей.

— Соловей? — сказала девочка. — Ну конечно, знаю! Он так хорошо поёт в нашем лесу! Я каждый день ношу моей больной матери остатки от обеда с императорской кухни. А живём мы у самого моря. Там, в лесной чаще, есть старое дерево с большим дуплом и густыми-густыми ветвями. И вот, когда я прохожу мимо этого дерева, я каждый раз слышу песню соловья. Он поёт так нежно, что слёзы появляются у меня на

глазах, а на душе становится так радостно, будто меня целует мама.

— Девочка,— сказал первый министр,— я позволю тебе посмотреть, как кушает сам император, если ты сведёшь нас к соловью. Он приглашён сегодня вечером ко двору.

И вот все отправились в лес. Впереди шла девочка, а за ней министр и придворные.

Шли они, шли и вдруг услышали, как замычала корова.

— О! — сказали придворные.— Это, наверно, и есть соловей. Какой сильный у него голос!

— Это мычит корова,— сказала девочка.— Ещё далеко до того дерева, на котором живёт соловей.

И все пошли дальше.

Тут в пруду заквакали лягушки.

— Чудесно! — сказал придворный бонза.— Наконец-то слышу соловья! Он поёт точь-в-точь как серебряные колокольчики в нашей молельне.

— Нет, это лягушки,— сказала девочка.— Но теперь, я думаю, мы скоро услышим и самого соловья.

И вот наконец в зелёных ветвях раздалось чудесное пение.

— Вот это соловей,— сказала девочка.— Слушайте, слушайте! А вот и он сам.— И она указала пальцем на маленькую серенькую птичку, которая сидела на ветке.

— Пф! — сказал первый министр.— Никак не думал, что этот знаменитый соловей такой невзрачный с виду. Наверно, он потерял свои краски от страха, увидев так много знатных особ.

— Соловушка! — громко закричала девочка.— Наш император хочет послушать твои песни.

— Очень рад! — ответил соловей и запел так, что просто чудо.

— Пф-пф! — сказал первый министр.— Ваш голос звенит так же звонко, как стеклянные колокольчики на парадном балдахине императора. Вы будете иметь огромный успех при дворе.

— Спеть ли мне ещё для императора? — спросил соловей. Он подумал, что тут был сам император.

— Послушайте, господин соловей,— сказал первый министр,— его величество император приглашает вас сегодня ве-

чером на придворный праздник. Не сомневаюсь, что вы очаруете его величество своим дивным пением.

— Песни мои гораздо лучше слушать в зелёном лесу,— сказал соловей.— Но я охотно полечу с вами, если это будет приятно императору.

А во дворце между тем все бегали, хлопали дверями и суетились — все готовились к празднику.

В фарфоровых стенах и в стеклянном полу отражались сотни тысяч золотых фонариков; в коридорах рядами были расставлены прекрасные цветы, а привязанные к цветам колокольчики от всей этой беготни и сквозняка звенели так, что не слышно было человеческого голоса.

И вот наступил вечер. Посреди огромного зала восседал император. Напротив императорского трона поставили золотой шест, и на самой верхушке его сидел соловей. Все придворные были в полном сборе. И бедной девочке из кухни позволили стоять в дверях — в награду за то, что она нашла соловья, первый министр назначил её придворной поварихой. Все были разодеты в пух и прах и не сводили глаз с маленькой серенькой птички. Но вот император милостиво кивнул головой.

И соловей запел. Он пел так нежно, так чудесно, что у императора выступили на глазах слёзы и покатались по щекам. Тогда соловей залился ещё громче, ещё нежнее.

Когда он кончил, император сказал, что жалует соловью свою золотую туфлю на шею. Но соловей поблагодарил и отказался.

— Я видел слёзы в глазах императора,— сказал соловей.— Какой мне ещё желать награды?

И опять зазвучал его чудесный голос.

— Ах, это очаровательно! — восклицали наперебой придворные дамы.

И с тех пор, когда им нужно было разговаривать с кем-нибудь, они набирали в рот воды, чтобы она булькала у них в горле. Они воображали, что это бульканье похоже на соловьиные трели.

Соловья оставили при дворе и отвели ему особую комнату. Два раза в день и раз ночью ему разрешали гулять. Но к нему приставили двенадцать лакеев, и каждый из них держал

привязанную к ножке соловья шёлковую ленточку. Нечего сказать, большое удовольствие было от такой прогулки!

Весь город заговорил об удивительной птице, и если встречались на улице трое знакомых, один из них сейчас же говорил: «со», другой подхватывал: «ло», а третий: «вей», после чего все трое вздыхали, сразу поняв друг друга.

Одиннадцать лавочников дали своим сыновьям имена в честь соловья, но ни один из мальчиков не мог спеть даже самой простой песенки.

Но вот однажды императору прислали из Японии ящичек, завернутый в шёлковую материю.

На ящичке было написано: «Соловей».

— Это, наверно, новая книга о нашей знаменитой птице, — сказал император.

Ящик открыли, но в нём была не книга, а разукрашенная коробочка. А в коробочке лежал искусственный соловей. Он был очень похож на настоящего, но весь осыпан бриллиантами, рубинами и сапфирами. Стоило завести птицу — и она начинала петь одну из тех песен, которые пел настоящий соловей, и вертеть хвостиком, который отливал золотом и серебром. На шейке у птицы была ленточка с надписью: «Соловей императора японского ничто в сравнении с соловьём императора китайского».

— Какая прелесть! — сказали все, а того, кто привёз драгоценную птицу, сейчас же возвели в чин «придворного поставщика соловьёв».

— Теперь пусть этот соловей и наш настоящий споют вместе, — решил император.

Но дело не пошло на лад: настоящий соловей пел всё новые и новые песни, а искусственный повторял одну и ту же, как заведённая шарманка.

Тогда искусственного соловья заставили петь одного. Его пение так же понравилось придворным, как и пение настоящего соловья, но новая птица была куда красивее — она вся так и блестела, так и сверкала.

Тридцать три раза пропела она одно и то же и не устала.

Придворные охотно слушали бы её ещё, да император сказал, что надо послушать и живого соловья. Тут все обернулись

и посмотрели на золотой шест. Но соловья там не было. Куда же он девался?..

Никто не заметил, как соловей выпорхнул в открытое окно и улетел в свой зелёный лес.

— Что же это, однако, такое? — сказал император, и все придворные стали бранить соловья и называть его неблагодарной тварью.

— Но всё-таки лучшая птица осталась у нас! — сказали придворные, и искусственному соловью пришлось спеть свою единственную песню в тридцать четвёртый раз.

«Придворный поставщик соловьёв» расхваливал свою птицу и уверял, что она гораздо лучше настоящей.

— Извольте ли видеть, высокий повелитель мой, и вы, милостивые господа, — говорил он, — никогда ведь нельзя знать заранее, что именно споёт живой соловей, а у искусственного всё известно наперёд. Можно даже разобрать его и посмотреть, как он устроен: как расположены и действуют все валики, винтики и пружинки.

— О да, мы тоже так думаем, — сказали придворные, а император велел показать птицу народу в следующее же воскресенье.

— Пусть и народ послушает её, — сказал император.

Народ послушал и пришёл в такой восторг, как будто напился хорошего чаю, — китайцы ведь очень любят чай.

Все в один голос восклицали: «О!», поднимали вверх указательные пальцы и кивали головами. Но бедные рыбаки, которые слышали настоящего соловья, говорили:

— Голос у него неплохой, и поёт он почти так же, как наш соловушка, но всё-таки не то. Чего-то недостаёт, а чего — мы и сами не знаем.

А тем временем император издал указ. В этом указе настоящего соловья объявили изгнанным из китайского государства.

А искусственный соловей лежал на шёлковой подушке возле самой императорской постели. Вокруг него были разложены все пожалованные ему драгоценности, а на шее висела императорская золотая туфля. Искусственной птице дали особое звание: «Первый певец императорского ночного столика с левой сто-

роны», потому что император считал более важной именно ту сторону, на которой находится сердце, а сердце находится слева даже у китайского императора.

Учёные написали об искусственном соловье двадцать пять книг, полных самых мудрёных и непонятных китайских слов. Но все придворные уверяли, что они прочли эти книги и поняли всё, что там написано, — иначе ведь их прозвали бы дураками и отколотили бы палками по пяткам.

Так прошёл целый год. Император, весь двор и даже весь народ знали наизусть каждую нотку в песне искусственного соловья. Поэтому-то пение его им нравилось ещё больше. Они сами могли теперь подпевать птице. Уличные мальчишки пели: «Ци-ци-ци! Клюк-клюк-клюк!» И даже сам император напевал иногда: «Ци-ци-ци! Клюк-клюк-клюк!»

И вот один раз вечером искусственная птица распевала перед императором, а он лежал в постели и слушал её.

Вдруг внутри птицы что-то зашипело, зажужжало, колёса завертелись, и музыка смолкла.

Император вскочил и послал за своим придворным врачом. Но что же тот мог поделать? Ведь он умел лечить только живых людей. Тогда призвали часовщика. Часовщик открыл птице живот и долго рассматривал какие-то колёсики и подвинчивал какие-то винтики. Потом он сказал, что птица будет петь, но с ней надо обращаться очень осторожно: маленькие зубчики истёрлись, а поставить новые нельзя.

И император издал новый указ, в котором говорилось, что «Первого певца императорского ночного столика с левой стороны» разрешается заводить только раз в году, да и то ненадолго.

Прошло ещё пять лет. И вот однажды император заболел. Все доктора говорили, что он непременно умрёт. Министры и придворные собирались уже провозгласить нового императора, а народ толпился на улице и спрашивал первого министра о здоровье старого императора.

— Пф! — отвечал первый министр и покачивал головой.

Бледный и похолодевший лежал император на своём великоленном ложе. Все придворные считали его умершим, и каждый спешил поклониться новому императору. Слуги бегали взад

и вперёд по дворцу и узнавали последние новости, а служанки проводили время в болтовне за чашкой чая. Во всех залах и коридорах были разостланы ковры, чтобы не слышно было шума шагов, и во дворце стояла мёртвая тишина.

Но старый император ещё не умер, хотя и лежал совсем неподвижно на своём великолепном ложе, под бархатным балдахинном с золотыми кистями. Окно было раскрыто, и ясный месяц глядел на императора и искусственного соловья, который лежал на шёлковой подушке возле постели.

Бедный император не мог вздохнуть, и ему казалось, что кто-то сидит у него на груди... Он приоткрыл глаза и увидел, что на груди у него сидит смерть. На голове у неё была надета корона императора, в одной руке она держала его золотую саблю, а в другой — императорское знамя.

А кругом, из всех складок бархатного балдахина, выглядывали какие-то странные головы: одни — безобразные и злые, другие — красивые и добрые. Но злых было гораздо больше. Это были злые и добрые дела императора. Они смотрели на императора и что-то шептали.

— Помнишь ли ты это? — шептала одна злая голова.

— А это помнишь? — шептала другая.

И головы рассказывали императору так много о его злых делах, что на лбу у него выступил холодный пот.

— Я забыл об этом, — говорил император. — А этого никогда и не знал. — И он закричал: — Музыку сюда, музыку! Бейте в большой китайский барабан! Я не хочу слушать их речи!

Но головы всё продолжали говорить, а смерть, как китаец, кивала при каждом их слове.

— Музыку сюда, музыку! — кричал император. — Пой хоть ты, моя славная птичка! Я одарил тебя золотом и драгоценностями, я повесил тебе на шею свою золотую туфлю — пой же, пой!

Но птица молчала: некому было завести её, а иначе она петь не умела. А смерть всё смотрела на императора своими большими, пустыми глазными впадинами.

И вдруг за окном раздалось чудное пение. То был живой соловей. Он узнал, что император болен, и прилетел, чтобы утешить и ободрить его. Он пел, и призраки всё бледнели, а

кровь прилиwała всё живей к сердцу императора. Сама смерть заслушалась соловья и тихо повторяла:

— Пой, пой ещё, соловушка!

— А ты отдашь за это императору драгоценную саблю? И знамя? И корону? — спрашивал соловей.

И смерть отдавала императору его сокровища одно за другим, а соловей продолжал петь. Вот он запел о тихом кладбище, на котором цветёт бузина, благоухают белые розы и свежая трава на могилах орошается слезами живых людей, оплакивающих своих умерших близких... Тут смерти так захотелось вернуться на кладбище, что она закуталась в белый холодный туман и вылетела в окно.

— Спасибо тебе, милая птичка! — сказал император. — Я изгнал тебя когда-то из моего государства, а теперь ты своей песней отогнала от моей постели ужасные призраки, прогнала даже смерть! Чем мне вознаградить тебя?

— Ты уже наградил меня раз навсегда, — сказал соловей. — Я видел слёзы в твоих глазах, когда первый раз пел перед тобой, — этого я не забуду никогда. Слёзы — самая драгоценная награда певцу.

И он запел опять, а император заснул здоровым, крепким сном.

Когда он проснулся, в окно уже светило солнце. Никто из его министров и придворных не приходил к своему императору. Все думали, что он умер. Один соловей сидел у окна и пел.

— Остайся у меня навсегда, — сказал император. — Ты будешь петь, только когда сам захочешь, а искусственную птицу я разобью вдребезги.

— Не надо! — сказал соловей. — Она служила тебе как могла. Оставь её у себя. Я не могу жить во дворце. Я буду прилетать к тебе, когда сам захочу, и буду петь тебе о счастливых и несчастных, о добре и зле, обо всём, что делается вокруг тебя и чего ты не знаешь. Маленький соловей летает повсюду, залетает и под крышу бедного рыбака и поселянина, которые живут вдали от дворца. Я буду прилетать и петь тебе. Но обещай мне...

— Всё, что хочешь! — воскликнул император и встал с постели.

Он успел уже надеть своё царское одеяние и прижимал к сердцу тяжёлую золотую саблю.

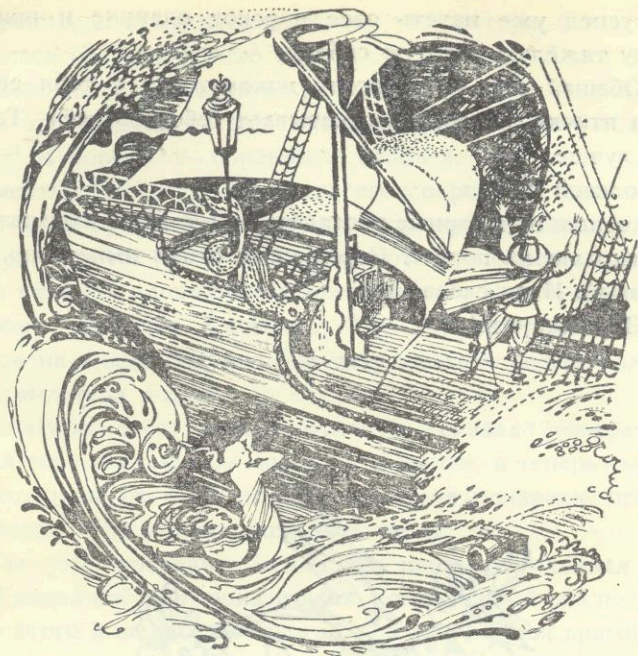
— Обещай мне не говорить никому, что у тебя есть маленькая птичка, которая рассказывает тебе обо всём. Так дело пойдёт лучше.

И соловей улетел.

Тут вошли придворные поглядеть на мёртвого императора, да так и застыли на пороге. Перед ними стоял император, живой и здоровый. И он сказал им:

— Здравствуйте!

РУСАЛОЧКА

В открытом море вода совсем синяя, как лепестки васильков, и прозрачная, как чистое стекло, — но зато и глубоко там! Ни один якорь не достанет до дна; на дно моря пришлось бы поставить одну на другую много-много колоколен, только тогда самая верхняя могла бы высунуться из воды. На самом дне живут русалки.

Не подумайте, что там, на дне, один голый белый песок; нет, там растут невиданные деревья и цветы с такими гибкими стеблями и листьями, что они шевелятся, как живые, при малейшем движении воды. Между ветвями шныряют рыбы,

большие и маленькие — точь-в-точь как у нас птицы. В самом глубоком месте стоит коралловый дворец морского царя с высокими стрельчатыми окнами из чистейшего янтаря и с крышей из раковин, которые то открываются, то закрываются, смотря по тому, прилив или отлив; это очень красиво: ведь в каждой раковине лежит по жемчужине такой красоты, что любая из них украсила бы корону любой королевы.

Морской царь давным-давно овдовел, и хозяйством у него заправляла старуха мать, женщина умная, но очень гордая своим родом: она носила на хвосте целую дюжину устриц, тогда как вельможи имели право носить всего-навсего шесть. Вообще же она была особа, достойная всяческих похвал, особенно потому, что очень любила своих маленьких внучек. Все шестеро принцесс были прехорошенькими русалочками, но лучше всех была самая младшая, нежная и прозрачная, как лепесток розы, с синими, как море, глазами.

Но у неё, как и у других русалок, не было ножек, а только рыбьих хвост.

День-деньской играли принцессы в огромных дворцовых залах, где по стенам росли живые цветы. В открытые янтарные окна вплывали рыбки, как у нас, бывает, влетают ласточки; рыбки подплывали к маленьким принцессам, ели из их рук и позволяли себя гладить.

Возле дворца был большой сад; там росли огненно-красные и тёмно-голубые деревья с вечно колеблющимися ветвями и листьями; плоды их при этом сверкали, как золото, а цветы сверкали, как огоньки. Земля была усыпана мелким, голубоватым, точно серая зола, песком, и потому на всём там лежал какой-то удивительный голубоватый отблеск, — можно было подумать, что витаешь высоко-высоко в воздухе, причём небо у тебя не только над головой, но и под ногами. В безветрие со дна можно было видеть солнце; оно казалось пурпуровым цветом, из чашечки которого лился свет.

У каждой принцессы был в саду свой уголок; тут они могли копать и сажать что хотели. Одна сделала себе цветочную грядку в виде кита, другой захотелось, чтобы её грядку была похожа на русалочку, а самая младшая сделала себе грядку, как солнце, и засадила её ярко-красными цветами. Странное дитя

была русалочка: такая тихая, задумчивая... Другие сёстры украшали свой садик разными разностями, которые доставались им с затонувших кораблей, а она любила только свои яркие, как солнце, цветы да прекрасного белого мраморного мальчика, упавшего на дно моря с какого-то погибшего корабля. Русалочка посадила у статуи красную плакучую иву, которая пышно разрослась; ветви её обвивали статую и клонились к голубому песку, где колебалась их фиолетовая тень.

Больше всего любила русалочка слушать рассказы о людях, живущих наверху, на земле. Старухе бабушке пришлось рассказать ей всё, что она знала о кораблях и городах, о людях и о животных. Особенно занимало и удивляло русалочку то, что цветы на земле пахнут,— не то что тут, в море! — что леса там зелёные, а рыбы, которые живут в ветвях, звонко поют. Бабушка называла рыбками птичек, иначе внуки не поняли бы её: они ведь сроду не видывали птиц.

— Когда вам исполнится пятнадцать лет,— говорила бабушка,— вам тоже разрешат всплыть на поверхность моря, сидеть при свете месяца на скалах и смотреть на плывущие мимо огромные корабли, на леса и города!

В этот год старшей принцессе как раз должно было исполниться пятнадцать лет, но другим сёстрам — а они были погодки — приходилось ещё ждать, и дольше всех — самой младшей. Но каждая обещала рассказать остальным сёстрам о том, что ей больше всего понравится в первый день,— рассказов бабушки им было мало, им хотелось знать обо всём поподробнее.

Никого не тянуло так на поверхность моря, как самую младшую, тихую, задумчивую русалочку, которой приходилось ждать дольше всех. Сколько ночей провела она у открытого окна, вглядываясь в синеву моря, где шевелили своими плавниками и хвостами целые стаи рыбок! Она могла разглядеть сквозь воду месяц и звёзды; они, конечно, блестели не так ярко, но зато казались гораздо больше, чем кажутся нам. Случалось, что под ними скользило как будто большое тёмное облако, и русалочка знала, что это или проплывал кит, или проходил корабль с сотнями людей; они и не думали о хорошенькой русалочке, что стояла там, в глубине моря, и протягивала к килю корабля свои белые ручки.

Но вот старшей принцессе исполнилось пятнадцать лет, и ей позволили всплыть на поверхность моря.

Сколько было рассказов, когда она вернулась! Лучше же всего, по её словам, было лежать в тихую погоду на песчаной отмели и нежиться при свете месяца, любясь раскинувшимся по берегу городом: там, точно сотни звёзд, горели огни, слышались музыка, шум и грохот экипажей, виднелись башни со шпилями, звонили колокола. Да, именно потому, что ей нельзя было попасть туда, её больше всего и манило это зрелище.

Как жадно слушала её рассказы самая младшая сестра! Стоя вечером у открытого окна и вглядываясь в морскую синеву, она только и думала, что о большом шумном городе, и ей казалось даже, что она слышит звон колоколов.

Через год и вторая сестра получила позволение подняться на поверхность моря и плыть, куда она захочет. Она вынырнула из воды как раз в ту минуту, когда солнце садилось, и нашла, что лучше этого зрелища ничего и быть не может. Небо сияло, как расплавленное золото, рассказывала она, а облака... да тут у неё уж и слов не хватило! Пурпуровые и фиолетовые, они быстро неслись по небу, но ещё быстрее их неслась к солнцу, точно длинная белая вуаль, стая лебедей; русалочка тоже поплыла было к солнцу, но оно опустилось в море, а по небу и по воде разлилась розовая вечерняя заря.

Ещё через год всплыла на поверхность моря третья принцесса; эта была смелее всех и проплыла в широкую реку, которая впадала в море. Тут она увидела зелёные холмы, покрытые виноградниками, дворцы и дома, окружённые густыми рощами, где пели птицы; солнце светило и грело так, что ей не раз приходилось нырять в воду, чтобы освежить своё пылающее лицо. В маленькой бухте она увидела целую толпу голеньких ребятишек, которые плескались в воде; она хотела было поиграть с ними, но они испугались её и убежали, а вместо них появился какой-то чёрный зверёк и так страшно принялся на неё тявкать, что русалка перепугалась и уплыла назад в море; это была собака, но русалка ведь никогда ещё не видела собак. И принцесса всё вспоминала эти чудные леса, зелёные холмы и прелестных детей, которые тоже умеют плавать, хоть у них и нет рыбьего хвоста!

Четвёртая сестра не была такой смелой; она держалась больше в открытом море и рассказывала, что это было лучше всего: куда ни глянь, на много-много миль вокруг одна вода да небо, опрокинувшееся, точно огромный стеклянный купол; вдали, как морские чайки, проносились большие корабли, играли и кувыркались весёлые дельфины и пускали из ноздрей сотни фонтанов огромные киты.

Потом пришла очередь предпоследней сестры; её день рождения был зимой, и поэтому она увидела то, чего не видели другие: море было зеленоватого цвета, повсюду плавали большие ледяные горы — ни дать ни взять жемчужины, рассказывала она, но такие огромные, выше самых высоких башен, построенных людьми! Некоторые из них были причудливой формы и блестели как алмазы. Она уселась на самую большую, ветер развеивал её длинные волосы, а моряки испуганно обходили гору подальше. К вечеру небо покрылось тучами, засверкала молния, загредел гром, и тёмное море стало бросать ледяные глыбы из стороны в сторону, а они так и сверкали при блеске молний. На кораблях убрали паруса, люди металась в страхе и ужасе, а она спокойно сидела на ледяной горе и смотрела, как огненные зигзаги молний, прорезав небо, падали в море.

Словом, каждая из сестёр была в восторге от того, что увидела в первый раз, — всё было для них ново и поэтому нравилось; но, получив, как взрослые девушки, позволение плавать повсюду, они скоро присмотрелись ко всему и через месяц стали говорить, что везде хорошо, а дома, на дне морском, лучше. Часто по вечерам все пять сестёр, взявшись за руки, подымались на поверхность; у всех были чудеснейшие голоса, каких не бывает у людей на земле, и вот, когда начиналась буря и они видели, что корабль обречён на гибель, они подплывали к нему и нежными голосами пели о чудесах подводного царства и уговаривали моряков не бояться опуститься на дно; но моряки не могли разобрать слов: им казалось, что это просто шумит буря; да им всё равно и не удалось бы увидеть на дне никаких чудес — если корабль погибал, люди тонули и приплывали ко дворцу морского царя уже мёртвыми.

Младшая же русалочка, в то время как сёстры её всплывали рука об руку на поверхность моря, оставалась одна-одинёшенька

и смотрела им вслед, готовая заплакать, но русалки не умеют плакать, и от этого ей было ещё тяжелей.

— Ах, когда же мне будет пятнадцать лет? — говорила она. — Я знаю, что очень полюблю и тот мир, и людей, которые там живут!

Наконец и ей исполнилось пятнадцать лет.

— Ну вот, вырастили и тебя! — сказала бабушка, вдовствующая королева. — Поди сюда, надо и тебя принарядить, как других сестёр!

И она надела русалочке на голову венок из белых лилий — каждый лепесток был половинкой жемчужины, — потом, для обозначения высокого сана принцессы, она приказала прицепиться к её хвосту восьми устрицам.

— Да это больно! — сказала русалочка.

— Ради красоты и потерпеть не грех! — сказала старуха.

Ах, с каким удовольствием скинула бы с себя русалочка все эти уборы и тяжёлый венок — красные цветы из её садика шли ей куда больше, — но она не посмела!

— Прощайте! — сказала она и легко и плавно, точно пузырёк воздуха, поднялась на поверхность.

Солнце только что село, но облака ещё сияли пурпуром и золотом, тогда как в красноватом небе уже зажигались ясные вечерние звёзды; воздух был мягок и свеж, а море — как зеркало. Неподальёку от того места, где вынырнула русалочка, стоял трёхмачтовый корабль всего лишь с одним поднятым парусом, — не было ведь ни малейшего ветерка; на вантах и реях сидели матросы, с палубы неслись звуки музыки и песен; когда же совсем стемнело, корабль осветился сотнями разноцветных фонариков; казалось, что в воздухе замелькали флаги всех наций. Русалочка подплыла к самым окнам каюты, и когда волны слегка приподымали её, она могла заглянуть в каюту. Там было множество разодетых людей, но лучше всех был молодой принц, с большими чёрными глазами. Ему, наверное, было не больше шестнадцати лет; в тот день праздновалось его рождение, оттого на корабле и шло такое веселье. Матросы плясали на палубе, а когда вышел туда молодой принц, кверху взвились сотни ракет, и стало светло как днём, так что русалочка совсем перепугалась и нырнула в воду, но скоро опять высунула

голову, и ей показалось, что все звёзды с небес попадали к ней в море. Никогда ещё не видела она такой огненной потехи: большие солнца вертелись колесом, огромные огненные рыбы били в воздухе хвостами, и всё это отражалось в тихой, ясной воде. На самом корабле было так светло, что можно было различить каждую верёвку, а людей и подавно. Ах, как хорош был молодой принц! Он пожимал всем руки, улыбался и смеялся, а музыка всё гремела и гремела в тишине ясной ночи.

Становилось уже поздно, но русалочка глаз не могла оторвать от корабля и от красавца принца. Разноцветные огоньки потухли, ракеты больше не взлетали в воздух, не слышалось и пушечных выстрелов, зато загудело и застонало само море. Русалочка качалась на волнах рядом с кораблём и всё заглядывала в каюту; а корабль стал набирать скорость, паруса поднялись один за другим, ветер крепчал, заходили волны, облака сгустились, и где-то вдали засверкала молния. Начиналась буря! Корабль страшно качало, а ветер так и мчал его по бушующим волнам; вокруг вставали высокие волны, словно чёрные горы, грозившие сомкнуться над его мачтами, но он нырял между водяными стенами, как лебедь, и снова взлетал на гребень волн. Русалочку буря только забавляла, а морякам приходилось туго. Корабль скрипел и трещал, толстые доски разлетались в щепки, волны перекатывались через палубу; вот грот-мачта переломилась, как тростинка, корабль лёг набок, и вода хлынула в трюм. Тут русалочка поняла опасность; ей и самой приходилось остерегаться брёвен и обломков, носившихся по волнам. На минуту сделалось вдруг так темно, что хоть глаз выколи; но вот опять блеснула молния, и русалочка увидела на корабле людей; каждый спасался как умел. Русалочка отыскала глазами принца и, когда корабль распался на части, увидела, что он погрузился в воду. Сначала русалочка очень обрадовалась тому, что он попадёт теперь к ним на дно, но потом вспомнила, что люди не могут жить в воде, и что он может приплыть во дворец её отца только мёртвым. Нет, нет, он не должен умереть! И она поплыла между брёвнами и досками, совсем забывая, что они во всякую минуту могут её раздавить. Приходилось то нырять в самую глубину, то взлетать

кверху с волнами; но вот наконец она настигла принца, который уже почти совсем выбился из сил и не мог больше плыть по бурному морю; руки и ноги отказывались ему служить, а прекрасные глаза закрылись; он утонул бы, не явись ему на помощь русалочка.

Она приподняла над водой его голову и предоставила волнам нести их обоих куда угодно.

К утру непогода стихла; от корабля не осталось и щепки; солнце опять засияло над водой, и его яркие лучи как будто вернули щекам принца их живую окраску, но глаза его всё ещё не открывались.

Русалочка откинула со лба принца волосы и поцеловала его в высокий, красивый лоб; ей показалось, что принц похож на мраморного мальчика, что стоит у неё в саду; она поцеловала его ещё раз и пожелала, чтобы он остался жив.

Наконец она завидела твёрдую землю и высокие, уходящие в небо горы, на вершинах которых, точно стаи лебедей, белели снега. У самого берега зеленела чудная роща, а повыше стоял какой-то большой светлый дом. В роще росли апельсиновые и лимонные деревья, а у ворот дома — высокие пальмы. Море врезалось в белый песчаный берег небольшим заливом; там вода была очень тиха, но глубока; сюда-то, к утёсу, возле которого море намыло мелкий белый песок, и приплыла русалочка и положила принца, позаботившись о том, чтобы голова его лежала повыше и на самом солнце.

В это время в высоком белом доме зазвонили в колокола, и в сад высыпала целая толпа молодых девушек. Русалочка отплыла подальше, за высокие камни, которые торчали из воды, покрыла себе волосы и грудь морской пеной — теперь никто не различил бы в этой пене её лица — и стала ждать: не придёт ли кто на помощь бедному принцу.

Ждать пришлось недолго: к принцу подошла одна из девушек и сначала очень испугалась, но скоро собралась с духом и позвала на помощь людей. Затем русалочка увидела, что принц ожил и улыбнулся всем, кто был возле него. А ей не улыбнулся, он даже не знал, что она спасла ему жизнь! Русалочке стало грустно, и, когда принца увели, она нырнула в воду и, печальная, уплыла домой.

Она и прежде была тихой и задумчивой, теперь же стала ещё тише, ещё задумчивее. Сёстры спрашивали её, что она видела в первый раз на поверхности моря, но она ничего им не рассказала.

Часто и вечером и утром приплывала она к тому месту, где оставила принца, видела, как созревали в садах плоды, как их потом собирали, видела, как растаял снег на высоких горах, но принца больше не видела и возвращалась домой с каждым разом всё печальнее и печальнее. Единственной отрадой было для неё сидеть в своём садике, обвивая руками красивую мраморную статую, похожую на принца; за цветами она больше не ухаживала, они росли, как хотели, по тропинкам и на дорожках, переплелись своими стеблями и листьями с ветвями дерева, и в садике стало совсем темно.

Наконец она не выдержала и рассказала обо всём одной из своих сестёр; за ней узнали и все остальные сёстры, но больше никто, кроме разве ещё двух-трёх русалочек, ну, а те никому не сказали, разве что уж самым близким подругам. Одна из них тоже знала принца, видела праздник на корабле и даже знала, где находится королевство принца.

— Поплыли туда вместе, сестрица! — сказали русалочке сёстры и рука об руку поднялись на поверхность моря близ того места, где стоял дворец принца.

Дворец был из светло-жёлтого блестящего камня, с большими мраморными лестницами; одна из них спускалась прямо к морю. Великолепные вызолоченные купола высились над крышей, а в нишах между колоннами, окружавшими всё здание, стояли мраморные статуи, совсем как живые люди. Сквозь высокие зеркальные окна виднелись роскошные покои; всюду висели дорогие шёлковые занавеси, были разостланы ковры, а стены украшены большими картинами. Загляденье, да и только! Посреди самой большой залы журчал большой фонтан; струи воды били высоко-высоко под самый стеклянный купол потолка, через который на воду и на диковинные растения, росшие по краям бассейна, лились лучи солнца.

Теперь русалочка знала, где живёт принц, и стала приплывать ко дворцу почти каждый вечер или каждую ночь. Ни одна из сестёр не осмеливалась подплывать к земле так близко, как

она; она же заплывала и в узкий канал, который проходил как раз под мраморным балконом, бросавшим на воду длинную тень. Тут она останавливалась и подолгу смотрела на молодого принца, а он-то думал, что гуляет при свете месяца один-одинёшенек.

Много раз видела она, как он катался с музыкантами на своей нарядной лодке, украшенной развевающимися флагами. Русалочка выглядывала из зелёного тростника, и если люди иной раз замечали её длинную серебристо-белую вуаль, развевающуюся по ветру, то думали, что это лебедь машет крыльями.

Много раз слышала она, как говорили о принце рыбаки, ловившие по ночам рыбу; они рассказывали о нём много хорошего, и русалочка радовалась, что спасла ему жизнь, когда его, полумёртвого, носило по волнам; она вспоминала, как его голова покоилась на её груди и как нежно поцеловала она его тогда. А он-то ничего не знал о ней, она ему и присниться не могла!

Всё больше и больше начинала русалочка любить людей, всё сильнее тянуло её к ним; их земной мир казался ей куда больше, чем её, подводный; они могли ведь переплывать на своих кораблях море, взбираться на высокие горы к самым облакам, а их земля с лесами и полями тянулась далеко-далеко, её и глазом не охватить! Русалочке очень хотелось побольше узнать о людях и об их жизни, но сёстры не могли ответить на все её вопросы, и она обращалась к бабушке: старуха хорошо знала «высший свет», как она справедливо называла землю, лежавшую над морем.

— Если люди не тонут, — спрашивала русалочка, — тогда они живут вечно, не умирают, как мы?

— Ну что ты! — отвечала старуха. — Они тоже умирают, их век даже короче нашего. Мы живём триста лет, но, когда нам приходит конец, нас не хоронят среди близких, у нас нет даже могил, мы просто превращаемся в морскую пену.

— Я бы отдала все свои сотни лет за один день человеческой жизни, — мечтая, проговорила русалочка.

— Вздор! Нечего и думать об этом! — сказала старуха. — Нам тут живётся куда лучше, чем людям на земле!

— Значит, и я умру, стану морской пеной, не буду больше слышать музыку волн, не увижу чудесных цветов и красного солнца! Неужели я никак не могу пожить среди людей?

— Можешь,— сказала бабушка,— пусть только кто-нибудь из людей полюбит тебя так, что ты станешь ему дороже отца и матери, пусть отдастся он тебе всем своим сердцем и всеми помыслами и велит священнику соединить ваши руки, как жениха и невесты, в знак вечной верности друг другу. Но этому не бывать никогда! Ведь то, что у нас считается красивым, твой рыбий хвост, например, люди находят безобразным. Они ничего не смыслят в красоте; по их мнению, чтобы быть красивым, надо непременно иметь две неуклюжие подпорки, или ноги, как они их называют.

Русалочка глубоко вздохнула и печально посмотрела на свой рыбий хвост.

— Будем жить — не тужить! — сказала старуха.— Повеселимся вволю, триста лет — срок немалый... Сегодня вечером у нас во дворце бал!

Вот было великолепие, какого не увидишь на земле! Стены и потолок танцевальной залы были из толстого, но прозрачного стекла; вдоль стен рядами лежали сотни огромных пурпурных и травянисто-зелёных раковин с голубыми огоньками в середине; огни эти ярко освещали всю залу, а через стеклянные стены — и море вокруг. Видно было, как к стенам подплывают стаи больших и маленьких рыб, и чешуя их переливается золотом, серебром, пурпуром.

Посреди залы вода бежала широким потоком, и в нём танцевали водяные и русалки под своё чудное пение. Таких звучных, нежных голосов не бывает у людей. Русалочка пела лучше всех, и все хлопали ей в ладоши. На минуту ей было сделалось весело при мысли о том, что ни у кого и нигде, ни в море, ни на земле, нет такого чудесного голоса, как у неё; но потом она опять стала думать о надводном мире, о прекрасном принце, и ей стало грустно. Она незаметно ускользнула из дворца и, пока там пели и веселились, печально сидела в своём садике. Вдруг сверху до неё донеслись звуки валторн, и она подумала: «Вот он опять катается на лодке! Как я люблю его! Больше, чем отца и мать! Я принадлежу ему всем сердцем, всеми

своими помыслами, ему я бы охотно вручила счастье всей моей жизни! На всё бы я пошла — только бы мне быть с ним. Пока сёстры танцуют в отцовском дворце, поплыву-ка я к морской ведьме; я всегда боялась её, но, может быть, она что-нибудь посоветует или как-нибудь поможет мне!»

И русалочка поплыла из своего садика к бурным водоворотам, за которыми жила ведьма. Ей ещё ни разу не приходилось проплывать этой дорогой; тут не росли ни цветы, ни даже трава — кругом был только голый серый песок; вода в водоворотах бурлила и шумела, как под мельничным колесом, и увлекала за собой в глубину всё, что только встречала на пути. Русалочке пришлось плыть как раз между такими бурлящими водоворотами; дальше путь к жилищу ведьмы лежал через пузырившийся ил; это место ведьма называла своим торфяным болотом. А там уж было рукой подать до её жилья, окружённого диковинным лесом; только вместо деревьев и кустов в нём росли полипы — полуживотные-полурастения, похожие на стоголовых змей, выползавших прямо из песка; ветви их были подобны длинным осклизлым рукам с пальцами, извивающимися, как черви; полипы ни на минуту не переставали шевелить всеми своими суставами, от корня до самой верхушки, они хватили гибкими пальцами всё, что только им попадалось, и уж никогда не выпускали. Русалочка в испуге остановилась, сердечко её забило от страха, она готова была вернуться, но вспомнила о принце и собралась с духом: крепко обвязала вокруг головы свои длинные волосы, чтобы в них не вцепились полипы, скрестила на груди руки и, как рыба, поплыла между омерзительными полипами, которые тянули к ней свои извивающиеся руки. Она видела, как крепко, точно железными клещами, держали они своими пальцами всё, что удалось им схватить: белые скелеты утонувших людей, корабельные рули, ящики, кости животных, даже одну русалочку. Полипы поймали и задушили её. Это было страшнее всего!

Но вот она очутилась на скользкой лесной поляне, где кувыркались, показывая противное желтоватое брюхо, большие, жирные водяные ужи. Посреди поляны был выстроен дом из белых человеческих костей; тут же сидела сама морская ведьма и кормила изо рта жабу, как люди кормят сахаром маленьких

канареек. Омерзительных ужей она звала своими цыплятками и позволяла им ползать по своей большой, ноздреватой, как губка, груди.

— Знаю, знаю, зачем ты пришла! — сказала русалочке морская ведьма. — Глупости ты затеваешь, ну да я всё-таки помогу тебе — тебе же на беду, моя красавица! Ты хочешь отделаться от своего хвоста и получить вместо него две подпорки, чтобы ходить, как люди. Хочешь, чтобы молодой принц полюбил тебя, ха, ха, ха!

И ведьма захохотала так громко и гадко, что и жаба и ужи попадали с неё и шлёпнулись на песок.

— Ну ладно, ты пришла в самое время! — продолжала ведьма. — Приди ты завтра поутру, было бы поздно, и я не могла бы помочь тебе раньше будущего года. Я изготовлю тебе питьё, ты возьмёшь его, поплывёшь с ним к берегу ещё до восхода солнца, сядешь там и выпьешь всё до капли; тогда твой хвост раздвоится и превратится в пару стройных, как сказали бы люди, ножек. Но тебе будет так больно, как будто тебя пронзят острым мечом. Зато все, кто тебя увидит, скажут, что такой прелестной девушки они ещё не встречали! Ты сохранишь свою плавную, скользкую походку — ни одна танцовщица не сравнится с тобой; но помни, что ты будешь ступать как по острым ножам. Вытерпишь всё это? Тогда я помогу тебе.

— Да! — сказала русалочка дрожащим голосом, подумав о принце.

— Помни, — сказала ведьма, — что раз ты примешь человеческий облик, тебе уж не сделаться вновь русалкой! Не видать тебе ни морского дна, ни отцовского дома, ни сестёр! А если принц не полюбит тебя так, что забудет для тебя и отца и мать, не отдастся тебе всем сердцем и не велит священнику соединить ваши руки, чтобы вы стали мужем и женой, ты погибнешь, с первой же зарёй после его женитьбы на какой-нибудь другой девушке твоё сердце разорвётся на части и ты станешь пеной морской.

— Пусть! — сказала русалочка и побледнела как смерть.

— А ещё ты должна мне заплатить за помощь, — сказала ведьма. — И я недешево возьму! У тебя чудный голос, им ты и думаешь обворожить принца, но ты должна отдать этот голос

мне. Я возьму за свой бесценный напиток самое лучшее, что есть у тебя: ведь я должна примешать к напитку свою собственную кровь, чтобы он стал остёр, как лезвие меча.

— Если ты возьмёшь мой голос, что же останется мне? — спросила русалочка.

— Твоё прелестное лицо, твоя плавная походка и твои говорящие глаза — этого довольно, чтобы покорить человеческое сердце! Ну полно, не бойся: высунешь язычок, и я отрежу его в уплату за волшебный напиток!

— Хорошо! — сказала русалочка, и ведьма поставила на огонь котёл, чтобы сварить питьё.

— Чистота лучше красоты! — сказала она и обтёрла котёл связкой живых ужей.

Потом она расцарапала себе грудь; в котёл закапала чёрная кровь, и скоро стали подыматься клубы пара, принимавшие такие причудливые формы, что просто страх брал. Ведьма поминутно подбавляла в котёл новых и новых снадобий, и когда питьё закипело, оно забулькало так, будто плакал крокодил.

Наконец напиток был готов, на вид он казался прозрачнейшей ключевой водой.

— Бери! — сказала ведьма, отдавая русалочке напиток.

Потом отрезала ей язычок, и русалочка стала немая — не могла больше ни петь, ни говорить.

— Если полипы схватят тебя, когда ты поплывёшь назад, — сказала ведьма, — брызни на них каплю этого питья, и их руки и пальцы съёжятся и отпадут.

Но русалочке не пришлось этого делать — полипы с ужасом отворачивались при одном виде напитка, сверкавшего в её руках, как яркая звезда. Быстро проплыла она лес, миновала болото и бурлящие водовороты.

Вот и отцовский дворец; огни в танцевальной зале потушены, все спят. Русалочка не посмела больше войти туда — ведь она была немая и собиралась покинуть отцовский дом навсегда. Сердце её готово было разорваться от тоски и печали. Она проскользнула в сад, взяла по цветку с грядки у каждой сестры, послала родным тысячи воздушных поцелуев и поднялась на тёмно-голубую поверхность моря.

Солнце ещё не вставало, когда она увидела перед собой дворец принца и присела на широкую мраморную лестницу. Месяц озарял её своим чудесным голубым сиянием. Русалочка выпила обжигающий напиток, и ей показалось, будто её пронзили обоюдоострым мечом; она потеряла сознание и упала замертво. Когда она очнулась, над морем уже сияло солнце; во всём теле она чувствовала жгучую боль. Перед ней стоял красавец принц и с удивлением рассматривал её. Она потупилась и увидела, что рыбий хвост исчез, а вместо него у неё появились две маленькие беленькие ножки. Но она была совсем нагая и потому закуталась в свои длинные, густые волосы. Принц спросил, кто она и как сюда попала, но она только кротко и грустно смотрела на него своими тёмно-голубыми глазами: говорить ведь она не могла. Тогда он взял её за руку и повёл во дворец. Ведьма сказала правду: каждый шаг причинял русалочке такую боль, будто она ступала по острым ножам и иголкам; но она терпеливо переносила боль и шла об руку с принцем легко, точно по воздуху. Принц и его свита только дивились её чудной, скользкой походке.

Русалочку раздели в шёлк и муслин, и она стала первой красавицей при дворе, но оставалась по-прежнему немой, не могла ни петь, ни говорить. Как-то раз к принцу и его царственным родителям позвали девушек-рабынь, раздетых в шёлк и золото. Они стали петь, одна из них пела особенно хорошо, и принц хлопал в ладоши и улыбался ей. Русалочке стало очень грустно: когда-то и она могла петь, и несравненно лучше! «Ах, если бы он знал, что я навсегда рассталась со своим голосом, только чтобы быть возле него!»

Потом девушки стали танцевать под звуки чудеснейшей музыки; тут и русалочка подняла свои белые хорошенькие ручки, встала на цыпочки и понеслась в лёгком, воздушном танце; так не танцевал ещё никто! Каждое движение подчёркивало её красоту, а глаза её говорили сердцу больше, чем пение и слова.

Все были в восхищении, особенно принц, он назвал русалочку своим маленьким найдёнышем, а русалочка всё танцевала и танцевала, хотя каждый раз, как ноги её касались земли, ей было так больно, будто она ступала по острым ножам. Принц

сказал, что она всегда должна быть возле него, и ей было позволено спать на бархатной подушке перед дверями его комнаты.

Он велел сшить ей мужской костюм, чтобы она могла сопровождать его на прогулках верхом. Они ездили по благоухающим лесам, где в свежей листве пели птички, а зелёные ветви касались её плеч. Они взбирались на высокие горы, и хотя из ран на её ногах сочилась кровь и все видели это, она смеялась и продолжала следовать за принцем на самые вершины; там они любовались на облака, плывшие у их ног, точно стаи птиц, улетающих в чужие страны.

Когда же они оставались дома, русалочка уходила ночью на берег моря, спускалась по мраморной лестнице, ставила свои пылавшие, как в огне, ноги в холодную воду и думала о родном доме и о дне морском.

Раз ночью всплыли из воды рука об руку её сёстры и запели печальную песню; она кивнула им, они узнали её и рассказали ей, как огорчила она их всех. С тех пор они навещали её каждую ночь, а один раз она увидела в отдалении даже свою старую бабушку, которая уже много-много лет не подымалась из воды, и самого морского царя с короной на голове; они простирали к ней руки, но не смели подплыть к земле так близко, как сёстры.

День ото дня принц привязывался к русалочке всё сильнее и сильнее, но он любил её только как милое, доброе дитя, сделать же её своей женой и принцессой ему и в голову не приходило, а между тем ей надо было стать его женой, иначе, если бы он отдал своё сердце и руку другой, русалочка превратилась бы в морскую пену.

«Любишь ли ты меня больше всех на свете?» — казалось, спрашивали глаза русалочки, когда принц обнимал её и целовал в лоб.

— Да, я люблю тебя! — говорил принц. — У тебя доброе сердце, ты предана мне больше всех и похожа на молодую девушку, которую я видел однажды и, верно, больше уж не увижу! Я плыл на корабле, корабль затонул, волны выбросили меня на берег вблизи какого-то храма, где служат богу молодые девушки; самая младшая из них нашла меня на берегу и спас-

ла мне жизнь; я видел её всего два раза, но её одну в целом мире мог бы я полюбить! Ты похожа на неё и почти вытеснила из моего сердца её образ. Она принадлежит святому храму, и вот моя счастливая звезда послала мне тебя; никогда я не расстанусь с тобой!

«Увы! Он не знает, что это я спасла ему жизнь! — думала русалочка. — Я вынесла его из волн морских на берег и положила в роцце, возле храма, а сама спряталась в морской пене и смотрела, не придёт ли кто-нибудь к нему на помощь. Я видела эту красивую девушку, которую он любит больше, чем меня! — И русалочка глубоко-глубоко вздыхала, плакать она не могла. — Но та девушка принадлежит храму, никогда не вернётся в мир, и они никогда не встретятся! Я же нахожусь возле него, вижу его каждый день, могу ухаживать за ним, любить его, отдать за него жизнь!»

Но вот стали поговаривать, что принц женится на прелестной дочери соседнего короля и потому снаряжает свой великолепный корабль в плавание. Принц поедет к соседнему королю как будто для того, чтобы ознакомиться с его страной, на самом-то деле, чтобы увидеть принцессу; с ним едет большая свита.

Русалочка на все эти речи только покачивала головой и смеялась — она ведь лучше всех знала мысли принца.

— Я должен ехать! — говорил он ей. — Мне надо посмотреть прекрасную принцессу; этого требуют мои родители, но они не станут принуждать меня жениться на ней, а я никогда не полюблю её! Она ведь непохожа на ту красавицу, на которую похожа ты. Если уж мне придётся наконец избрать себе невесту, так я лучше выберу тебя, мой немой найдёныш с говорящими глазами!

И он целовал её в розовые губы, играл её длинными волосами и клал свою голову на её грудь, где билось сердце, жаждавшее человеческого счастья и любви.

— Ты ведь не боишься моря, моя немая крошка? — говорил он, когда они уже стояли на корабле, который должен был отвезти их в земли соседнего короля.

И принц стал рассказывать ей о бурях и о штيله, о диковинных рыбах, что живут в глубинах, и о том, что видели там

водолазы, а она только улыбалась, слушая его рассказы, — она-то лучше всех знала, что есть на дне морском.

В ясную лунную ночь, когда все, кроме рулевого, спали, она села у самого борта и стала смотреть в прозрачные волны; и ей показалось, что она видит отцовский дворец; старуха бабушка в серебряной короне стояла на вышке и смотрела сквозь волнующиеся струи воды на киль корабля. Затем на поверхность моря всплыли её сёстры: они печально смотрели на неё и протягивали к ней свои белые руки, а она кивнула им головой, улыбнулась и хотела рассказать о том, как ей хорошо здесь, но тут к ней подошёл корабельный юнга, и сёстры нырнули в воду; юнга же подумал, что это мелькнула в волнах белая морская пена.

Наутро корабль вошёл в гавань нарядной столицы соседнего королевства. В городе зазвонили в колокола, с высоких башен раздались звуки рогов, а на площадях стали строиться полки солдат с блестящими штыками и развевающимися знамёнами. Начались празднества, балы следовали за балами, но принцессы ещё не было, — она воспитывалась где-то далеко в монастыре, куда её отдали учиться всем королевским добродетелям. Наконец прибыла и она.

Русалочка жадно смотрела на неё и не могла не признать, что лица милее и прекраснее она ещё не видала. Кожа на лице принцессы была такая нежная, прозрачная, а из-за длинных тёмных ресниц улыбались синие кроткие глаза.

— Это ты! — сказал принц. — Ты спасла мне жизнь, когда я полумёртвый лежал на берегу моря!

И он крепко прижал к сердцу свою краснеющую невесту.

— Ах, я так счастлив! — сказал он русалочке. — То, о чём я не смел и мечтать, сбылось! Ты порадуешься моему счастью, ты ведь так любишь меня!

Русалочка поцеловала ему руку, и ей показалось, что сердце её вот-вот разорвётся от боли: его свадьба должна ведь убить её, превратить в морскую пену!

После свадьбы в тот же вечер принц со своей молодой женой должны были отплыть на родину принца; пушки палили, флаги развевались, на палубе был раскинут шатёр из золота и пурпура,

усланный мягкими подушками; в шатре они должны были провести эту тихую, прохладную ночь.

Паруса надулись от ветра, корабль легко и плавно скользнул по волнам и понёсся в открытое море.

Как только смерклось, на корабле зажглись сотни разноцветных фонариков, а матросы стали весело плясать на палубе. Русалочка вспомнила, как она впервые поднялась на поверхность моря и увидела такое же веселье на корабле. И вот она понеслась в быстром воздушном танце, точно ласточка, преследуемая коршуном. Все были в восторге: никогда ещё она не танцевала так чудесно! Её нежные ножки резало как ножами, но она не чувствовала этой боли — сердцу её было ещё больней. Она знала, что лишь один вечер осталось ей пробыть с тем, ради кого она оставила родных и отцовский дом, отдала свой чудный голос и терпела невыносимые мучения, о которых он и не догадывался. Лишь одну ночь оставалось ей дышать одним воздухом с ним, видеть синее море и звёздное небо, а там наступит для неё вечная ночь, без мыслей, без сновидений. Далеко за полночь продолжались на корабле танцы и музыка, и русалочка смеялась и танцевала с смертельной мукой на сердце; принц же целовал красавицу жену, а она играла его чёрными кудрями; наконец рука об руку они удалились в свой великолепный шатёр.

На корабле всё стихло, только рулевой остался у руля. Русалочка оперлась о борт корабля и, повернувшись лицом к востоку, стала ждать первого луча солнца, который, как она знала, должен был убить её. И вдруг она увидела, как из моря поднялись её сёстры; они были бледны, как и она, но их длинные роскошные волосы не развевались больше по ветру — они были обрезаны.

— Мы отдали наши волосы ведьме, чтобы она помогла нам избавиться тебя от смерти! А она дала нам вот этот нож — видишь, какой он острый? Прежде чем взойдёт солнце, ты должна вонзить его в сердце принца, и когда тёплая кровь его брызнет тебе на ноги, они опять срастутся в рыбий хвост и ты опять станешь русалкой, спустишься к нам в море и проживёшь свои триста лет, прежде чем превратишься в солёную морскую пену. Но спеш! Или он, или ты — один из вас должен умереть до

восхода солнца! Убей принца и вернись к нам! Поспеш! Видишь, на небе показалась красная полоска? Скоро взойдёт солнце, и ты умрёшь!

С этими словами они глубоко вздохнули и погрузились в море.

Русалочка приподняла пурпуровую занавесь шатра и увидела, что головка молодой жены покоится на груди принца. Русалочка наклонилась и поцеловала его в прекрасный лоб, посмотрела на небо, где разгоралась утренняя заря, потом посмотрела на острый нож и опять устремила взор на принца, который во сне произнёс имя своей жены — она одна была у него в мыслях! — и нож дрогнул в руках у русалочки. Ещё минута — и она бросила его в волны, которые покраснели, точно окрасились кровью, в том месте, где он упал. В последний раз посмотрела она на принца полуугасшим взором, бросилась с корабля в море и почувствовала, как тело её расплывается пеной.

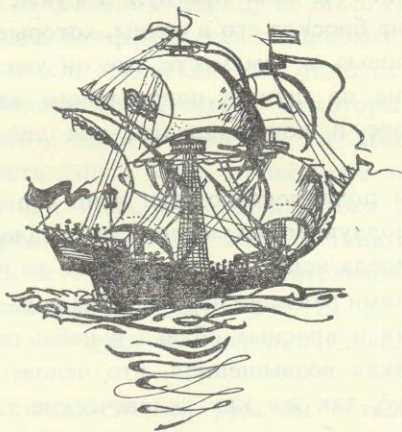
Над морем поднялось солнце; лучи его любовно согревали мертвенно-холодную морскую пену, и русалочка не чувствовала смерти; она видела ясное солнце и какие-то прозрачные, чудные создания, сотнями реявшие над ней. Она видела сквозь них белые паруса корабля и красные облака в небе; голос их звучал как музыка, но такая возвышенная, что человеческое ухо не слышало бы её, так же как человеческие глаза не видели их самих. У них не было крыльев, но они носились в воздухе, лёгкие и прозрачные. Русалочка заметила, что и она стала такой же, оторвавшись от морской пены.

— К кому я иду? — спросила она, поднимаясь в воздухе, и её голос звучал такую же дивною музыкой.

— К дочерям воздуха! — ответили ей воздушные создания. — Мы летаем повсюду и всем стараемся приносить радость. В жарких странах, где люди гибнут от знойного, зачумлённого воздуха, мы навеваем прохладу. Мы распространяем в воздухе благоухание цветов и несём людям исцеление и отраду. Летим с нами в заоблачный мир! Там ты обретёшь любовь и счастье, каких не нашла на земле.

И русалочка протянула свои прозрачные руки к солнцу и в первый раз почувствовала у себя на глазах слёзы.

На корабле за это время всё опять пришло в движение, и русалочка увидела, как принц с молодой женой ищут её. Печально смотрели они на волнующуюся морскую пену, точно знали, что русалочка бросилась в волны. Невидимая, поцеловала русалочка красавицу в лоб, улыбнулась принцу и поднялась вместе с другими детьми воздуха к розовым облакам, плававшим в небе.

Е Л Ь

Росла в лесу чудесная ёлочка; место у неё было хорошее — и солнца ей хватало, и воздуха было вдоволь; а кругом росли товарищи постарше — ель и сосны. И ёлочке не терпелось самой вырасти поскорее; она не замечала ни тёплого солнышка, ни свежего воздуха; не занимала её и болтовня деревенских ребятшек, которые бегали по лесу, собирая землянику или малину. Набрав полную кружку или нанизав ягоды на прутики, они часто присаживались отдохнуть возле ёлочки и говорили:

— Какая славная маленькая ёлочка!

Просто не слушала бы таких речей!

За год она подросла на одно кольцо, на следующий год ещё на одно: по числу годовых колец у ёлки всегда можно сосчитать, сколько ей лет.

— Ах, будь я таким же большим деревом, как другие,— вздыхала ёлочка,— я бы широко раскинула свои ветви, высоко подняла голову и мне бы видно было далеко-далеко вокруг!

Птицы вили бы гнёзда у меня в ветвях, а я, чуть подует ветер, кивала бы головой так же важно, как другие!

Не радовали её ни солнце, ни птицы, ни розовые облака, проплывавшие над нею утром и вечером.

Зимой по искристому белому снегу вокруг неё прыгали зайцы, а иной возьмёт да и перескочит прямо через ёлочку, — такая обида! Но прошло две зимы, и к третьей ёлочка так подросла, что зайцам приходилось уже обегать её кругом.

«Ах! Скорее, скорее бы вырасти, стать большим, старым деревом — лучше этого нет ничего на свете!» — думала ёлочка.

Каждую осень в лесу появлялись дровосеки и рубили самые крупные деревья. Ёлочка всякий раз дрожала от страха: с таким шумом и треском валялись на землю большие прекрасные деревья. Их очищали от ветвей, и они лежали такие голые, длинные, узкие — прямо не узнать! Потом их укладывали на телеги и куда-то увозили из лесу. Куда же? Зачем?

Весною, когда прилетали аисты и ласточки, ёлочка спрашивала у них:

— Вы не знаете, куда увезли те деревья? Вы их не встречали?

Ласточки ничего не знали, но аист однажды задумался, кивнул головой и сказал:

— Да, кажется, знаю. Когда я летел сюда из Египта, я видел в море много новых кораблей с чудесными мачтами; по-моему, от них пахло сосной и елью. И головы они задирали так высоко — моё почтение!

— Ах, если б и мне поскорее вырасти да пуститься в море! А какое оно, это море? На что похоже?

— Ну, это долго рассказывать, — ответил аист и улетел.

— Радуйся своей молодости! — говорили ёлочке солнечные лучи. — Радуйся своему здоровому росту, своим молодым силам!

И ветер ласкал ёлочку, и роса кропила её слезами, но ёлочка ничего этого не ценила.

Незадолго до сочельника срубили в лесу несколько совсем молоденьких ёлок, даже помоложе и пониже ростом, чем наша ёлочка, которая так рвалась из лесу. Срубленные деревца были все прехорошенькие, и их не очищали от веток, а сразу укладывали на тележку и увозили из лесу.

— Куда же? — спрашивала ёлочка. — Они ведь не выше меня; одна даже много меньше. И почему на них оставили ветки? Куда повезли?

— А мы знаем! Мы знаем! — зачирикали воробьи. — Мы бывали в городе и заглядывали в окошки! Мы знаем, куда их повезли! Они попадут в такую честь и славу, что лучше и не придумаешь! Мы заглядывали в окошки и видели! Их сажают посреди тёплой комнаты и украшают чудеснейшими вещами — золочёными яблоками, медовыми пряниками, игрушками и сотнями свечек!

— А потом? — спросила ёлочка, трепеща ветвями. — А потом, потом что?

— А больше мы ничего не видали! Но это было чудесно!

— Может статься, и я попаду в такую честь! — радовалась ёлочка. — Это получше, чем плавать по морю. Ах, я просто изнываю от тоски и нетерпения! Хоть бы поскорее опять пришёл сочельник! Теперь и я такая же высокая и раскидистая, как те ёлочки, что были срублены в прошлом году. Ах, если бы меня уже положили на тележку!.. Если бы я уже стояла в тёплой комнате, убранная всеми этими прелестями! А потом?.. Да, потом будет что-нибудь ещё лучше, ещё прекраснее! Иначе зачем бы так украшать меня? Конечно, будет что-нибудь ещё лучше, ещё великолепнее!.. Но что? Ох, как я тоскую, как рвусь отсюда! Сама не знаю, что со мною!

— Радуйся мне! — говорил воздух.

— Радуйся мне! — говорил солнечный свет. — Радуйся своей молодой жизни на воле!

Но она вовсе не радовалась, а только росла да росла.

И зиму и лето стояла она в своём тёмно-зелёном уборе, и все говорили о ней:

— Что за чудесное деревцо!

А в сочельник её срубили первую. Глубоко вонзился в древесину топор, ёлочка охнула и упала на землю. От боли и слабости она была не в состоянии даже думать о будущем счастье. Да и жаль стало расставаться с родным лесом, с уголком, где она выросла: она ведь знала, что никогда больше не увидит своих милых подруг — елей и сосен, не увидит ни

кустов, ни цветов, а пожалуй, даже и птиц лесных. Разлука оказалась делом совсем невесёлым.

Ёлочка пришла в себя, только когда очутилась на дворе вместе с другими деревцами, и услышала чей-то голос:

— Отличная ёлка! Такую-то нам и нужно!

Пришли двое разодетых слуг и отнесли ёлку в большой нарядный зал. По стенам висели портреты, а на большой изразцовой печке стояли китайские вазы со львами на крышках.

В зале были расставлены и кресла-качалки, и шёлковые диваны, и большие столы, заваленные альбомами, книжками и игрушками, на которые потратили, наверное, сотни сотен ригсдалеров¹, — по крайней мере, так говорили дети. Ёлочку посадили в большую кадку с песком, но никто бы и не подумал, что это кадка: она была обёрнута зелёной материей и поставлена на большой пёстрый ковёр. Как трепетала ёлочка! Что-то будет теперь?.. Слуги и барышни стали наряжать её. На ветках повисли вырезанные из цветной бумаги сумки со сладостями; золочёные яблоки и орехи словно выросли на дереве; в зелени закачались куколки, точно живые человечки, — ёлочка никогда таких не видывала. К веткам ёлочки прикрепили много красных, голубых и белых свечек, а на самой верхушке её засияла крупная звезда из золотой фольги. Словом, вышло чудо как хорошо, великолепно!

— Вот блеску-то будет вечером! — сказали все.

— Ах! — вздохнула ёлочка. — Хоть бы вечер поскорей! Пусть бы зажглись свечи! Что-то будет тогда?.. Не придут ли сюда деревья из лесу посмотреть на меня? Не прилетят ли воробьи заглянуть в окошко? И не врасу ли я в эту кадку, чтобы красоваться так зиму и лето?

Да, много она знала! Но от нетерпения у неё даже разболелась кора, а это для дерева так же неприятно, как для нас головная боль.

Но вот зажгли свечи. Что за блеск, что за роскошь! Ёлка затрепетала всеми ветками, да так, что одна свечка даже подпалила зелёную хвою; ёлку пребольно обожгло.

— Ай-ай! — закричали барышни и бросились тушить.

¹ Ригсдалер — старинная датская золотая монета.

Теперь ёлка и дрожать больше не смела. Какой ужас! Пуще всего боялась она попортить своё убранство, голова кружилась у неё от всего этого блеска. Тут распахнулись обе половинки дверей, и в зал ворвались дети. Можно было подумать, что они хотели свалить ёлку. За ними степенно вошли старшие. Малыши замерли на месте, но лишь на минутку, а потом поднялось такое веселье, что в ушах зазвенело. Дети плясали вокруг ёлки и срывали с неё игрушки.

«Что такое они делают? — думала ёлка. — Что это значит?»

Тем временем ёлочные свечи догорали, и одну за другой их тушили. Наконец детям позволили обобрать ёлку. Как они набросились на неё! Только ветки захрустели. Не будь ёлка прикреплена своей верхушкой к потолку, её бы повалили.

Дети прыгали по комнате, играли чудесными игрушками, на ёлку никто и не смотрел больше, кроме старой няни, да и та лишь высматривала — не осталось ли где в гуще ветвей забытого яблока или финика.

— Сказку! Сказку! — закричали дети и подтащили к дереву низенького толстенького человечка.

Он уселся под самой ёлкой — вот так они будут словно в лесу, да и ёлке не мешает послушать!

— Но я расскажу всего одну сказку. Хотите послушать про Иведе-Аведе или про Клумпе-Думпе, который с лестницы свалился, а всё-таки на трон взобрался и принцессу за себя взял?

— Про Иведе-Аведе! — кричали одни.

— Про Клумпе-Думпе! — кричали другие.

Шум, гам. Одна ёлка стояла смиренно и думала про себя: «А я что же, ни при чём тут буду? Мне совсем делать нечего?..» Да, она своё дело уже сделала!

И толстенький человечек рассказал про Клумпе-Думпе, который «хоть с лестницы свалился, а всё-таки на трон взобрался и принцессу за себя взял». Дети хлопали в ладоши и кричали:

— Ещё, ещё расскажи!

Им хотелось послушать и про Иведе-Аведе, но пришлось остаться при одном Клумпе-Думпе. Ёлка совсем притихла, задумалась. Птицы в лесу ничего такого не рассказывали. «Клумпе-Думпе с лестницы свалился и всё-таки на принцессе женился. Да, да, вот как оно бывает на свете!» — думала ёлка.

Она верила, что всё это правда: ещё бы, рассказывал ведь такой почтенный человек. «Да, да, как знать? Может быть, и я свалюсь с лестницы и всё-таки потом выйду замуж на принца». И она радовалась завтрашнему дню: опять её разукрасят свечами, игрушками, золотом и фруктами.

«Завтра уж я не задрожу,— думала она.— Буду спокойно наслаждаться своим торжеством. И опять послушаю про Клумпе-Думпе, а может быть — и про Иведе-Аведе». Так молчаливо, задумчиво простояла она всю ночь.

Утром пришёл слуга с девушкой.

«Сейчас меня опять начнут наряжать!» — подумала ёлка. Но они выволокли её из комнаты, протащили вверх по лестницам на чердак и сунули в тёмный угол, куда не попадал дневной свет.

«Что бы это значило? — подумала ёлка.— Что мне тут делать? Что могу я услышать тут?» И она стояла, прислонившись к стене, и всё думала, думала. Времени-то у неё оказалось достаточно: день тянулся за днём, ночь за ночью, а никто сюда не приходил. Всего один раз заглянул кто-то, и то затем лишь, чтобы поставить на чердак несколько больших ящиков. Ёлку затиснули в самый угол и как будто позабыли о ней.

«На дворе зима,— думала она.— Земля затвердела, покрыта снегом. Значит, нельзя снова посадить меня, вот я и постою тут под крышей до весны. Как это умно придумано, и какие люди всё-таки добрые!.. Да, не будь только здесь так темно и так пусто... даже зайчика не увидишь!.. Там, в лесу, всё-таки славно бывало: снег выпадет, заяц проскочит... Велика беда, если и перепрыгнет через тебя! Хотя тогда-то мне это вовсе не нравилось. А здесь так ужасно пусто!»

— Пип! — пискнула вдруг мышка и выскочила из норки, а за нею другая.

Они стали обнюхивать ёлку, шмыгая между ветвями.

— Ужасный здесь холодище! — сказали мышки.— А то расчудесно было бы. Правда, старая ёлка?

— Я совсем не старая! — сказала ёлка.— Есть много деревьев гораздо старше меня.

— Откуда ты? — спросили мышки.— И что ты знаешь? — Они были ужасно любопытные.— Расскажи нам про самое чудесное место на свете. Ты была там? Была когда-нибудь в

кладовке, где на полках лежат сыры, а под потолком висят окорока, где можно плясать по сальным свечам, куда войдёшь тощей, а выйдешь жирной?

— Такого места я не знаю,— сказала ёлка,— но я знаю лес, где светит солнце и поют птицы!

И ёлка рассказала им про свою молодость. Мышки сроду ничего такого не слышали. Они выслушали ёлку внимательно и сказали:

— Как же много ты видела! Какая ты была счастливая!

— Я? — спросила ёлка и сама задумалась над своим рассказом.— Да, в самом деле, мне жилось нескучно в те времена!

Потом она рассказала мышкам про сочельник, про то, как она была разукрашена пряниками и свечками.

— Ой, какая же ты была счастливая, старая ёлка!

— Я совсем не старая,— сказала ёлка.— Я только этой зимой взята из лесу! Я в самой поре! Только что вошла в рост!

— Как ты чудесно рассказываешь! — сказали мышки и на следующую ночь привели с собой ещё четырёх мышат послушать, как интересно рассказывает ёлка.

А самой ёлке, чем она больше рассказывала, тем яснее вспоминалось всё, и ей казалось: «Да ведь и в самом деле нескучное было время! Но оно же вернётся, вернётся ещё! Клумпе-Думпе с лестницы свалился, а всё-таки на принцессе женился. Вот и мне, может быть, достанется какой-нибудь принц!» И ёлка вспоминала чудесный молоденький дубок в лесной чаще — чем он не принц!

— Кто такой Клумпе-Думпе? — спросили мышата.

И ёлка рассказала им всю сказку: она запомнила её слово в слово. И мышки от удовольствия прыгали чуть не до самой верхушки дерева.

На следующую ночь пришли ещё несколько мышат, а в воскресенье пожаловали и две крысы. Но крысам сказка не показалась занятной, и мышата огорчились, потому что теперь им тоже сказка стала меньше нравиться.

— Вы только одну эту историю знаете? — спросили крысы.

— Только одну эту! — ответило дерево.— Я слышала её в самый счастливый вечер своей жизни, но тогда-то я ещё не понимала своего счастья.

— Чрезвычайно жалкая история! А вы не знаете какой-нибудь другой — про шпиг, про сальные свечки, про кладовушку со съестными припасами?

— Нет,— сказала ёлка.

— Так премного благодарны! — сказали крысы и убрались восвояси.

Мышки под конец тоже разбежались, и ёлка пригорюнилась: «А ведь славно было, когда они сидели тут около меня, эти проворные мышки, и слушали мои рассказы! Теперь и этому конец. Но впредь уж я не упущу случая порадоваться, когда снова выйду на белый свет!»

И вот как это случилось... Однажды утром пришли люди и стали прибирать чердак. Ящики передвинули, ёлку вытащили из угла, грубо швырнули на пол, и дворник поволок её по лестнице вниз, туда, где было светло. «Ну вот, жизнь начинается снова!» — подумала ёлка, когда на неё повеяло свежим воздухом, упал первый луч солнца,— она очутилась на дворе. Всё произошло так быстро и кругом было столько интересного, что ёлка совсем и позабыла взглянуть на себя самоё: не до того было. Двор примыкал к саду, где всё зеленело, цвело; свежие, душистые розы перевешивались через изгородь, липы стояли в цвету, ласточки летали взад и вперёд и щебетали: «Кви-рр-вир-вут! Мой муж тут!» Но это они не про ёлку говорили.

«Вот заживу теперь!» — радовалась ёлка, расправляя ветви. Как они, однако, высохли, пожелтели! Лежала она теперь в углу двора на крапиве и сорной траве. Но на верхушке у неё всё ещё поблёскивала мишурная звезда.

На дворе весело играли дети — те самые, что в сочельник плясали вокруг ёлки и так веселились. Один из малышей подскочил к ёлке и сорвал звезду.

— Поглядите, что ещё осталось на этой гадкой старой ёлке! — сказал он и наступил на ветки, так что они захрустели под его сапожками.

А ёлка взглянула на яркие цветы и свежую зелень в саду, взглянула на себя самоё и пожалела, что не осталась в своём тёмном углу на чердаке; вспомнила свою свежую юность в лесу, и весёлый сочельник, и мышек, радостно слушавших сказку про Клумпе-Думпе.

— Всё прошло, всему конец! — сказала бедное дерево.— И хоть бы я радовалась, пока было время! А теперь конец, конец!

Пришёл дворник и разрубил ёлку на растопку: вышла целая охапка щепок. Как чудесно запылали они под большим пивным котлом! И как глубоко вздыхали: каждый вздох напоминал слабый выстрел; поэтому игравшие во дворе дети все сбежались к огню, уселись около и, глядя на него, покрикивали:

— Пиф-паф!

А ёлка при каждом выстреле, который был её глубоким вздохом, вспоминала то какой-нибудь яркий летний день, то звёздную зимнюю ночь в лесу, вспоминала сочельник, сказку про Клумпе-Думпе — единственную, которую слышала и умела рассказывать... Так и сгорела дотла.

Мальчики играли во дворе, и на груди у самого младшего красовалась звезда, которую носила ёлка в счастливейший вечер своей жизни; он прошёл, и ёлки не стало, и всей истории конец. Конец, конец! Всему на свете бывает конец!

ШТОПАЛЬНАЯ ИГЛА

Жила-была штопальная игла. Но она так важничала, словно была тонкой швейной иголкой.

— Осторожнее! — сказала она пальцам, которые вынимали её из коробки. — Не уроните меня! Если я упаду на пол, то, конечно, потеряюсь. Я слишком тонка.

— Будто уж! — ответили пальцы и крепко обхватили штопальную иглу.

— Вот видите, — сказала штопальная игла, — я хожу не одна. За мной тянется целая свита! — И она потянула за собой длинную нитку, но без узелка.

Пальцы ткнули иглу в старый кухаркин башмак: на нём лопнула кожа и надо было зашить дыру.

— Фу, какая чёрная работа! — сказала штопальная игла. — Я не выдержу. Я ломаюсь!

И сломалась.

— Ну вот! — сказала игла. — Я же говорила, что я слишком тонка.

«Теперь она никуда не годится», — подумали пальцы и уж хотели было выбросить иглу. Но кухарка накапала на сломанный конец иглы сургуча и заколола иглой свой шейный платок.

— Вот теперь я брошка! — сказала штопальная игла. — Я всегда знала, что займу высокое положение: в ком есть толк, тот не пропадёт.

И она усмехнулась про себя — никто ведь не слышал, чтобы штопальные иглы смеялись вслух. Устроившись поудобнее, она самодовольно поглядывала по сторонам, словно ехала в карете.

— Позвольте спросить, вы из золота? — обратилась игла к своей соседке-булавке. — Вы очень милы, и у вас своя собственная головка. Жаль только, что маловата. Придётся, моя милая, вам отрастить её, — не всякому ведь достанется головка из настоящего сургуча.

При этом штопальная игла так гордо выпрямилась, что вылетела из платка и упала прямо в канаву, куда кухарка в это время выливала помой.

— Ну что ж, я не прочь отправиться в плавание! — заявила штопальная игла. — Только бы не застрянуть тут.

Но она застряла.

— Ах, я слишком тонка, я не создана для этого мира! — вздохнула она, лёжа на дне уличной канавки. — Но не надо падать духом — я ведь знаю себе цену.

И она вытянулась в струнку и духом не падала.

Над ней проплывала всякая всячина — щепки, соломинки, клочки старых газет...

— Сколько их тут! Плывут и плывут! — говорила штопальная игла. — И хоть бы один из них догадался, кто лежит здесь, под водой. А ведь лежу здесь я! Вон плывёт щепка. Ну что ж, плыви, плыви!.. Щепкой ты была, щепкой и останешься. А вон соломинка несётся... Так и вертится! Не задирай носа, голу-бушка! Смотри наткнёшься на камень. А вот обрывок газеты. И разобрать уж нельзя, что на нём напечатано, а он смотрите как важничает... Одна я лежу тихо, смиренно. Я знаю себе цену, и этого у меня никто не отнимет.

Вдруг возле неё что-то блеснуло. «Брильянт!» — подумала штопальная игла. А это был простой бутылочный осколок, но он ярко блестел на солнце. И штопальная игла с ним заговорила.

— Я брошка! — сказала она. — А вы, должно быть, брильянт?

— Да, в этом роде, — ответил бутылочный осколок.

И они разговорились — каждый из них считал другого и себя настоящей драгоценностью, а все прочие на свете казались им зазнайками.

Штопальная игла сказала:

— Я жила в коробке у одной девицы. Девица эта была кухаркой. У неё на каждой руке было по пяти пальцев, и вы не можете себе представить, до чего доходило их чванство. А ведь у них только всего и дела было, что вынимать меня из коробки да класть обратно.

— Чем же эти пальцы гордились? Своим блеском? — сказал бутылочный осколок.

— Блеском? — переспросила игла. — Нет, никакого блеска в них не было, зато чванства хоть отбавляй. Их было пять родных братьев. Все были разного роста, но держались всегда вместе — шеренгой. Только крайний из них, Толстяк, выдавался из ряда. Кланяясь, он сгибался только пополам, а не в три погибели, как остальные братья. Зато он хвастался, что если его отрубят, то весь человек будет негоден для военной службы. Второй палец звался Тычком и Лакомкой. Куда только он не тыкался — и в сладкое и в кислое, и в небо и в землю. А когда кухарка писала, он нажимал на перо. Третьего брата звали Долговязым. Он смотрел на всех свысока. Четвёртый, по прозвищу Златоперст, носил вместо пояса золотое кольцо. Ну, а самого маленького звали Петрушкой Бездельником. Он ровно ничего не делал и очень этим гордился. Да, чванились они, чванились, и кончилось тем, что я из-за них угодила в канаву.

— Зато теперь мы с вами лежим и сверкаем тут, — сказал бутылочный осколок.

Но в эту минуту кто-то вылил в канавку целое ведро воды. Вода хлынула через край и унесла с собой бутылочный осколок.

— Вот и он пошёл в ход! — вздохнула штопальная игла. — А я осталась. Видно, я слишком тонка. Но я горжусь этим, и это благородная гордость.

И она лежала на дне канавы, вытянувшись в струнку, и много размышляла — всё о себе самой.

«Я, наверно, родилась от солнечного луча — так я тонка. Недаром мне кажется, что солнце всё время ищет меня под водой. Ах, мой бедный отец никак не может меня найти! Не отломись моя старая головка с глазком, я, кажется, заплакала бы сейчас — так мне себя жалко. Впрочем, нет, я бы этого не сделала. Это неприлично».

Однажды к водосточной канавке прибежали мальчишки и стали выскрывать в грязи старые гвозди и медяшки. Скоро они перепачкались с головы до ног, но это-то им больше всего и нравилось.

— Ай! — вскрикнул вдруг один из мальчишек. Он укололся о штопальную иглу. — Гляди-ка, что за штука!

— Я не штука, а барышня! — заявила штопальная игла, но никто не расслышал этого.

Старую штопальную иглу трудно было и узнать. Сургучная головка отвалилась, и вся игла почернела. А так как в чёрном платье все кажутся тоньше и стройнее, то игла нравилась себе теперь ещё больше прежнего.

— Вот плывёт яичная скорлупа! — закричали мальчишки. Они поймали скорлупу, воткнули в неё штопальную иглу и бросили в лужу.

«Белое идёт к чёрному, — подумала штопальная игла. — Теперь я стану заметнее, и все будут мной любоваться. Только бы мне не захворать морской болезнью. Я не перенесу, переломлюсь пополам. Я ведь такая хрупкая».

Но игла не захворала и не переломилась.

«Видно, морская болезнь меня не берёт, — подумала она. — Хорошо иметь стальной желудок и притом никогда не забывать, что ты выше простого смертного. Вот теперь я совсем пришла в себя. Кто потоньше, тот, оказывается, и выносливее».

— Крак! — сказала яичная скорлупа. На неё наехала ломовая телега.

лестная фарфоровая пастушка. Позолоченные башмачки, юбочка, грациозно подколота пунцовой розой, золотая шляпа на головке и посох в руке — разве не прелесть? Рядом с нею стоял трубочист, чёрный как уголь, но, впрочем, тоже фарфоровый. Вообще он был чистенький и хорошенький, как любая фарфоровая фигурка: он ведь только изображал трубочиста; мастер мог бы с таким же успехом сделать его хоть принцем, если бы на то пошло.

Он премило держался со своей лесенкой, и личико у него было белое, румяное, как у барышни; это, в сущности, было неправильно; не мешало бы ему быть немножко почумазее. Стоял он рядом с пастушкой, — оба стояли, как их поставили.

Ну, а раз их так поставили, они взяли да и обручились. Что же, парочка вышла хоть куда — оба молодые, оба из одинакового фарфора и оба одинаково хрупкие.

Тут же на столике стояла ещё одна кукла, втрое крупнее, — старый китаец с кивающей головой. Он был тоже фарфоровый и говорил, что приходится дедушкой пастушке; доказать он этого не мог, но утверждал, что она должна его слушаться, и потому кивал головой обер-унтер-генерал-командир-сержанту Козлоногу, который сватался за пастушку.

— Вот это муж у тебя будет! — говорил старый китаец. — Право, он, кажется, из настоящего красного дерева и может сделать тебя обер-унтер-генерал-командир-сержантшей. У него все полки в шкафу заставлены серебром, не говоря уже о том, что хранится в ящиках.

— Не хочу я в тёмный шкаф, — сказала пастушка. — Говорят, у него там одиннадцать фарфоровых жён!

— Ну, так будешь двенадцатой! — сказал китаец. — Сегодня ночью, как только старый шкаф закричит, сыграем вашу свадьбу. Да, да, или не зваться мне больше китайцем!

И он кивнул головой и заснул.

А пастушка расплакалась и, глядя на своего милого фарфорового трубочиста, сказала:

— Я готова попросить тебя увести меня отсюда хоть на край света! Здесь нам нельзя оставаться!

— Чего ты желаешь, того и я хочу! — сказал трубочист. —

Давай уйдём сейчас же. Право, я сумею прокормить тебя своим ремеслом.

— Только бы нам удалось слезть со столика! — сказала она. — Я не успокоюсь, пока мы не будем далеко-далеко!

И они стали спускаться.

Он ободрял её и указывал, куда ей лучше ступать своей фарфоровой ножкой, на какой фигурный выступ или золочёный завиток ножки столика. Лесенка трубочиста тоже немало помогала им, так что они благополучно спустились на пол. Оттуда они взглянули на старый шкаф — ой, какой там был переполох! Все олени вытянули шеи, растопырили рога и крутили головами; обер-унтер-генерал-командир-сержант Козлоног высоко подпрыгнул кверху и крикнул старому китайцу:

— Они убегают! Они убегают!

Беглецы испугались немножко и прыгнули в подоконный шкафчик. Там лежали разрозненные колоды карт и кукольный театр. Он был с грехом пополам установлен, и на сцене шло представление.

Все дамы — и бубновые, и червонные, и трефовые, и пиковые — сидели в первом ряду и обмахивались своими тюльпанами, а за ними стояли валеты и старались показать, что они о двух головах, как и все фигуры в картах. Пьеса изображала страдания влюблённых, которых разлучали, и пастушка заплакала: это так напоминало её собственную судьбу.

— Я не могу больше, — сказала она. — Уйдём отсюда!

Но когда они очутились на полу и взглянули на свой столик, то увидели, что старый китаец проснулся и раскачивается всем туловищем: ведь внутри у него перекачивался свинцовый шарик.

— Ай, старый китаец идёт! — вскрикнула пастушка и упала на тонкие фарфоровые коленки — в таком она была отчаянии.

— Знаешь, что я придумал? — сказал трубочист. — Спрячемся в ту большую вазу, в углу, и ляжем там на сухие розовые и лавандовые лепестки, а если он подойдёт, засыплем ему глаза солью¹.

¹ В старину в комнатах ставили для запаха вазы с сухими цветами и травами; смесь эта посыпалась солью, чтобы крепче пахла.

— Это не годится! — сказала пастушка. — Я знаю, что старый китаец был когда-то обручен с вазой; от такой тесной дружбы всегда что-нибудь да остаётся. Нет, нам одна дорога — пуститься по белу свету!

— А у тебя в самом деле хватит духу пуститься со мною по белу свету? — спросил трубочист. — Ты подумала о том, как велик свет, и о том, что нам уж никогда не вернуться назад?

— Да, да! — сказала она.

Трубочист пристально посмотрел на неё и сказал:

— Моя дорога ведёт через дымовую трубу. Хватит у тебя духу забраться со мною в печку и через дымоход в трубу? А там уж я знаю, что делать! Мы подыдемся так высоко, что они нас не достанут. Там на самом верху есть дыра, через неё можно выбраться на белый свет.

И он повёл её к печной заслонке.

— Как там темно! — сказала пастушка, но всё-таки полезла за ним и в печку и в дымоход, где было черным-черно, как самую тёмную ночь.

— Ну, вот мы и в трубе! — сказал трубочист. — А вон, погляди! Прямо над нами сияет чудесная звёздочка!

В самом деле, как раз над ними сияла в небе звезда, словно указывая им путь. И они лезли, карабкались вверх ужасною дорогой, всё выше и выше! Трубочист поддерживал пастушку, помогал ей и указывал, куда ей удобнее ставить свои фарфоровые ножки. Наконец они долезли до самого верха и присели отдохнуть на край трубы — они очень устали, и не мудрено.

Небо, усеянное звёздами, было над ними, все домовые крыши под ними, а кругом во все стороны, и вширь и вдаль, открывался свободный вид на весь белый свет. Бедная пастушка и не думала никогда, что свет так велик. Она склонилась головой к своему милому и залилась слезами; от потоков слёз даже сошла позолота с её пояса.

— Это уж слишком! — сказала пастушка. — Этого мне не вынести. Свет слишком велик! Ах, если бы мне опять очутиться на столике под зеркалом! Не будет у меня ни минуты спокойной, пока я не вернусь туда! Я ведь пошла за тобой на край света,

теперь ты проводи меня назад домой, если сколько-нибудь любишь меня!

Трубочист стал её уговаривать, напоминал про старого китайца, про обер-унтер-генерал-командир-сержанта Козлоного, но она только рыдала безутешно да целовала своего трубочиста. Делать нечего, пришлось уступить ей.

И вот они с большим трудом спустились по трубе обратно вниз, проползли сквозь дымоход — не сладко всё это было! — вылезли в тёмную печку и прислушались у заслонки к тому, что делается в комнате. Всё было тихо. Они выглянули... Ах! На полу посреди комнаты валялся старый китаец; погнавшись за ними, он свалился со столика и разбился на три части: от спины отлетел большой черепок, и голова закатилась в угол. Обер-унтер-генерал-командир-сержант Козлоног стоял на своём месте и раздумывал.

— Какой ужас! — воскликнула пастушка. — Старый дедушка из-за нас разбился в куски. Я этого не переживу! — И она заломила свои крохотные ручки.

— Его ещё можно починить! — сказал трубочист. — Его можно отлично починить! Только не горячись! Они склеят ему спину, вобьют в затылок заклёпку, — он опять будет как новый и ещё натворит нам неприятностей!

— Ты думаешь? — сказала пастушка.

И они снова вскарабкались на свой столик.

— Далеко же мы с тобой ушли! — сказал трубочист. — Пожалуй, не стоило и трудиться.

— Только бы дедушку починили! — сказала пастушка. — Это, пожалуй, дорого обойдётся.

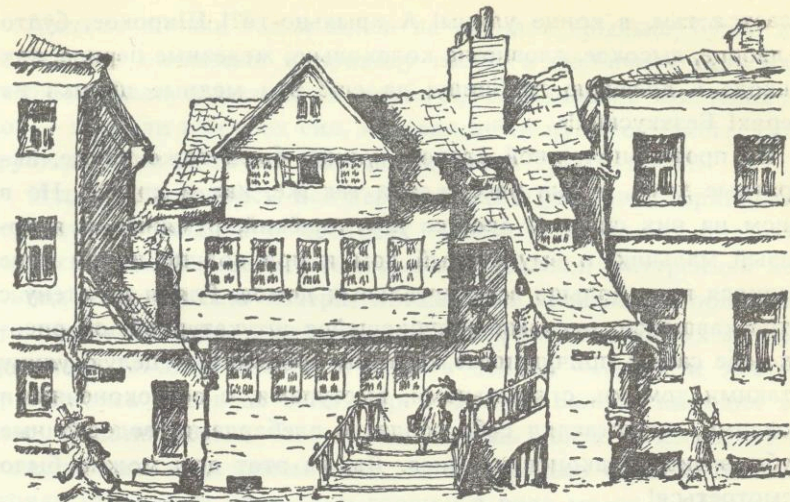
Дедушку починили: склеили ему спину и вбили в затылок хорошую заклёпку. Он стал как новый, только перестал кивать головой.

— Вы что-то загордились с тех пор, как разбились в куски! — сказал обер-унтер-генерал-командир-сержант Козлоног. — А по-моему, тут и гордиться-то нечем! Что ж, отдадите внучку за меня или нет?

Трубочист и пастушка с мольбой глядели на старого китайца, боясь, что он кивнёт, но он ведь не мог больше кивать, а кому

же приятно сознаться перед чужими, что у тебя в затылке заклёпка?

И вот фарфоровая парочка уже больше не разлучалась; пастушка и трубочист благословляли дедушкину заклёпку и любили друг друга, пока не разбились.

СТАРЫЙ ДОМ

В конце одной из улиц стоял старый-престарый дом, построенный лет триста назад. Это можно было прочесть над входом, где цифры были врезаны в рамку из тюльпанов и роз. Там же вырезано было целое стихотворение — старинными буквами и с соблюдением старинного правописания. На оконных карнизах гримасничали разные забавные рожи. Верхний этаж далеко выступал над нижним, а под самой крышей проходила водосточная труба с драконьей головою на конце: дождевая вода должна была выливаться из пасти дракона, но текла из брюха: труба-то была дырявая.

Все прочие дома в ряду были такие новенькие, аккуратные, с большими окнами и ровными стенами. Сразу видно было, что они не желали иметь со старым домом ничего общего и думали про себя: «Долго ли этот старый дом будет торчать тут на посмешище всей улице? Из-за его выступа нам не видно, что

делается там, в конце улицы! А крыльцо-то?! Широкое, будто во дворце, высокое, словно на колокольне; железные перила, как у входа в древнюю гробницу; да ещё эти медные шишки на дверях! Безвкусица!»

На противоположной стороне улицы были тоже новые, аккуратные дома, и они рассуждали так же, как и другие. Но в одном из них сидел у окошка круглощёкий, румяный и ясноглазый мальчик, и ему старый дом и при солнце и при луне нравился куда больше всех остальных домов. Глядя на стену с потрескавшейся, местами облупившейся штукатуркой, он рисовал себе самые причудливые картины прошлого — целую улицу с такими домами, с крыльцами, выступами, с остроконечными кровлями, представлял себе солдат с алебардами, водосточные трубы в виде драконов и змиев. Да, на этот дом можно было засмотреться!

А жил в нём старик, носивший панталоны до колен, кафтан с крупными металлическими пуговицами и парик, самый настоящий парик — это сразу видно было. К нему каждое утро являлся старый слуга, который прибирал в доме и ходил за покупками. Остальное время старик хозяин, носивший короткие панталоны, проводил в старом доме один-одинёшенек. Бывало, что он подходил к своему окну и глядел на улицу; тогда мальчик кивал ему, и старик отвечал тем же. Так они познакомились и даже подружились, хотя ни разу друг с другом не разговаривали. Да что за беда!

Мальчик слышал, как его родители говорили:

— Старику живётся, в общем, неплохо, но он страшно одинок, бедняга!

В ближайшее воскресенье мальчик завернул что-то в бумажку, вышел за ворота, и, когда слуга, исполнявший поручения старика, проходил мимо, мальчик остановил его и сказал:

— Послушай, снеси это от меня старичку напротив. У меня пара таких оловянных солдатиков, пусть он возьмёт себе одного: он ведь страшно одинок.

Слуга, видно довольный, закивал головой и понёс оловянного солдатика в старый дом. Потом оттуда пришло приглашение мальчику побывать у старика; родители позволили, и мальчик отправился в гости в старый дом.

Медные шишки так и сияли на перилах крыльца, будто их только что начистили к приходу гостя, а трубачи — ведь над дверями были вырезаны и трубачи, выходявшие из тьюпанов, — трубили изо всех сил, надувая щёки пуще обычного. Они трубили: «Тра-та-та-та! Мальчик пришёл! Тра-та-та-та!»

И двери отворились. Вся передняя была увешана старинными портретами рыцарей в доспехах и дам в шёлковых платьях; доспехи бряцали, шёлковые платья шелестели! Внутренняя лестница вела сначала наверх, потом вниз, и мальчик попал на просторный балкон, правда очень ветхий, весь в длинных щелях, трещинах и дырах, зато и весь в зелени — трава и листья пробивались изо всех этих дыр и щелей. Балкон выходил во двор, и самая стена была тоже сплошь увита зеленью, — настоящий сад, а на самом деле это был только балкон. На нём стояли старинные цветочные горшки в виде масок с ослиными ушами; цветы в них росли как хотели. В одном горшке пышно разрослась гвоздика, зелёные побеги лезли через край, как будто говоря: «Воздух нас ласкал, солнышко целовало и обещало цветочек к воскресенью, цветочек к воскресенью!»

С балкона мальчика провели в комнату с обоями из свиной кожи, тиснённой золотыми цветами. «Позолота сотрётся, свиная кожа остаётся!» — говорили стены.

В комнате стояли кресла с резными спинками и подлокотниками.

«Присяды! Присяды!» — приглашали они, а потом кряхтели: «Ох, как ломит! Верно, тоже схватили ревматизм, как у старого шкафа!.. Ревматизм в пояснице! Ох!»

Наконец мальчик попал в комнату с выступом на улицу. Там сидел старичок хозяин.

— Спасибо за оловянного солдатика, дружок! — сказал он. — И спасибо, что сам пришёл навестить меня!

«Так, так!» или, скорее, «кхак, кхак!» закричала вся мебель, которой было здесь так тесно, что одна вещь просто лезла на другую, чтобы поглядеть на мальчика.

Посредине стены висела картина — портрет дамы с прекрасным молодым и весёлым лицом, но причёсанной и одетой по старинной моде — с напудренными волосами и в платье, стоявшем колоколом. Она не говорила ни «так», ни «кхак», только

ласково смотрела на мальчика, и он сразу спросил старичка:

— Где ты её достал?

— Там, у старьевщика! — сказал старичок хозяин. — У него висит много портретов, никто их не узнает, никому они не нужны, потому что сами люди эти давно умерли и схоронены. Но её я знавал в старину, а на свете её нет уже лет пятьдесят.

Под картиной висел за стеклом букетик засушенных цветов; им, верно, тоже исполнилось полвека — такими они казались старыми. Маятник больших часов раскачивался, стрелки двигались, и всё в комнате старело с каждой секундой, само того не замечая.

— Дома у нас говорят, что ты страшно одинок, — сказал старичку хозяину мальчик.

— Ну, меня навещают старые воспоминания и приводят с собой кого могут, — сказал старичок. — А сегодня вот и ты пришёл ко мне в гости! Нет, мне живётся хорошо.

И он достал с полки книгу с картинками. Тут были изображены целые процессии с диковинными каретами, каких теперь не увидишь, солдаты вроде трефовых валетов, ремесленники с развевающимися цеховыми знамёнами. У портных на знамени были ножницы, поддерживаемые двумя львами, у башмачников же были не башмаки, но орёл с парой голов, потому что башмачники шьют всегда парную обувь. Да, вот так книга была!

Старичок хозяин пошёл в другую комнату за угощением — вареньем, яблоками и орехами. Право, в старом доме жилось очень хорошо!

— А я здесь не выдержу! — сказал оловянный солдатик, стоявший на сундуке. — Здесь так пусто, так скучно! Нет, кто привык к семье, тому здесь не житьё! Я не выдержу! Дни здесь такие длинные, а вечера ещё длиннее. Тут совсем не то, что у вас дома, — ни душевных разговоров, какие вели, бывало, твой отец с матерью, ни весёлой возни, какую затевали все вы, милые малыши. Старый хозяин так одинок! Ты думаешь, его кто-нибудь целует? Глядит на него кто-нибудь ласково? Бывает у него ёлка? И не будет ничего, кроме похорон!.. Я тут не выдержу!

— Ну, полно тебе! — сказал мальчик. — По-моему, здесь чу-

десно. Да ещё приходят сюда старые воспоминания и приводят с собою кого могут.

— Я их не вижу и не знаю! — ответил оловянный солдатик. — Я здесь не выдержу!

— Придётся, — сказал мальчик.

Старичок хозяин вернулся с самым приветливым видом и принёс чудеснейшее угощение — варенье, яблоки, орехи, и мальчик позабыл про солдатика.

Довольный и весёлый пошёл мальчик домой.

Проходили дни и недели. В старый дом посылались поклоны, оттуда приходили ответные поклоны, и вот мальчик снова пошёл к старичку в гости.

И резные трубачи опять трубили: «Тра-та-та-та! Мальчик пришёл! Тра-та-та-та!»

Рыцари на портретах бряцали мечами и доспехами, и дамы шелестели шёлковыми платьями; свиная кожа разговаривала, и старые кресла кряхтели от ревматизма в пояснице — всё точь-в-точь как в прошлый раз, потому что в старом доме дни и часы повторялись: один проходил, как другой, — точка в точку.

— Я не выдержу больше! — сказал оловянный солдатик. — Я уже плакал оловом! Здесь чересчур тоскливо! Отправьте меня лучше на войну, пусть мне отрубят руки и ноги — всё-таки перемена! Здесь я не выдержу! Теперь я знаю, как это старые воспоминания приходят и приводят с собою кого могут! И ко мне приходили мои. Но, скажу я, им не обрадуешься. Во всяком случае, ненадолго обрадуешься. Под конец я готов был спрыгнуть с сундука. Я видел перед собою вас всех как живых. Видел то самое воскресное утро — ты помнишь? — когда все вы, дети, стояли у стола и пели свой утренний псалом, и мать с отцом стояли рядом, такие же серьёзные. И вдруг дверь отворилась, вошла самая младшая сестрёнка Мария, которой ещё нет двух лет, та самая, что танцует под всякую музыку, под всякое пение. Незваная явилась! И давай танцевать, да никак в такт не попадёт — пение-то было такое протяжное. А она то шейку вытянет, то одну ножку подымет, то другую — нет, всё не ладится! А вы все стоите такие серьёзные, хоть и трудно это было. Я вот не удержался, рассмеялся про себя, зато и слетел со стола и набил себе шишку. Вот она, всё ещё не прошла.

И поделом мне, не смейся не к месту. Теперь мне всё это и припоминается, всё пережитое. Вот и ко мне теперь приходят старые воспоминания и приводят с собой кого могут!.. Скажи, вы всё ещё поёте по воскресеньям? Расскажи мне что-нибудь про малютку Марию. И как поживает мой товарищ, другой оловянный солдатик? Счастливец! А я тут не выдержу!

— Ты подарен! — сказал мальчик. — И должен оставаться тут. Разве ты не понимаешь?

Вошёл старичок со шкатулкой, доверху набитой разными занятными вещами — коробочками, флакончиками, старинными игральными картами — большущими, с позолотой, каких теперь не увидишь. Потом он выдвинул для гостя большие ящики старинного бюро, открыл клавикулы. На внутренней стороне крышки был нарисован какой-то вид, а звуки инструмент издавал тихие и дребезжащие. Старичок хозяин сыграл на нём старинную песенку, сам себе подпевая.

— Это она пела! — сказал он, кивнул головою на портрет, купленный у старьёвщика, и глаза его засветились.

— Я хочу на войну! — крикнул оловянный солдатик, насколько у него хватило голоса, и бросился с сундучка вниз.

Но куда же он девался? Старичок хозяин искал, мальчик искал — нет нигде, да и только.

— Я потом найду! — сказал старичок, но так и не нашёл.

Пол-то был весь в щелях. Солдатик провалился в одну из них и лежал там.

К вечеру мальчик вернулся домой. Прошла неделя, а за ней ещё много недель. Окна замёрзли, и мальчику приходилось дышать на стекло, чтобы оттаял «глазок» и можно было взглянуть на старый дом. Снегом запорошило все его резные завитушки и надписи, совсем занесло крыльцо; дом стоял как нежилой, да в нём и не жил больше никто: старичок хозяин умер.

Вечером к дому подъехала колесница. На неё поставили гроб и повезли старичка хоронить куда-то за город. Провожатых не было: все его друзья давно умерли. Мальчик послал гробу воздушный поцелуй.

Через несколько дней состоялся в старом доме аукцион, и мальчику видно было из окна, как выносили старинных

рыцарей и старинных дам, цветочные горшки с ослиными ушами, старые кресла и старые шкафы. Всё это разошлось что куда. Портрет дамы, купленный у старьёвщика, вернулся к старьёвщику, да так у него и остался: больше ведь не осталось никого, кто знал бы эту даму, и никому не нужен был старый портрет.

Весною стали ломать самый дом — этот хлам, как говорили люди. С улицы можно было заглянуть внутрь, в комнату с обоями из свиной кожи, — их ободрали, лишь кое-где висели ключья. Зелень, обвивавшая балкон, ещё цеплялась за упавшие балки. Потом всё место расчистили.

— Наконец-то! — сказали соседние дома.

И вот на том месте построили новый дом с большими окнами и белыми гладкими стенами, а перед ним, — там, где стоял старый дом, — разбили садик, откуда потянулись к стенам соседних домов лозы дикого винограда. Садик обнесли железной решёткой с железной калиткой. Очень вышло нарядно: люди останавливались и заглядывались. Воробьи стайками садились на виноградные лозы и чирикали наперебой, только не про старый дом. Они и помнить его не могли: прошло ведь столько лет, что мальчик стал взрослым мужчиной да ещё таким дельным, на радость своим родителям. Он только что женился и со своей молодой женой переехал в этот самый дом с садиком. И вот он стоял в саду и глядел, как его жена сажала в клумбу приглянувшийся ей полевой цветок. Посадив цветок, она хотела примять землю пальчиками и сразу вскрикнула:

— Что это?..

Она укололась — из мягкой земли торчало что-то острое.

Оказалось... Да — представьте! — оказалось, что это оловянный солдатик. Тот самый, который пропал у старичка, завалился в мусоре и много лет пролежал в земле.

Молодая женщина обтёрла солдатика сначала зелёным листком, потом своим тонким носовым платком. Как чудесно от него пахло! И солдатик словно очнулся от долгого обморока.

— Дай-ка мне взглянуть! — сказал молодой муж, засмеялся и покачал головой. — Ну конечно, вряд ли это тот самый, но он напомнил мне оловянного солдатика, который был у меня в детстве!

И он рассказал жене про старый дом, про старичка хозяина

и про то, как послал ему своего оловянного солдатика, потому что старик был страшно одинокий. Он рассказал всё в точности, как было на самом деле, и у молодой женщины даже слёзы навернулись, так ей жаль стало и старый дом, и старичка.

— А всё-таки это, может быть, тот самый оловянный солдатик! — сказала она. — Я спрячу его на память. И ты должен показать мне могилу старичка!

— Да я не знаю, где она! — сказал он. — И никто не знает. Все его друзья умерли ещё раньше, никто не заботился о могиле. Я же был тогда совсем ещё маленьким мальчиком!

— Как страшно быть таким одиноким!.. — сказала жена.

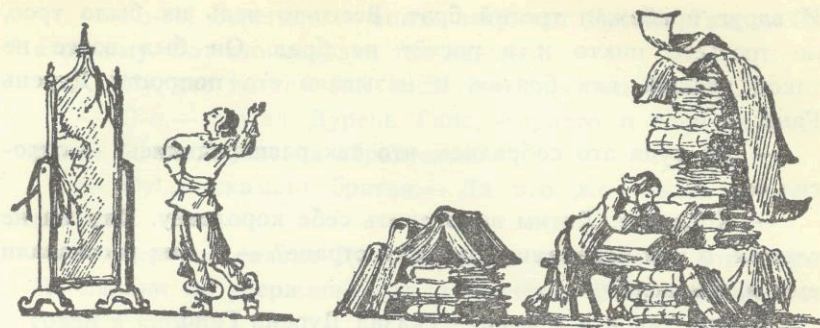
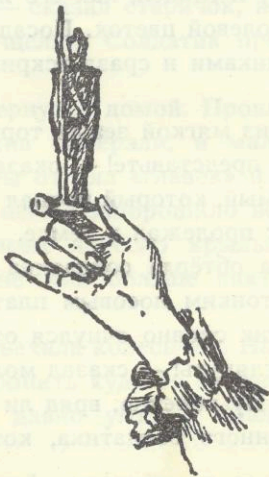
— Да, страшно быть одиноким! — подтвердил оловянный солдатик. — Но как чудесно знать, что тебя не забыли!

— Чудесно! — откликнулось что-то рядом, но никто, кроме оловянного солдатика, не расслышал.

Это был лоскуток обоев из свиной кожи. Позолота с него вся сошла, и он похож был на комок мокрой земли, но собственное мнение он сохранил и высказал его:

— Позолота сотрётся, свиная кожа остаётся!

Однако оловянный солдатик с этим не согласился.

ДУРЕНЬ ГАНС

Жил в усадьбе старик хозяин, и было у него два сына, такие умники, что и вполтину хватило бы. И решили они посвататься к королевне, — отчего же нет? Она сама объявила, что возьмёт в мужья того, кто за словом в карман не лезет.

Двое умников готовились целую неделю; больше у них не было времени, да и того было достаточно: начатки знаний у них были, а это очень важно. Один знал наизусть весь латинский словарь и местную газету за три года, с начала до конца и с конца до начала. Другой изучил всю цеховую премудрость: что какому цеховому старшине полагается знать; стало быть, мог рассуждать и о делах государственных — так, по крайней мере, он сам полагал. Кроме того, он был франт и умел вышивать подтяжки, а это немалое искусство.

— Королевна будет моей, — говорил и тот и другой.

И вот отец дал каждому чудесного коня; тому, который знал словарь и газету, — вороного, а тому, который был цеховым знатоком и умел вышивать, — белого. Оба смазали себе уголки губ рыбьим жиром, чтобы губы легче двигались. Все слуги высыпали во двор поглядеть, как женихи сядут на коней.

И вдруг прибежал третий брат. Всего-то ведь их было трое, но третьего никто и в расчёт не брал. Он был вовсе не такой учёный, как братья, и называли его попросту Дурень Ганс.

— Вы куда это собрались, что так распарадились? — спросил он.

— Ко двору. Хотим выговорить себе королеву. Или ты не слышал, о чём барабанили по всей стране? — И они рассказали ему, в чём дело.

— Эге, так и я с вами, — сказал Дурень Ганс.

Братья только засмеялись и тронулись в путь.

— Отец, давай и мне коня! — закричал Дурень Ганс. — И меня разбирает охота жениться. Возьмёт меня королева — ладно, а не возьмёт — я её возьму.

— Полно пустое болтать, — сказал отец. — Не дам я тебе никакого коня. Ты и говорить-то не умеешь. Братья твои — те молодцы.

— Не дашь коня — возьму козла, — сказал Дурень Ганс. — Козёл мой собственный и небось довезёт меня. — И он уселся на козла верхом, ткнул его в бока пятками и помчался по дороге во всю прыть.

— Го-го! Берегись! — крикнул он и запел во всё горло.

Братья же ехали да ехали потихоньку вперёд, не говоря ни слова; им надо было хорошенько обдумать заранее все красные словца — сразу-то ведь они в голову не придут.

— Го-го! Берегись! — закричал им Дурень Ганс. — Гляньте, что я на дороге нашёл. — И он показал им дохлую ворону.

— Дурак, — сказали они. — Куда она тебе?

— Я её королеве подарю.

— Подари, подари! — засмеялись они и поехали дальше.

— Го-го! Берегись! Гляньте, что я ещё нашёл. Это не каждый день на дороге валяется.

Братья поглядели.

— Дурак, — сказали они. — Это же просто деревянный башмак, да ещё без передка. Ты и его королеве подарить?

— Непременно, — сказал Дурень Ганс.

Братья засмеялись и уехали вперёд.

— Го-го! Берегись! — опять закричал Дурень Ганс. — Одно к одному. Вот это находка так находка.

— Ну, что ты там ещё нашёл? — спросили братья.

— О-о, — сказал Дурень Ганс, — просто и слов не подберёшь. То-то королева обрадуется.

— Фу!.. — сказали братья. — Да это же грязь, прямо из канавы.

— Верно, — сказал Дурень Ганс, — первейшего сорта грязь. На ладони не удержишь, так и ползёт. — И он наложил себе грязи в карман.

А братья помчались от него во всю прыть, приехали целым часом раньше и остановились у городских ворот, где женихам выдавались очередные номерки. Потом их всех выстроили по шести в ряд, да так тесно, что им и шевельнуться нельзя было. И хорошо, что так, а то они исполосовали бы ножами друг другу спины за то лишь, что одни очутились впереди других.

Все жители страны столпились у дворца и заглядывали в окна: всем хотелось видеть, как королева принимает женихов. А женихи входили в залу один за другим, и как кто войдёт, так язык у него и отнимется.

— Не годен, — говорила королева. — Следующий!

Вот вошёл старший брат, который знал наизусть словарь. Но он уж позабыл всё, пока стоял в очереди, а тут — паркет скрипучий, потолок зеркальный, так что видишь себя самого сверху ногами, и у каждого окна по три писца да по одному писаке, и все записывают каждое слово, чтобы сейчас же тиснуть в газету да продать за два скиллинга на углу. Просто ужас!

К тому же печку в зале так натопили, что она раскалилась докрасна.

— Какая жара здесь, — сказал жених.

— Отцу моему вздумалось поджарить молодых петушков, — сказала королева.

— Э-э... — сказал жених и запнулся: к такому разговору он не приготовился и не нашёлся что сказать в ответ — сказать-то ведь надо было что-нибудь остроумное. — Э-э...

— Не годен, — сказала королева. — Вон!

И пришлось ему убраться вон. Вошёл второй брат.

— Ужасно жарко здесь,— сказал он.

— Да, мы сегодня поджариваем молодых петушков,— сказала королева.

— Ка-ак? Ка...— сказал он.

И все писцы записали: «Ка-ак? Ка...»

— Не годен,— сказала королева.— Вон!

Следующим был Дурень Ганс. Он въехал на козле прямо в залу.

— Ну и жарища тут,— сказал он.

— Это я молодых петушков поджариваю,— сказала королева.

— Славно,— сказал Дурень Ганс.— Так и мне заодно можно зажарить мою ворону?

— Отчего же нельзя,— сказала королева.— Но у вас есть в чём жарить? У меня нет ни кастрюльки, ни сковородки.

— У меня найдётся,— ответил Дурень Ганс.— Вот посуда, да ещё с ручкой.— И он вытащил старый деревянный башмак с отколотым передком и положил в него ворону.

— Да это целый обед! — сказала королева.— Только где же мы возьмём подливки?

— У меня в кармане,— ответил Дурень Ганс.— У меня её столько, что хоть отбавляй.— И он полил ворону грязью из кармана.

— Вот это я люблю,— сказала королева.— Ты за словом в карман не лезешь. Тебя я и возьму в мужья. Но знаешь, каждое слово, что мы сказали и скажем, записывают и печатают в утренней газете. Видишь, у каждого окна три писца да ещё старший писака. Всех хуже самый главный, он ведь ничего не понимает.

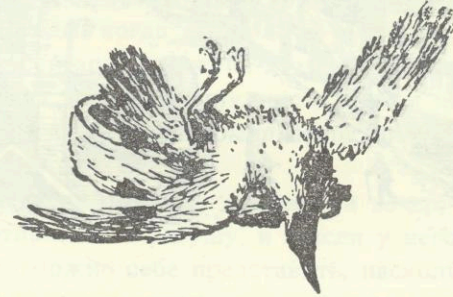
Это она уж нарочно сказала, чтобы напугать Дурня Ганса. И все писцы при этом заржали и посадили на пол по жирной кляксе.

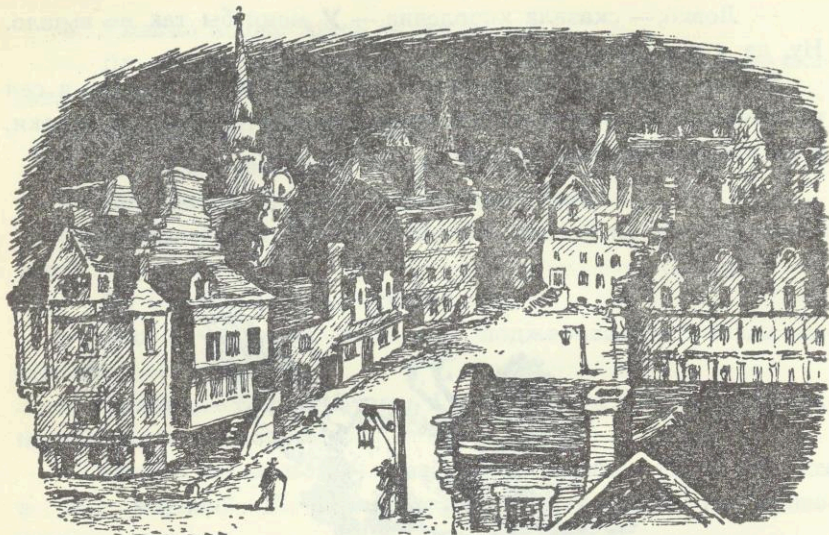
— Большие господа, как видно,— сказал Дурень Ганс.— Сейчас я разуважу самого главного.

И он недолго думая выворотил карманы и залепил главному писাকে всё лицо грязью.

— Ловко,— сказала королева.— У меня бы так не вышло. Ну, да я подучусь.

И стал Дурень Ганс королём: женился, надел корону и сел на трон. Мы же взяли всё это прямо из газеты главного писака, а на неё положиться нельзя.

СТАРЫЙ УЛИЧНЫЙ ФОНАРЬ

Слышали вы историю старого уличного фонаря? Она не то чтобы очень забавна, но разок послушать её не мешает.

Так вот, был такой старый уличный фонарь; много-много лет прослужил он честно и наконец должен был получить отставку.

Последний вечер торчал фонарь на своём столбе и чувствовал, что в последний раз освещает улицу. Так чувствует себя старая танцовщица, выступая на сцене в последний раз и зная, что завтра она будет всеми забыта в своей каморке.

Завтрашний день пугал старого служаку: он знал, что завтра его отправят в ратушу к «тридцати шести отцам города» на осмотр; они решат, годен он ещё к службе или уже не годен совсем. Может быть, его ещё поставят на окраине на каком-нибудь мосту; может быть, где-нибудь на фабрике, а может

быть, и отошлют прямо в переплавку. Из него, конечно, могло бы получиться что угодно, но его мучила мысль: сохранит ли он воспоминания о своём прошлом, о том, что был когда-то уличным фонарём? Впрочем, как бы то ни было, что бы там ни вышло, его ожидала разлука со сторожем и его женой, на которых он привык смотреть, как на собственную семью. Службу свою фонарь начал в один день со сторожем. Жена сторожа была тогда ещё молодая и очень гордая: проходя мимо фонаря, она достаивала его взглядом лишь по вечерам, а днём никогда. В последние же годы, когда все трое — и сторож, и его жена, и фонарь — уже состарились, жена сторожа тоже ухаживала за фонарём: вынимала из него лампу, чистила её и наливала в неё ворвань. Хорошие, честные это были люди, ни разу не обидели фонарь ни на одну каплю.

Так вот, он светил на улице последний вечер, а поутру его должны были отправить в ратушу, и мысли у него были самые мрачные, так что можно себе представить, насколько светло он горел. Мелькали у него, впрочем, и другие мысли: он ведь столько всего перевидал и на многое успел пролить свет за время своей службы — в этом отношении он стоял, пожалуй, не ниже всех «тридцати шести отцов города». Только не рассказывал никому и ничего: он ведь был старый честный фонарь и никого обижать не хотел, а уж меньше всего своё начальство. Многое всё-таки он запомнил и время от времени вспыхивал ярче, словно его разжигали такие мысли:

«Да, и меня, верно, вспомнит кое-кто. Взять хотя бы того красивого молодого человека... Давно уж это было! Подошёл он ко мне с письмом в руках. Письмо было на розовой бумажке, тонкой-претонкой, с золотым обрезом. И написано оно было очень красиво,— как видно, женской рукой. Молодой человек перечёл его два раза, поцеловал и поднял на меня глаза, и глаза эти так ясно говорили: «Счастливее меня нет никого на свете». Да, только мы двое — он да я — знали, что там было, в этом первом письме от его невесты».

«Ещё помню я другую пару глаз... Удивительно, как перекакивают мысли! По нашей улице двигалась пышная похоронная процессия. На обитой бархатом колеснице стоял гроб, а в нём лежала прекрасная молодая женщина. Масса цветов и вен-

ков и столько факелов, что мой свет совсем померк; вся мостовая была запружена людьми, провожавшими гроб. Когда факелы скрылись из виду, я огляделся кругом — около моего столба стоял какой-то человек и плакал. Никогда я не забуду этой пары скорбных глаз, поднятых на меня». И много таких мыслей вспыхивало в памяти фонаря, освещавшего сегодня улицу в последний раз. Часовой, сменяясь с поста, всё-таки знает свою смену и может сказать слово-другое тому, кто его сменяет. А фонарь не знал своего заместителя. Не то он мог бы дать ему кое-какие советы и указания — насчёт дождя и непогоды, насчёт того, как далеко падает лунный свет на тротуар и с какой стороны чаще всего дует ветер.

На мостике водосточной канавки появилось в это время трое кандидатов в заместители. Они и отрекомендовались фонарю, полагая, что назначение на должность зависит от него самого. Первою заявила о себе селёдочная головка. Она ведь светится в темноте и, заняв место на столбе, значительно уменьшила бы расход ворвани. Вторую выступила гнилушка, которая тоже умеет светиться, да ещё поярче какой-то рыбёшки. Вдобавок она была последним остатком дерева, бывшего когда-то красою леса. Третьим был светлячок. Откуда он взялся, фонарь понять не мог, но он был тут, налицо, и тоже светился, хотя селёдочная головка и гнилушка клялись, что светится он не постоянно, а лишь в определённое время года, и потому с ним считаться не приходится.

Старый фонарь сказал, что все они светят очень слабо и не годятся в уличные фонари, но никто из них этому не поверил. Когда же они услышали, что не от фонаря зависит назначение на должность, то выразили своё полное одобрение. По их мнению, фонарь был слишком дряхл, чтобы сделать верный выбор!

В эту минуту налетел из-за угла улицы ветер и просвистел в дырочки фонарного колпачка:

— Что такое? Говорят, ты завтра увольняешься? И я вижу тебя здесь в последний раз? Ну, так вот тебе от меня подарок. Сейчас я продую твою мозговую коробку, и ты будешь не только ясно и точно помнить всё тобою виденное и слышанное, но и будешь словно своими глазами видеть всё, о чём при тебе

будут рассказывать или читать вслух другие. Вот как светло будет у тебя в голове!

— Право, это уж чересчур много,— сказал уличный фонарь.— Спасибо тебе. Только бы не попасть мне в переплавку.

— До этого ещё далеко,— просвистел ветер.— Ну, сейчас я продую твою память. Если ты получишь много таких подарков на прощанье, то с приятностью проведёшь свою старость.

— Только бы не попасть в переплавку,— повторил фонарь.— Или ты и на этот случай ручаешься за мою память?

— Старый фонарь, будь умнее! — сказал ветер и принялся дуть.

В ту же секунду выглянула луна.

— А вы что подарите? — спросил её ветер.

— Ничего,— ответила она.— Во-первых, я сейчас в ущербе; во-вторых, не фонари за меня светили, а я старалась за них.

И луна опять спряталась за тучи, чтобы ей больше не докучали. Тут как раз на колпачок фонаря капнуло с крыши, но капля сказала, что упала прямо из тучи и тоже является подарком, да ещё, пожалуй, самым лучшим. «Я проточу тебя так, что ты будешь способен в одну ночь проржаветь насквозь и рассыпаться».

Фонарю этот подарок, однако, показался плохим, и ветер с ним согласился.

— Кто же даст больше? Кто даст больше? — засвистел ветер во всю мочь.

И вдруг с неба скатилась звезда, оставив за собою длинный светящийся след.

— Это ещё что? — вскрикнула селёдочная головка.— Кажется, звезда упала прямо в фонарь? Ну, если этого места помогают столь высокопоставленные особы, нам остаётся только откланяться.

Так она и сделала, а за нею двое остальных, но старый фонарь вдруг засветил необычайно ярко.

— Вот это чудесный подарок! — сказал он.— Ясные звёз-

дочки, которыми я всегда так любовался!.. Светить так ярко, как они, я, собственно говоря, никогда не умел, хоть и старался изо всех сил. Эти ясные звёздочки заметили меня, старика, и послали ко мне одну из своих сестёр с подарком. Они одарили меня способностью показывать всем, кого я люблю, то, что сам хорошо помню и ясно себе представляю. Вот это поистине удовольствие! А то и радость не в радость, если нельзя поделиться ею с другими.

— Весьма почтенная мысль, — сказал ветер. — Но ты, видно, не знаешь, что к этому дару надо прибавить восковую свечку? Если в тебя не вставят и не зажгут восковой свечи, ты не сможешь показать никому и ничего. Об этом звёзды небось не подумали... Но я устал, пора мне улечься, — сказал ветер и улёгся.

На другое утро... Впрочем, утро мы можем и пропустить. На другой день вечером фонарь отдыхал в кресле — и где же? У старика сторожа. Сторож выпросил себе у «тридцати шести отцов города» в награду за свою долгую верную службу старый фонарь.

Они посмеялись над его просьбой, но исполнили её, и вот фонарь очутился в кресле, как раз около тёплой печки, и, право, как будто даже вырос от такой чести, — он занял почти всё сиденье.

Старики, сидя за ужином, бросали умильные взгляды на старый фонарь; они бы охотно посадили его даже с собой за стол. Жили они, правда, в подвале, аршина на два под землёю, и, чтобы попасть к ним, надо было пройти через коридор, вымощенный кирпичом; но в самой комнатке было чисто, тепло, уютно: двери, обитые по краям полосками сукна, кровать с пологом, занавески на окошечках, а на подоконниках два диковинных горшка. Привёз их из Ост- или из Вест-Индии матрос Христиан, и сделаны они были в виде двух глиняных слонов, полых внутри, без спинок; в них насыпана была земля, и в одном рос чудесный лук-порей, — это был огород стариков, а в другом пышно цвела герань, — это был их сад.

На стене висела большая раскрашенная картина «Венский конгресс», на ней были нарисованы все императоры и короли зараз.

Старинные часы с тяжёлыми свинцовыми гирьками тикали всегда слишком торопливо и забегали вперёд, но лучше идти вперёд, чем отставать, говорили старики.

Они ужинали, а старый уличный фонарь лежал, как сказано, в кресле около тёплой печки. И фонарю казалось, что весь свет перевернулся вверх дном. Но вот старый сторож, глядя на него, начал вспоминать о том, что они пережили вместе в дождь и в непогоду, в ясные короткие летние ночи и в снежные бури, когда так и тянет к себе в подвальчик. И старый фонарь пришёл в себя — как будто своими глазами увидел всё, о чём говорилось.

Да, ветер в самом деле хорошо продул его мозговую коробку!

А старики были оба такие работающие, усердные; ни одного часа не пропадало у них даром. По воскресеньям, после обеда, вынималась какая-нибудь книга, чаще всего описание путешествий, и старик читал из неё вслух про Африку, про густые леса и про диких слонов, стадами бродивших там. А старушка слушала и поглядывала на цветочные горшки в виде глиняных слонов.

— Я как будто вижу всё это, — говорила она.

И фонарю так хотелось, чтобы в него вставили и зажгли восковую свечу, — тогда старушка действительно увидела бы всё, как видел сам фонарь: и высокие деревья, перепутавшиеся густыми ветвями, и голых чернокожих людей на лошадях, и целые стада слонов, топчущих тяжёлыми ногами высокие тростники и кусты.

«К чему все мои способности, если в этом доме нет восковой свечи? — вздыхал фонарь. — У стариков есть только ворвань да сальные огарки, а этого мало».

Но вот в подвал попала целая куча восковых огарков. Самые большие пошли на освещение, а маленькими старушка вошила нитки, когда шила. Теперь у стариков завелись восковые свечи, но ни ему, ни ей в голову не приходило вставить хоть один огарок в фонарь.

«Ну вот, так и пропадают мои редкие способности, — вздыхал фонарь. — Внутри у меня целое богатство, а я не могу им поделиться со стариками. Они и не знают, что я могу превратить

эти голые стены в мягкие ковры, в густые леса, во всё что угодно. Да и где им знать это!»

Фонарь, впрочем, всегда начисто вымытый и вытертый, лежал в кресле у печки и всем сразу бросался в глаза. Люди, правда, говорили, что это просто хлам, но старики не обращали внимания на такие слова: они любили старый фонарь.

Наступил день рождения старого сторожа. Старушка пошла к фонарю и с улыбкой сказала:

— Дай-ка зажгу в его честь иллюминацию.

Фонарь задрезжал жестяным колпачком от радостной мысли: «Наконец-то их озарило!»

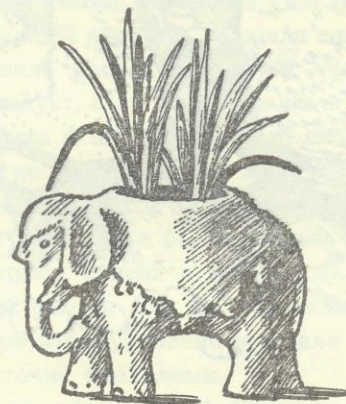
Но старушка достала ворвань, а не восковую свечу. Фонарь горел весь вечер, но знал, что чудесный дар, ниспосланный ему звёздами, лучший из всех даров, останется в этих условиях навсегда бесполезным богатством. И он начал фантазировать (при таких способностях это можно себе позволить!), будто бы старики умерли, а он сам попал в переплавку. И будто бы ему так же страшно, как в тот день, когда он должен был явиться в ратушу на осмотр к «тридцати шести отцам города».

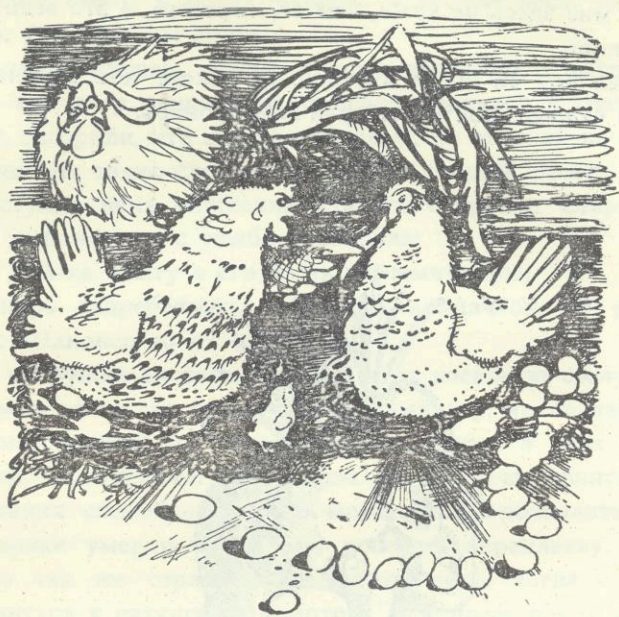
Но хотя он и был способен проржаветь и рассыпаться в прах когда захочет, он этого не сделал, а будто бы попал в плавильную печь и стал чудесным железным подсвечником, как раз подходящим для восковой свечи: его отлили в форме ангела с букетом в руке. И вот, в середину букета вставили восковую свечу, и подсвечник попал на письменный стол, обитый зелёным сукном. В комнате было очень уютно, много книг, по стенам висели прекрасные картины. Жил тут поэт, и всё, о чём он думал и писал, развёртывалось перед его взором, как в панораме: комната становилась то дремучим лесом, то залитым лучами солнца зелёным лугом, по которому важно расхаживал аист, то палубой корабля, высоко поднятой на гребень волны.

— Вот какие во мне способности! — сказал старый фонарь, очнувшись от своих фантазий. — Право, мне даже хочется теперь попасть в переплавку. Хотя нет, не надо, пока живы мои старики. Они меня любят таким, каков я есть. Я у них вместо ребёнка: они всегда меня мыли и чистили и поили ворванью,

и вообще мне здесь не хуже, чем «Конгрессу», а это ведь что-то очень важное.

И с тех пор он обрёл внутренний покой, чего вполне и заслуживал старый, почтенный уличный фонарь.

ИСТИННАЯ ПРАВДА

— Ужасное происшествие! — сказала курица, проживавшая совсем на другом конце города, а не там, где случилось происшествие. — Ужасное происшествие в курятнике! Я просто не смею теперь ночевать одна! Хорошо, что нас много на нашесте!

И она принялась рассказывать, да так, что у всех кур пёрышки повставали дыбом, а у петуха съёжился гребешок. Да, да, истинная правда!

Но мы начнем сначала, а началось всё в курятнике на другом конце города.

Солнце садилось, и все куры уже были на нашесте. Одна из них, белая коротконожка, курица во всех отношениях добро-чрядочная и почтенная, исправно несущая положенное число

яиц, усевшись поудобнее, стала перед сном чиститься и расправлять пёрышки. И вот одно маленькое пёрышко вылетело и упало на пол.

— Ишь как полетело! — сказала курица. — Ну ничего, чем больше я чищусь, тем делаюсь красивее!

Это было сказано так, в шутку, — курица вообще была весёлого нрава, но это ничуть не мешало ей быть, как уже сказано, весьма и весьма почтенною курицей. С тем она и заснула.

В курятнике было темно. Куры все сидели рядом, и та, что сидела бок о бок с нашей курицей, не спала ещё: она не то чтобы нарочно подслушивала слова соседки, а так, слушала краем уха, — так ведь и следует, если хочешь жить в мире с ближними! И вот она не утерпела и шепнула другой своей соседке:

— Слышала? Я не желаю называть имён, но тут есть курица, которая готова выщипать себе все перья, чтобы только быть покрасивее. Будь я петухом, я бы презирала её!

Как раз над курами сидела в гнезде сова с мужем и детками; у сов уши острые, и они не упустили ни одного слова соседки. Все они при этом усиленно вращали глазами, а совиха махала крыльями, точно опახалами.

— Тс-сэ! Не слушайте, детки! Впрочем, вы, конечно, уж слышали? Я тоже. Ах! Просто уши вянут! Одна из кур до того забылась, что принялась выщипывать себе перья прямо на глазах у петуха!

— Prenez garde aux enfants!¹ — сказал сова-отец. — Детям вовсе не следует слушать подобные вещи!

— Надо будет всё-таки рассказать об этом нашей соседке сове, она такая милая особа!

И совиха полетела к соседке.

— У-гу, у-гу! — загукали потом обе совы прямо над соседней голубятней. — Вы слышали? Вы слышали? У-гу! Одна курица выщипала себе все перья из-за петуха! Она замёрзнет, замёрзнет до смерти! Если уже не замёрзла! У-гу!

— Кур-кур! Где, где? — ворковали голуби.

— На соседнем дворе! Это почти на моих глазах было! Просто неприлично и говорить об этом, но это истинная правда!

¹ Осторожнее, здесь дети! (франц.)

— Верим, верим! — сказали голуби и заворковали сидящим внизу курам: — Кур-кур! Одна курица, говорят, даже две выщипали себе все перья, чтобы отличиться перед петухом! Рискованная затея. Можно ведь простудиться и умереть, да они уж и умерли!

— Кукареку! — запел петух, взлетая на забор.— Проснитесь.— У самого глаза ещё совсем слипались от сна, а он уже кричал: — Три курицы погибли от несчастной любви к петуху! Они выщипали себе все перья! Такая гадкая история! Не хочу молчать о ней! Пусть разнесётся по всему свету!

— Пусть, пусть! — запищали летучие мыши, закудахтали куры, закричал петух.— Пусть, пусть!

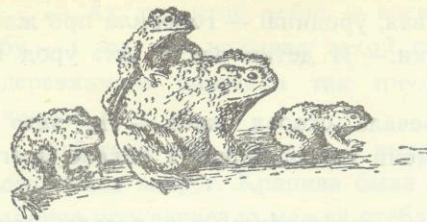
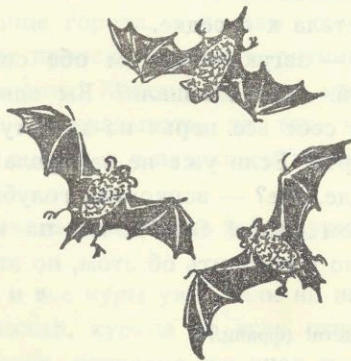
И история разнеслась до того места, откуда пошла.

— Пять куриц,— рассказывалось тут,— выщипали себе все перья, чтобы показать, кто из них больше исхудал от любви к петуху! Потом они заклевали друг друга насмерть, в позор и посрамление всему своему роду и в убыток своим хозяевам!

Курица, которая выронила одно пёрышко, конечно, не узнала своей собственной истории и, как курица во всех отношениях почтенная, сказала:

— Я презираю этих кур! Но таких ведь много! О подобных вещах нельзя, однако, молчать! И я, со своей стороны, сделаю всё, чтобы история эта попала в газеты! Пусть разнесётся по всему свету — эти куры и весь их род стоят того!

И в газетах действительно напечатали всю историю, и это истинная правда: одному маленькому пёрышку куда как не трудно превратиться в целых пять кур!

ЖАБА

Колодец был глубокий, потому и верёвка была длинная и туго накручивалась на ворот, когда тянули наверх полное ведро. Как ни прозрачна была колодезная вода, никогда не играли в ней солнечные лучи — они попросту не достигали до её поверхности. По стенкам же колодца, куда лучи попадали, пробивалась между камнями травка.

И ютилась тут целая семья жаб — происхождения не здешнего. Старая жаба слетела сюда, так сказать, кувырком сверху. И до сих пор еще здравствовала. Зелёные лягушки, плававшие в колодце и бывшие коренными его обитательницами, признали жаб родней и приняли их как гостей, прибывших на воды. Гости, однако, расположились как дома и обжились здесь «на суше», как они называли мокрые камни.

Старой лягушке довелось разок поглядеть на белый свет, попутешествовать: она поднялась в ведре до самого верху, но там ей показалось чересчур ярко — даже глаза заломило. По счастью, ей удалось выпрыгнуть из ведра. И она так бухнулась в воду, что отшибла себе спину и целых три дня потом её не чувствовала.

Много о белом свете она рассказать, конечно, не могла, но знала, как и все, впрочем, что колодец — ещё не весь свет. Старая жаба, та могла бы порассказать побольше, но она никогда не отвечала на расспросы, ну, её и спрашивать перестали!

— Толстуха неповоротливая, уродина! — говорили про жабу молоденькие зелёные лягушки. — И детки все у неё: урод на уроде!

— Может статья, — отвечала старая жаба. — Но зато у кого-нибудь из них или у меня самой скрыт в голове драгоценный камень.

Зелёные лягушки слушали, таращились и с досады передразнивали жабу, а потом бухались на дно колодца. А молодые жабы от пущей важности вытягивали задние лапки — каждой казалось, что как раз у неё-то и спрятан в голове драгоценный камень! И они сидели смирённо, боясь даже голову повернуть. Но наконец всё-таки стали спрашивать: чем же им, собственно, гордиться? Какой такой этот драгоценный камень?

— Это такое великолепие, такая драгоценность, что и не описать, — ответила старая жаба. — И носят это просто для собственного удовольствия, другим назло. Но не спрашивайте меня больше, я не стану отвечать.

— Ну, уж такой драгоценности у меня нет. И откуда бы ей взяться у меня? — сказала самая младшая жаба, такая безобразная, что хуже и быть не могло. — И раз она злит других, мне от неё было бы мало радости. Нет, чего бы мне хотелось, так это добраться когда-нибудь до края колодца и выглянуть на свет. То-то, должно быть, красота!

— Оставайся-ка лучше на своём месте, — сказала старая жаба. — Здесь тебе всё знакомо, и ты знаешь, где ты. Берегись ведра. Оно может тебя раздавить. А если попадёшь в него, пожалуй вывалишься; и не все ведь падают сверху так удачно, как я, — целыми и невредимыми.

— Квак! — сказала молодая жаба, как человек сказал бы: ах! Уж очень ей хотелось побывать наверху, поглядеть на белый свет, на тамошнюю зелень.

И вот на другое утро полное ведро, поднимаясь кверху, случайно задержалось возле камня, на котором сидела молодая жаба.

Всё внутри у неё так и затрепетало, она прыгнула в ведро с водой и упала на самое дно его. Ведро подняли наверх и воду выплеснули.

— Ах ты, чтоб тебя!.. — воскликнул работник, увидав жабу. — Сроду не видывал такой гадины! — И он носком своего деревянного башмака так пнул жабу, что чуть не изувечил её.

Всё-таки она спаслась в высокой заросли крапивы и стала озираться вокруг. Крапива была густая — стебель к стеблю, но солнце просвечивало между стеблями и сквозь листья; для жабы такая заросль была всё равно что для нас лес, освещённый солнцем.

— Здесь гораздо, гораздо красивее, чем внизу в колодце! Право, я готова остаться тут на всю жизнь! — сказала молодая жаба. Прележала в заросли часок, прележала другой. — А что же там дальше? Уж если я забралась так далеко, так надо посмотреть и что подальше. — Она поползла быстро, как только могла, и выползла на дорогу. Солнце светило на жабу, пыль её пудрила, а она ползла да ползла через дорогу.

— Вот где суша-то, — сказала молодая жаба. — Пожалуй, здесь слишком даже сухо. У меня першит в горле.

Вот она доползла до канавы. По краям канавы росли незабудки и таволга, а неподалёку тянулась живая изгородь из бузины и белого тёрна. Вился тут по тычинам и вьюнок. Залюбоваться можно было всей этой пестротой. А ещё порхала здесь бабочка. Жаба приняла её за цветок, который сорвался со стебелька, чтобы получше оглядеться кругом. Жабе это было так понятно.

— Вот бы и мне полетать! — вздохнула она. — Квак! Ах!.. Но что за красота!

Восемь ночей и восемь дней провела жаба около канавы, где не было недостатка в пище. На девятый день она сказала себе:

«Дальше! Вперёд!» Но что же манило её? Разве она могла найти что-нибудь ещё лучше? Может быть, молоденькую жабу или зелёных лягушек? Сегодня ночью ветер доносил какие-то звуки, говорившие, что поблизости живёт «родня».

— Как чудесно на свете! Выбраться из колодца, полежать в крапиве, проползти по пыльной дороге, отдохнуть в сырой канаве. Но теперь пора дальше. Поискать лягушек или молоденькую жабу. Без общества всё-таки не обойтись — одной природы всё-таки мало!

И жаба снова пустилась в путь.

И вот очутилась она в поле у большого пруда, обросшего тростником, и сразу забралась в пруд.

— Тут вам, пожалуй, покажется слишком сыро, — сказали здешние лягушки. — А впрочем, милости просим. Вы кавалер или дама? Ну, да это всё равно. Добро пожаловать!

И жабу пригласили на вечерний концерт — семейный концерт. Ну, известное дело: полный восторг и жиденькие голоса. Угощения никакого. Впрочем, питья — целый пруд, хлебайте на здоровье!

— Теперь я двинусь дальше, — сказала молодая жаба.

Её влекло всё к новому, лучшему. Она видела звёзды — большие, ясные, видела серп молодой луны, видела солнце, подымавшееся всё выше и выше, и думала:

«Пожалуй, я всё ещё в колодце, только в большом. Надо подняться ещё выше. Иначе не знать мне покоя, не избыть тоски». И когда луна пополнила, округлилась, бедная жаба подумала: «Не ведро ли это спускается? Не прыгнуть ли в него, чтобы подняться выше? А может быть, и солнце — ведро, только покрупнее? Какое оно огромное, яркое! В нём всем нам хватило бы места. Надо ловить случай... О, как от него светло у меня в голове! Вряд ли тот драгоценный камень горит ярче. Ну, да такого камня у меня нет, и я о нём не горюю. А вот ввысь подняться меня тянет. Выше, выше, к свету и радости! Я уверена, что мне это предстоит, но и страшусь этого. Шаг будет серьёзный. Однако я должна его сделать. Вперёд! Вперёд! Прямой дорогой!».

И она двинулась вперёд, то есть поползла, как ей полагалось. И выползла на проезжую дорогу. По обе стороны дороги стояли дома, в них жили крестьяне, у них были огороды и садики с цветами.

Жаба остановилась отдохнуть.

— Сколько, однако, на свете разных тварей! Я их и не знала никогда. И как велик, как прекрасен свет! Вот и надо в нём оглядеться, а не сидеть всё на одном месте.

И она прыгнула в огород.

— Да как же тут зелено! Как красиво!

— Ещё бы! — отозвался капустный червяк, сидевший на

листочке. — Мой листок самый крупный здесь — закрывает половину света; ну и пусть: с меня хватит.

— Кок-кок-кудак! — послышалось около них.

Это пожаловали в огород куры и засеменили между грядок. Курица, которая шла впереди, была дальноркая. Она сразу разглядела червяка на капустном листке и клюнула. Червяк упал на землю и принялся извиваться. Курица, не зная ещё, что это должно обозначать, поглядела на него сначала одним глазом, потом другим и решила:

— Это он неспроста.

Потом нацелилась склевать червяка. Жаба так испугалась за червяка, что поползла прямо на курицу.

— Э, да он выдвигает резервы! — сказала курица. — Смотрите, какой ползун. — И курица отвернулась от червяка. — Очень мне нужен такой зелёный заморыш! От него только запершит в глотке.

Остальные куры согласились с нею, и все ушли.

— Отвертелся-таки от неё! — сказал червяк. — Вот как важно сохранить присутствие духа.

И червяк полез обратно на свой листок, а молодая жаба выразила ему своё сочувствие: она так рада, что спугнула курицу своим безобразием.

— Что вы этим хотите сказать? — спросил червяк. — Я сам от неё отвертелся. А на вас смотреть тошно. Не угодно ли вам оставить меня в покое? А, вот и капустой пахнет. Вот и листок мой. Что может быть лучше собственного хозяйства? Однако надобно подняться повыше.

— Да, повыше! — сказала жаба. — Всё выше и выше! У нас с ним одинаковые стремления. Только он сейчас не в духе со страху. Все мы должны стремиться ввысь. — И она подняла взгляд вверх.

На крыше одного крестьянского дома стоял в своём гнезде аист и трещал клювом; рядом сидела аистиха и тоже трещала.

«Как они высоко живут! — подумала жаба. — Вот бы попасть туда!»

У крестьянина в доме жили два молодых студента. Один поэт, другой натуралист. Один радостно воспевал и описывал

природу, как она отражалась в его сердце, воспевал короткими, выразительными и звучными стихами. Другой изучал природу, вникал в самую суть вещей, вскрывал их, потрошил, так сказать. Хорошие они были люди и весёлые оба.

— Какой славный экземпляр жабы! — воскликнул натуралист. — Надо её посадить в банку со спиртом.

— Да у тебя уже две сидят, — возразил поэт. — Оставь эту в покое. Пусть себе радуется жизни.

— Уж больно она безобразна. Просто прелесть! — сказал натуралист.

— Если б ещё мы могли найти у неё в голове драгоценный камень, я бы сам помог тебе распотрошить её, — прибавил поэт.

— Драгоценный камень! — усмехнулся натуралист. — Силён же ты в естественной истории.

— А разве не прекрасно это народное поверье, будто жаба, безобразнейшая из тварей, нередко таит в голове драгоценнейший камень? И разве не бывает того же с людьми? Ведь какие драгоценные мысли носил в своей голове Эзоп! А Сократ?

Больше жаба ничего не услышала, да и всё равно она половины не поняла.

Студенты пошли своей дорогой, а жаба ушла от беды — от банки со спиртом.

— И они тоже говорили про драгоценный камень, — сказала жаба. — Хорошо, что у меня его нет, не то не уйти бы мне от беды.

На крыше опять затрещали клювы. Аист-отец читал лекцию членам своей семьи, а те косились на двух студентов, гулявших в огороде.

— Нет на земле твари заносчивей человека! — говорил аист. — Слышите, как они трещат? А по-настоящему-то у них всё-таки не выходит. Они чванятся своей речью, своим человеческим языком. Хорош язык, нечего сказать! Чем дальше кто едет, тем меньше его понимают другие люди. Вот мы с нашим языком можем путешествовать по всему свету, и везде нас понимают — и в Дании и в Египте. И летать люди не умеют. Правда, они мчатся с места на место по «железным дорогам», как они называли свою выдумку, но зато и шей себе ломают

частенько. Брр! Мороз по клюву продирает, как подумаешь. Свет простоял бы и без людей. Мы без них отлично обошлись бы. Оставили бы нам только лягушек и червей.

«Вот так речь! — подумала молодая жаба. — Какой же он важный. И как высоко забрался. Я ещё никого на такой высоте не видела!»

— А плавает-то как! — воскликнула она, когда аист полетел, широко взмахивая крыльями.

Аистиха стала рассказывать птенцам о Египте, о водах Нила и о чудесном иле в этой далёкой стране. И для жабы всё это было ново и занятно.

— Я должна побывать в Египте, — сказала она себе. — Хоть бы аист взял меня с собой или один из его птенцов. Уж я бы его одарила в день его свадьбы. Да, я непременно попаду в Египет — я ведь такая счастливица. Моя тоска, мои стремления, право, лучше всякого драгоценного камня в голове.

А ведь это как раз и был драгоценный камень — её вечная тоска, её порывы ввысь, всё ввысь. Они пронизывали её, она вся светилась ими и сияла счастьем, излучала радость.

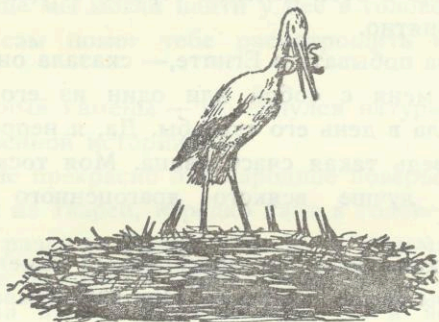
В эту минуту вернулся аист. Увидел в траве жабу, спустился и схватил её не слишком деликатно. Клюв сжался... засвистал ветер... Неприятно это было, но зато жаба летела ввысь, ввысь, в Египет! Да! Да! Глаза её засияли, из них как будто вылетела искра. «Квак! Ах!» Жаба умерла. Тело её было сплющено. Но искра из её глаз — куда она девалась?

Её подхватил солнечный луч. Солнечный луч унёс драгоценный камень из головы жабы. Куда?

Не спрашивайте об этом натуралиста, спросите лучше поэта. Он ответит вам сказкой. В этой сказке будут и капустный червяк и семья аистов. И представьте себе! Червяк-то превратится в хорошенькую бабочку. Семья аистов полетит над горами и лесами в далёкую Африку и всё-таки найдёт кратчайшую дорогу назад на родину — в Данию, на то же место, на ту же самую крышу. Да, это похоже на сказку, но это правда. Спросите хоть у натуралиста. Да вы и сами это знаете, сами видели.

Ну, а драгоценный камень из головы жабы? Куда всё-таки он девался?

Поищите его на солнце. Вглядитесь в солнце, если можете. Блеск его нестерпим для глаз человеческих. Не приспособлены ещё наши глаза, чтобы разглядеть всю красоту природы, но когда-нибудь мы этого достигнем. Это будет сказкой из сказок, и мы сами будем её творцами и участниками.

УЖ ЧТО МУЖЕНЁК СДЕЛАЕТ, ТО И ЛАДНО!

Расскажу я тебе историю, которую сам слышал в детстве. Всякий раз, как она мне вспоминалась потом, она казалась мне всё лучше и лучше: с историями ведь бывает то же, что со многими людьми, и они становятся с годами всё лучше и лучше, а это куда как хорошо!

Тебе ведь случалось бывать за городом, где ютятся старые избушки с соломенными кровлями? Крыши у них поросли мхом, на коньке непременно гнездо аиста, стены покосились, окошки низенькие, и открывается всего только одно. Хлебные печи выпячивают на улицу свои толстенные брюшки, а через изгородь перевешивается бузина. Если же где случится лужица воды, по которой плавают утка или утята, там уж, глядишь, и цепная собака, что лает на всех и каждого.

Вот точь-в-точь такая-то избушка и стояла у нас за городом, а в ней жили старички — муж с женой. Как ни скромно было

их хозяйство, им всё-таки было что одолжить другим — была у них лошадь, кормившаяся травой, что росла у придорожной канавы. Муж ездил на лошадке в город, одалживал её соседям, ну, а уж известно, за услугу оплачивают услугой! Но всё-таки выгоднее было бы продать эту лошадь или променять на что-нибудь более подходящее и полезное. Только на что бы такое?

— Ну, уж тебе это лучше знать, муженёк! — сказала жена. — Теперь как раз ярмарка в городе, поезжай туда да и продай лошадку или променяй с выгодой. Уж что ты сделаешь, то всегда ладно. Поезжай с богом!

И она повязала ему на шею платок — это-то она всё-таки умела делать лучше мужа, — завязала его двойным узлом; очень шикарно вышло! Потом она пригладила шляпу старика ладонью и поцеловала его прямо в губы. И вот он поехал на лошади, которую надо было или продать, или променять в городе. Уж он-то знал своё дело!

Солнце так и пекло, на небе не было ни облачка! Пыль на дороге стояла столбом, столько ехало и шло народу — кто в тележке, кто верхом, а кто и просто пешком. Жара была страшная: солнцепёк и ни малейшей тени по всей дороге.

Шёл тут и какой-то человек с коровой; вот уж была корова так корова! Чудесная! «Верно, и молоко даёт чудесное! — подумал наш крестьянин. — То-то была бы мена, если бы сменять на неё лошады!»

— Эй ты там, с коровой! — крикнул он. — Поговорим-ка! Видишь мою лошадь? Я думаю, она стоит подороже твоей коровы! Но так и быть: мне корова сподручнее. Поменяемся?

— Ладно! — ответил тот, и они поменялись.

Дело было слажено, и крестьянин мог повернуть восвояси — он ведь сделал, что было нужно; но раз уж он вздумал побывать на ярмарке, так и надо было, хотя бы для того только, чтоб поглядеть на неё. Вот он и пошёл с коровой дальше. Шагал он быстро, корова не отставала, и они скоро нагнали человека, который вёл овцу. Овца была добрая, в теле, с густой шерстью.

«Вот такую я бы не прочь! — подумал крестьянин. — Этой бы хватило травы на нашем краю канавы, а зимою её можно держать в избе. И то сказать, нам сподручнее держать овцу, чем корову. Поменяться разве?»

Владелец овцы охотно согласился, мена состоялась, и крестьянин зашагал по дороге с овцой. Вдруг у придорожного плетня он увидел человека с большим гусем под мышкой.

— Ишь, гусище-то у тебя какой! — сказал крестьянин. — У него и жира и пера вдоволь. А ведь любо было бы поглядеть, стой он на привязи у нашей канавки! И старухе моей было бы для кого собирать объедки да обрезки овощей! Она часто говорит: «Ах, кабы у нас был гусь!» Ну вот, теперь есть случай добыть его... и она его получит! Хочешь меняться? Я дам тебе за гуся овцу да спасибо в придачу!

Тот не отказался, и они поменялись; крестьянин получил гуся. Наконец он дошёл до городской заставы; тут была толкотня, люди и животные так и кишели по всей дороге вдоль канавы, вплоть до картофельного поля сторожа. В поле бродила курица сторожа, но её привязали к изгороди верёвочкой, чтобы она не испугалась народа и не отбилась от дома. Она была короткохвостая, подмигивала одним глазом и вообще на вид была курица хоть куда. «Кок, кок!» — бормотала она. Что хотела она этим сказать, я не знаю, но крестьянин, слушая её, думал: «Лучше этой курицы я и не видывал. Она красивее наседки священника; её бы я взял! Курица везде сыщет себе зёрнышко, почитай что сама себя прокормит! Право, хорошо было бы сменять на неё гуся».

— Хочешь меняться? — спросил он у сторожа.

— Меняться? Отчего ж! — ответил тот.

И они поменялись. Сторож взял себе гуся, а крестьянин — курицу.

Немало-таки дел сделал он на пути в город, а жара стояла ужасная, и он сильно умаялся. Не худо было бы теперь и перекусить да выпить! А постоялый двор тут как тут. К нему он и направился. Оттуда же выходил в эту минуту работник с большим, туго набитым мешком, и они встретились в дверях.

— Чего у тебя там? — спросил крестьянин.

— Гнилые яблоки! — ответил работник. — Несу полный мешок свиньям.

— Таковую-то уйму?! Вот бы поглядела моя старуха! У нас в прошлом году уродилось на старой яблоне всего одно яблочко, так мы берегли в сундуке, пока оно не сгнило. «Всё же это показывает достаток в доме», — говорила старуха. Вот бы посмотрела она на такой достаток! Да, надо будет порадовать её!

— А что вы дадите за мешок? — спросил парень.

— Что дам? Да вот курицу! — И он отдал курицу, взял мешок с яблоками, вошёл в горницу — и прямо к прилавку, а мешок свой прислонил к печке.

Она топилась, но он и не подумал о том. В горнице было пропасть гостей: барышники, торговцы волами и два англичанина. Эти были такие богатые, что карманы у них чуть не лопались от золота, и большие охотники до пари. Теперь слушайте!

Зу-ссс! Зу-ссс!.. Что это за звуки раздались у печки? А это яблоки начали печься.

— Что это такое? — спросили гости и сейчас же узнали всю историю о мене лошади на корову, коровы на овцу и так далее — до мешка с гнилыми яблоками.

— Ну и попадёт тебе от старухи, когда вернёшься! — сказали они. — То-то гвалт поднимется!

— Поцелует она меня, вот и всё! — сказал крестьянин. — Старуха моя скажет: «Уж что муженёк сделает, то и ладно!»

— А вот посмотрим! — сказали англичане. — Бочку золота на пари! В мере сто фунтов!

— И полной мерки золота довольно! — сказал крестьянин. — А я могу поставить только полную мерку яблок да нас со старухой в придачу! Так мерка-то выйдет уж с верхом!

— Ну-ну! — сказали те и ударили по рукам.

Подъехала тележка хозяина, англичане влезли, крестьянин тоже, взвалили и яблоки — и марш к избушке крестьянина.

— Здравствуй, старуха!

— Здравствуй, муженёк!

— Ну, я променял!

— Да ведь ты уж знаешь своё дело! — сказала жена, обняла его и забыла и о мешке и об англичанах.

— Я променял лошадь на корову!

— Слава богу, с молоком будем! — сказала жена. — Будем кушать и масло и сыр. Вот это так мена!

— Так-то так, да я корову-то сменял на овцу!

— Да оно и лучше! — ответила жена. — Ты обо всём подумаешь! У нас и травы-то как раз на овцу! Теперь у нас будут овечье молоко и сыр, да ещё шерстяные чулки и даже фуфайки. А корова-то этого не даст! Она линяет. Вот какой ты, право, умный!

— Я и овцу променял — на гуся!

— Как, неужели у нас в этом году будет к мартинову дню жареный гусь, муженёк?! Всё-то ты думаешь, чем бы порадовать меня! Как ты это славно придумал! Гуся можно будет держать на привязи, чтобы он ещё больше разжирел к мартинову дню.

— Я и гуся променял — на курицу! — сказал муж.

— На курицу! Вот это мена! Курица нанесёт яиц, высидит цыплят, у нас заведётся целый птичник! Вот чего мне давно хотелось!

— А курицу-то я променял на мешок гнилых яблок!

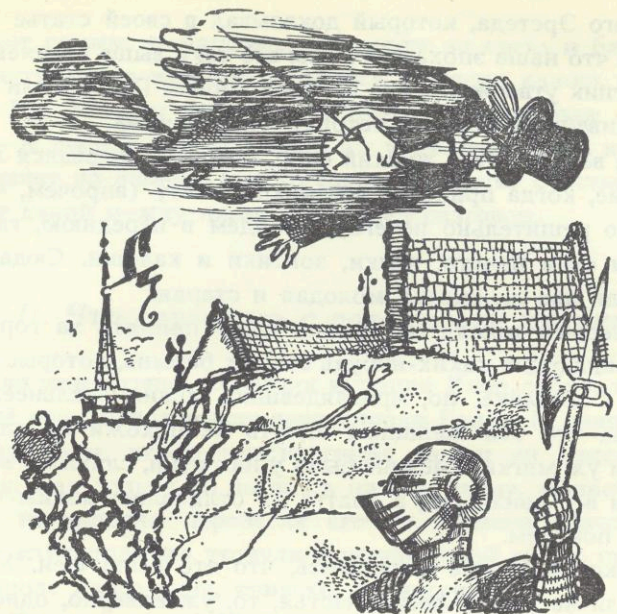
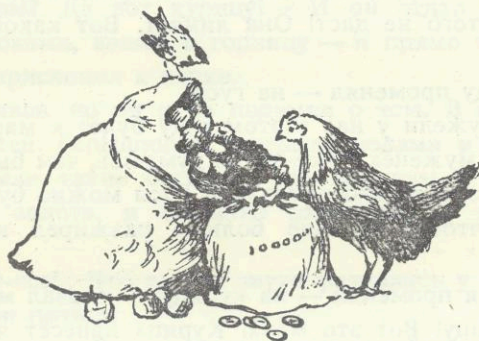
— Ну, так дай же мне расцеловать тебя! — сказала жена. — Спасибо тебе, муженёк! Вот ты послушай, что я расскажу тебе. Ты уехал, а я и подумала: «Дай-ка приготовлю ему к вечеру что-нибудь повкуснее — яичницу с луком!» Яйца-то у меня были, а луку не было. Я и пойди к жене школьного учителя. Я знаю, что у них есть лук, но она ведь скупая-пре-скупая! Я попросила её одолжить мне луку, а она: «Одолжить! Ничего у нас в саду не растёт, даже гнилого яблока не отыщешь!» Ну, а я теперь могу одолжить ей хоть десяток, хоть целый мешок! То-то смех, муженёк! — И она опять поцеловала его прямо в губы.

— Вот это нам нравится! — вскричали англичане. — Всё хуже да хуже, и всё нипочем! За это и деньги отдать не жаль!

И они отсыпали крестьянину за то, что ему достались поцелуи, а не трёпка, целую мерку золотых.

Да, уж если жена считает мужа умнее всех на свете и всё, что он ни делает, находит хорошим, это без награды не остаётся!

Так вот какая история! Я слышал её в детстве, а теперь рассказал её тебе, и ты теперь знаешь, что «уж что мужёнок сделает, то и ладно».

КАЛОШИ СЧАСТЬЯ

1. Начало

Дело было в Копенгагене, на Восточной улице, недалеко от Новой королевской площади. В одном доме собралось большое общество — иногда ведь всё-таки приходится принимать гостей, зато, глядишь, и сам дождёшься когда-нибудь приглашения.

Гости разбились на две большие группы: одна немедленно засела играть в карты, другая образовала кружок вокруг хозяйки, которая предложила «придумать что-нибудь поинтереснее», и беседа потекла сама собой.

Между прочим, речь зашла про средние века, и многие находили, что в те времена жилось гораздо лучше, чем теперь. Да, да! Советник юстиции Кнап отстаивал это мнение так рьяно, что хозяйка тут же с ним согласилась, и они вдвоём накинлись

на бедного Эрстеда, который доказывал в своей статье в «Альманахе», что наша эпоха кое в чём всё-таки выше средневековья. Но советник утверждал, что времена короля Ганса были лучшей и счастливейшей порой в истории человечества.

Пока ведётся этот жаркий спор, который прервался лишь на мгновение, когда принесли вечернюю газету (впрочем, читать в ней было решительно нечего), пройдем в переднюю, где гости оставили свои пальто, палки, зонтики и калоши. Сюда только что вошли две женщины: молодая и старая.

На первый взгляд их можно было принять за горничных, сопровождающих каких-нибудь старых барынь, которые пришли в гости к хозяйке, но, приглядевшись повнимательнее, вы бы заметили, что эти женщины ничуть не похожи на служанок: слишком уж мягки и нежны были у них руки, слишком величавы осанка и все движения, а платье их отличалось каким-то особо смелым покроем.

Вы, конечно, уже догадались, что это были феи. Младшая была если не самой феей Счастья, то, уж наверно, одной из её верных помощниц и занималась тем, что приносила людям разные мелкие дары счастья. Старшая казалась гораздо более серьёзной — она была феей Печали и всегда управлялась со своими делами сама, не перепоручая их никому: тогда по крайней мере она знала, что всё будет сделано, как она хотела.

Стоя в передней, они рассказывали друг другу о том, где побывали за день. Помощница феи Счастья сегодня выполнила всего лишь несколько маловажных поручений: спасла от ливня чью-то новую шляпу, передала одному почтенному человеку поклон от высокопоставленного ничтожества, и всё в том же духе. Но зато в запасе у неё осталось нечто совершенно необыкновенное.

— Нужно тебе сказать, — закончила она, — что у меня сегодня день рождения, и в честь этого события мне дали пару калош, с тем чтобы я отнесла их людям. Эти калоши обладают одним замечательным свойством: того, кто их наденет, они могут мгновенно перенести в любое место и любую эпоху — стоит ему только пожелать, — и от этого он почувствует себя совершенно счастливым.

— Ты так думаешь? — отозвалась фея Печали. — Знай же:

он будет самым несчастным человеком на свете и благословит ту минуту, когда наконец избавится от твоих калош.

— Ну, это мы ещё посмотрим! — проговорила фея Счастья. — А пока что я поставлю их у дверей. Авошь кто-нибудь их наденет по ошибке вместо своих и обретёт счастье.

Вот какой между ними произошёл разговор.

II. Что случилось с советником юстиции

Было уже поздно. Советник юстиции Кнап собирался домой, всё ещё размышляя о временах короля Ганса. И надо же было так случиться, чтобы вместо своих калош он надел калоши счастья. Как только он вышел в них на улицу, волшебная сила калош немедленно перенесла его во времена короля Ганса, и ноги его тотчас же утонули в непролазной грязи, потому что при короле Гансе улиц, конечно, не мостили.

— Ну и грязь! Просто ужас что такое! — пробормотал советник. — И к тому же ни один фонарь не горит.

Луна ещё не взошла, стоял густой туман, и всё вокруг тонуло во мраке. На углу перед изображением мадонны висела лампада, но она чуть теплилась, так что советник заметил картину, лишь поравнявшись с нею, и только тогда разглядел божью мать с младенцем на руках.

«Здесь, наверно, была мастерская художника, — решил он, — а вывеску позабыли убрать».

Тут мимо него прошло несколько человек в средневековых костюмах.

«Чего это они так вырядились? — подумал советник. — Должно быть, с маскарада идут».

Но внезапно послышался барабанный бой и свист дудок, замелькали факелы, и взорам советника представилось удивительное зрелище! Навстречу ему по улице двигалась странная процессия: впереди шли барабанщики, искусно выбивая дробь палочками, а за ними стражники с луками и арбалетами. По-видимому, то была свита, сопровождавшая какое-то важное лицо. Изумлённый советник спросил, что это за шествие и кто этот сановник.

— Епископ Зеландский! — слышалось в ответ.

— Господи помилуй! Что ещё такое приключилось с епископом? — вздохнул советник Кнап, грустно покачивая головой.

Размышляя обо всех этих чудесах и не глядя по сторонам, советник медленно шёл по Восточной улице, пока наконец не добрался до площади Высокого Моста. Однако моста, ведущего к Дворцовой площади, на месте не оказалось, — бедный советник едва разглядел в кромешной тьме какую-то речонку и в конце концов заметил лодку, в которой сидели двое парней.

— Прикажете переправить вас на остров? — спросили они.

— На остров? — переспросил советник, не зная ещё, что он теперь живёт во времена средневековья. — Мне нужно попасть в Христианову гавань, на Малую торговую улицу.

Парни вытаращили на него глаза.

— Скажите мне хотя бы, где мост? — продолжал советник. — Ну что за безобразие! Фонари не горят, а грязь такая, что кажется, будто по болоту бродишь!

Но чем больше он говорил с перевозчиками, тем меньше понимал их.

— Не понимаю я вашей тарабарщины! — рассердился, наконец, советник и повернулся к ним спиной.

Моста он всё-таки не нашёл; каменный парапет набережной тоже исчез. «Что делать! Вот безобразие!» — думал он. Да, никогда ещё действительность не казалась ему такой жалкой и мерзкой, как в этот вечер. «Нет, лучше взять извозчика, — решил он. — Но, господи, куда же они все запропастились? Как назло, ни одного! Вернись-ка я на Новую королевскую площадь — там, наверное, стоят экипажи, а то мне вовек не добраться до Христиановой гавани!»

Он снова вернулся на Восточную улицу и успел уже пройти её почти всю, когда взошла луна.

«Господи, что это здесь понастроили?» — изумился советник, увидев перед собой Восточные городские ворота, которые в те далёкие времена стояли в конце Восточной улицы.

Наконец он отыскал калитку и вышел на теперешнюю Новую королевскую площадь, которая в старину была просто большим лугом. На лугу там и сям торчали кусты, его пересекал не то широкий канал, не то река. На противоположном берегу рас-

положились жалкие лавчонки халландских шкиперов, отчего место это называлось Халландской высотой.

— Боже мой! Или это мираж, Фата-Моргана, или я... Господи... пьян? — застонал советник юстиции. — Что же это такое? Что же это такое?

И советник опять повернул назад, подумав, что заболел. Шагая по улице, он теперь внимательнее приглядывался к домам и заметил, что все они старинной постройки и многие крыты соломой.

— Да, конечно, я заболел, — вздыхал он, — а ведь всего-то стаканчик пунша выпил, но мне и это повредило. И надо же додуматься — угощать гостей пуншем и горячей лососиной. Нет, я непременно поговорю об этом с госпожой советницей. Вернуться разве к ней и рассказать, какая со мной приключилась беда? Неудобно, пожалуй. Да они там все, наверное, уж давно спать улеглись.

Он стал искать дом одних своих знакомых, но его тоже не оказалось на месте.

Нет, это просто наваждение какое-то! Не узнаю Восточной улицы. Ни одного магазина! Всё только старые, жалкие лачуги — можно подумать, что я попал в Роскилле или Рингстед. Да, плохо моё дело! Ну что уж тут стесняться, вернись к советнице! Но, чёрт возьми, как мне найти её дом? Я больше не узнаю его. Ага, здесь, кажется еще не спят!.. Ах, я совсем расхворался, совсем расхворался...

Он наткнулся на полуоткрытую дверь, из-за которой лился свет. Это был один из тех старинных трактиров, которые ходили на теперешние наши пивные. Общая комната напоминала голштинскую харчевню. В ней сидело несколько завсегдаев — шкипера, копенгагенские бюргеры и ещё какие-то люди, с виду учёные. Попивая пиво из кружек, они вели какой-то жаркий спор и не обратили ни малейшего внимания на нового посетителя.

— Простите, — сказал советник подошедшей к нему хозяйке, — мне вдруг стало дурно. Вы не достанете мне извозчика? Я живу в Христиановой гавани.

Хозяйка посмотрела на него и грустно покачала головой, потом что-то сказала по-немецки. Советник подумал, что она

плохо понимает по-датски, и повторил свою просьбу на немецком языке. Хозяйка уже заметила, что посетитель одет как-то странно, а теперь, услышав немецкую речь, окончательно убедилась в том, что перед ней иностранец. Решив, что он плохо себя чувствует, она принесла ему кружку солоноватой колодезной воды. Советник опёрся головой на руку, глубоко вздохнул и задумался: куда же всё-таки он попал?

— Это вечерний «День»? — спросил он, просто чтобы сказать что-нибудь, увидев, как хозяйка убирает большой лист бумаги.

Она его не поняла, но всё-таки протянула ему лист: это была старинная гравюра, изображавшая странное свечение неба, которое однажды наблюдали в Кёльне.

— Антикварная картина! — сказал советник, увидев гравюру, и сразу оживился: — Где вы достали эту редкость? Очень, очень интересно, хотя и сплошная выдумка. На самом деле это было просто северное сияние, как объясняют теперь учёные; и, вероятно, подобные явления вызываются электричеством.

Те, что сидели близко и слышали его слова, посмотрели на него с уважением; один человек даже встал, почтительно снял шляпу и сказал с самым серьёзным видом:

— Вы, очевидно, крупный учёный, мосье?

— О нет, — ответил советник, просто я могу поговорить о том о сём, как и всякий другой.

— Скромность — прекраснейшая добродетель, — изрёк его собеседник. — Впрочем, о сути вашего высказывания я другого мнения, хотя и воздержусь пока делиться моим собственным суждением.

— Осмелюсь спросить, с кем имею удовольствие беседовать? — осведомился советник.

— Я бакалавр¹ богословия, — ответил тот.

Эти слова всё объяснили советнику — незнакомец был одет в соответствии со своим учёным званием. «Должно быть, это какой-то старый сельский учитель, — подумал он, — человек не от мира сего, каких ещё можно встретить в отдалённых уголках Ютландии».

— Здесь, конечно, не место для учёных бесед, — говорил

¹ Бакалавр — низшая учёная степень в старинных университетах.

богослов, — но я всё-таки очень прошу вас продолжать свою речь. Вы, конечно, весьма начитаны в древней литературе?

— О да! Вы правы, я частенько-таки почитаваю древних авторов, то есть все их хорошие произведения; но очень люблю и новейшую литературу, только не «Обыкновенные истории»; их хватает и в жизни.

— Обыкновенные истории? — переспросил богослов.

— Да, я говорю об этих новых романах, которых столько теперь выходит.

— О, они очень остроумны и пользуются успехом при дворе, — улыбнулся бакалавр. — Король особенно любит романы об Ифвенте и Гаудиане, в которых рассказывается о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, и даже изволил шутить по этому поводу со своими приближёнными¹.

— Этих романов я ещё не читал, — сказал советник юстиции. — Должно быть, это Хейберг что-нибудь новое выпустил?

— Нет, что вы, не Хейберг, а Готфред фон Гемен, — ответил бакалавр.

— Так вот кто автор! — воскликнул советник. — Какое древнее имя! Ведь это наш первый датский книгопечатник, не так ли?

— Да, он наш первопечатник! — подтвердил богослов.

Таким образом, пока что всё шло прекрасно. Когда один из горожан заговорил о чуме, свирепствовавшей в Дании несколько лет назад, а именно в 1484 году, советник подумал, что речь идёт о недавней эпидемии холеры, и разговор благополучно продолжался. А после как было не вспомнить окончившуюся совсем недавно пиратскую войну 1490 года, когда английские каперы захватили стоящие на рейде датские корабли. Тут советник, вспомнив о событиях 1801 года, охотно присоединил свой голос к общим нападкам на англичан. Но дальше разговор что-то перестал клеиться и всё чаще прерывался гробовой тишиной.

¹ Знаменитый датский писатель Хольберг рассказывает о своей «Истории Датского государства», что, прочитав роман о рыцарях Круглого стола, король Ганс однажды сказал в шутку своему приближённому Отто Руду, которого очень любил: «Эти господа Ифвент и Гаудиан, о которых говорится в этой книге, были замечательные рыцари. Таких теперь больше не встретишь». На что Отто Руд ответил: «Если бы теперь встречались такие короли, как король Артур, то, наверное, нашлось бы немало таких рыцарей, как Ифвент и Гаудиан». (Примеч. Андерсена.)

Добрый бакалавр был очень уж невежественный: самые простые суждения советника казались ему чем-то необычайно смелым и фантастичным. Собеседники смотрели друг на друга со всё возрастающим недоумением, и, когда наконец окончательно перестали понимать один другого, бакалавр, пытаясь поправить дело, заговорил по-латыни, но это мало помогло.

— Ну, как вы себя чувствуете? — спросила хозяйка, потянув советника за рукав.

Тут он опомнился и в изумлении воззрился на своих собеседников, потому что за разговором совсем забыл, что с ним происходит.

«Господи, где я?» — подумал он, и при одной мысли об этом у него закружилась голова.

— Давайте пить кларет, мёд и бременское пиво! — закричал один из гостей. — И вы с нами!

Вошли две девушки, одна из них была в двухцветном чепчике, они подливали гостям вино и низко приседали. У советника даже мурашки забегали по спине.

— Что же это такое? Что это такое? — шептал он, но вынужден был пить вместе со всеми.

Собутельники так на него надели, что бедный советник пришёл в совершеннейшее смятение, и когда кто-то сказал, что он, должно быть, пьян, ничуть в этом не усомнился и только попросил, чтобы ему наняли извозчика. Но все подумали, что он говорит по-московитски. В жизни советник не попадал в такую грубую и неотёсанную компанию.

«Можно подумать, — говорил он себе, — что мы вернулись ко временам язычества. Нет, это ужаснейшая минута в моей жизни!»

Тут ему пришло в голову: а что, если залезть под стол, подползти к двери и улизнуть? Но когда он был уже почти у цели, гуляки заметили, куда он ползёт, и схватили его за ноги. К счастью, при этом у него с ног свалились калоши, а с ними рассеялось и волшебство.

При ярком свете фонаря советник отчётливо увидел большой дом и все соседние, узнал и Восточную улицу. Сам он лежал на тротуаре, упираясь ногами в чьи-то ворота, а рядом сидел ночной сторож, спавший крепким сном.

— Господи! Значит, я заснул прямо на улице! — сказал советник. — А вот и Восточная улица... Как здесь светло и красиво! Кто бы мог подумать, что один стакан пунша так подействует на меня.

Спустя две минуты советник уже ехал на извозчике в Христианову гавань. Всю дорогу он вспоминал пережитые им ужасы и от всего сердца благословлял счастливую действительность и свой век, который, несмотря на все его пороки и недостатки, всё-таки был лучше средневековья, в котором ему только что довелось побывать. И надо сказать, что на этот раз советник юстиции мыслил вполне разумно.

III. Приключения ночного сторожа

— Гм, кто-то оставил здесь свои калоши! — сказал сторож. — Это, наверно, лейтенант, что живёт наверху. Вот ведь какой, бросил их у самых ворот!

Честный сторож, конечно, хотел было немедленно позвонить и отдать калоши их законному владельцу, тем более что у лейтенанта ещё горел свет, но побоялся разбудить соседей.

— Ну и тепло, должно быть, ходить в таких калошах! — сказал сторож. — А кожа до чего мягкая!

Калоши пришлись ему как раз впору.

— И ведь как странно устроен мир! — продолжал он. — Взять хотя бы этого лейтенанта: мог бы сейчас преспокойно спать в тёплой постели, так нет же, всю ночь шагает взад и вперёд по комнате. Вот кому счастье! Нет у него ни жены, ни детей, ни тревог, ни забот; каждый вечер по гостям разъезжает. Хорошо бы мне поменяться с ним местами: я бы тогда стал самым счастливым человеком на земле!

Не успел он это подумать, как волшебной силой калош мгновенно перевоплотился в того офицера, что жил наверху. Теперь он стоял посреди комнаты, держа в руках листок розовой бумаги со стихами, которые написал сам лейтенант.

БУДЬ Я БОГАТ

«Будь я богат, — мальчишкой я мечтал, —
Я непременно б офицером стал,

Носил бы форму, саблю и плюмаж!
Но оказалось, что мечты — мираж.
Шли годы — эполеты я надел,
Но, к сожаленью, бедность — мой удел.

Весёлым мальчиком, в вечерний час,
Когда, ты помнишь, я бывал у вас,
Тебя я детской сказкой забавлял,
Что составляло весь мой капитал.
Ты удивлялась, милое дитя,
И целовала губы мне шутя.

Будь я богат, я б и сейчас мечтал
О той, что безвозвратно потерял...
Она теперь красива и умна,
Но до сих пор сума моя бедна,
А сказки не заменят капитал,
Которого всевышний мне не дал.
Будь я богат, я б горечи не знал
И на бумаге скорбь не изливал,
Но в эти строки душу я вложил
И посвятил их той, которую любил.
В стихи мои вложил я пыл любви!
Бедняк я, бог тебя благослови!

Да, влюблённые вечно пишут подобные стихи, но люди благоразумные их всё-таки не печатают. Чин лейтенанта, любовь и бедность — вот злополучный треугольник или, вернее, треугольная половина игральной кости, брошенной на счастье и расколовшейся. Так думал и лейтенант, опустив голову на подоконник и тяжело вздыхая:

«Бедняк сторож и тот счастливей, чем я. Он не знает моих мучений. У него есть домашний очаг, а жена и дети делят с ним и радость и горе. Ах, как бы мне хотелось быть на его месте, ведь он гораздо счастливей меня!»

И в тот же миг ночной сторож снова стал ночным сторожем: ведь офицером он сделался лишь благодаря калошам, но, как мы видели, не стал от этого счастливее и захотел вернуться в своё прежнее состояние. И очень вовремя!

«Какой скверный сон мне приснился,— подумал он.— А впрочем, довольно забавный. Надо же, я стал тем самым лейтенантом, который живёт у нас наверху. И до чего же скучно

он живёт! Как мне не хватало жены и ребятишек: кто-кто, а они всегда готовы зацеловать меня до смерти».

Ночной сторож сидел на прежнем месте и кивал в такт своим мыслям. Сон никак не выходил у него из головы, а на ногах всё ещё были надеты калоши счастья. По небу покати́лась звезда.

«Ишь как покати́лась,— сказал себе сторож.— Ну ничего, их там ещё много осталось. А хорошо бы увидеть поближе все эти небесные штуковины. Особенно луну...»

Он так размечтался, что палка со звездой на конце — у нас её прозвали «утренней звездой» — выпала у него из рук, а глаза устались на луну, но вот они закрылись, веки слиплись, и сторож начал клевать носом.

— Эй, сторож, который час? — спросил какой-то прохожий. Не дождавшись ответа, он слегка щёлкнул спящего по носу. Тело сторожа потеряло равновесие и во всю длину растянулось на тротуаре.

Решив, что сторож умер, прохожий пришёл в ужас и поспешил сообщить об этом куда следует. Сторожа отвезли в больницу, и там с него первым долгом, конечно, сняли калоши.

А как только сняли калоши, волшебство рассеялось, и сторож немедленно ожил. Потом он уверял, что это была самая бредовая ночь в его жизни. Он даже за две марки не согласился бы вновь пережить все эти ужасы. Впрочем, теперь всё это позади.

Сторожа выписали в тот же день, а калоши остались в больнице.

IV. Приключения молодого медика

Каждый житель Копенгагена много раз видел главный вход в главную городскую больницу, но так как эту историю, возможно, будут читать не только копенгагенцы, нам придётся дать кое-какие разъяснения.

Дело в том, что больницу отделяет от улицы довольно высокая решётка из толстых железных прутьев. Прутья эти расставлены так редко, что многие практиканты, если только они

худощавы, ухитряются протиснуться между ними, когда в неурочный час хотят выбраться в город. Трудней всего им просунуть голову, так что и в этом случае, как, впрочем, нередко бывает в жизни, большеголовым приходилось труднее всего... Ну, для вступления об этом хватит.

В тот вечер в больнице как раз дежурил один молодой медик, о котором хоть и можно было сказать, что «голова у него большая», но... лишь в самом прямом смысле слова. Шёл проливной дождь; однако, невзирая на непогоду и дежурство, медик всё-таки решил сбежать в город по каким-то неотложным делам, — хотя бы на четверть часика. «Незачем, — думал он, — связываться с привратником, если можно легко пролезть сквозь решётку».

В вестибюле всё ещё валялись калоши, забытые сторожем. В такой ливень они были очень кстати, и медик надел их, не догадываясь, что это калоши счастья. Теперь осталось только протиснуться между железными прутьями, чего ему ещё ни разу не приходилось делать.

— Господи, только бы просунуть голову, — промолвил он.

И в тот же миг голова его, хотя и очень большая, благополучно проскочила между прутьями, — не без помощи калош, разумеется. Теперь дело было за туловищем, но ему никак не удавалось пролезть.

— Ух, какой я толстый! — сказал студент. — А я-то думал, что голову просунуть всего труднее будет. Нет, не пролезть мне!

Он хотел было сразу же втянуть голову обратно, но не тут-то было: она застряла безнадежно, он мог лишь крутить ею сколько угодно и без всякого толка. Сначала медик просто рассердился, но вскоре настроение его испортилось вконец; калоши поставили его прямо-таки в ужасное положение.

К несчастью, он никак не догадывался, что надо просто пожелать освободиться, и сколько ни вертел головой, она не пролезала обратно.

Дождь всё лил и лил, и на улице не было ни души. До звонка к дворнику всё равно никак было не дотянуться, а сам освободиться он не мог. Он думал, что, чего доброго, придётся простоять так до утра: ведь только утром можно будет послать за кузнецом, чтобы он перепилит решётку. И вряд ли удастся

перепилить её быстро, а на шум сбегутся школьники, все окрестные жители, — да, да, сбегутся и будут глазеть на медика, который прикован к решётке, как преступник к позорному столбу! Глазеть, как в прошлом году на огромную агаву, когда она расцвела.

— Ой, кровь так и приливает к голове. Нет, я так с ума сойду! Просто сойду с ума! Ох, только бы мне освободиться!

Давно нужно было медику сказать это: в ту же минуту голова его освободилась, и он стремглав кинулся назад, совершенно обезумев от страха, в который повергли его калоши счастья.

Но если вы думаете, что этим дело и кончилось, то глубоко ошибаетесь. Почувствовав себя худо, наш медик решил, что простудился там, у больничной ограды, и решил немедленно взяться за лечение. «Говорят, в таких случаях всего полезнее русская баня, — вспомнил он. — Ах, если бы я уже лежал на полке».

И само собой, он тут же очутился в бане на самом верхнем полке. Но лежал он там совсем одетый, в сапогах и калошах, а с потолка на лицо ему капала горячая вода.

— Ой! — закричал медик и побежал скорее принять душ.

Банщик тоже закричал: он испугался, увидев в бане одетого человека. К счастью, медик, не растерявшись, шепнул ему:

— Не бойся, это я на пари.

Вернувшись домой, медик первым делом поставил себе один большой пластырь из шпанских мушек на шею, а другой на спину, чтобы вытянуть дурь из головы.

Наутро вся спина у него набухла кровью — вот и всё, чем его благодетельствовали калоши счастья. Этого умника с большой головой — с «большой», да только в самом прямом смысле слова.

V. Превращение незадачливого писаря

Между тем наш знакомый сторож вспомнил про калоши, которые нашёл на улице, а потом оставил в больнице, и забрал их оттуда. Но ни лейтенант, ни соседи не признали этих калош своими, и сторож отнёс их в полицию.

— Да они как две капли воды похожи на мои! — сказал один из полицейских писарей, поставив находку рядом со своими калошами и внимательно её рассматривая. — Тут и опытный глаз сапожника не отличил бы одну пару от другой.

— Господин писарь... — обратился к нему полицейский, вошедший с какими-то бумагами.

Писарь поговорил с ним, а когда опять взглянул на обе пары калош, то уж и сам перестал понимать, которая из них его пара — та, что стоит справа, или та, что слева.

«Мои, должно быть, вот эти, мокрые», — подумал он и ошибся: это были как раз калоши счастья.

Что ж, полиция тоже иногда ошибается.

Писарь надел калоши и, сунув одни бумаги в карман, а другие — под мышку (ему нужно было кое-что перечитать и переписать дома), вышел на улицу. День был воскресный, стояла чудесная погода, и полицейский писарь подумал, что неплохо было бы прогуляться по Фредериксбергу.

Молодой человек отличался редким прилежанием и усидчивостью, так что пожелаем ему приятной прогулки после многих часов работы в душной канцелярии.

Сначала он шёл, ни о чём не думая, и калошам поэтому всё не представлялось удобным случаем проявить свою чудодейственную силу.

Но вот он повстречал в одной аллее своего знакомого, молодого поэта, и тот сказал, что завтра отправляется путешествовать на всё лето.

— Эх, вот вы опять уезжаете, а мы остаёмся, — сказал писарь. — Счастливые вы люди, летаете себе где хотите и куда хотите, а у нас цепи на ногах.

— До, но ими вы прикованы к хлебному дереву, — возразил поэт. — Вам нет нужды заботиться о завтрашнем дне, а когда вы состаритесь, получите пенсию.

— Так-то так, но вам всё-таки живётся гораздо привольнее, — сказал писарь. — Писать стихи — что может быть лучше! Публика носит вас на руках, и вы сами себе господа. А вот попробовали бы вы посидеть в суде, как мы сидим, да поговорить с этими скучнейшими делами!

Поэт покачал головой, писарь тоже покачал головой, и они

разошлись в разные стороны, оставшись каждый при своём мнении.

«Удивительный народ эти поэты, — думал молодой чиновник. — Хотелось бы поближе познакомиться с такими натурами, как он, и самому стать поэтом. Будь я на их месте, я бы в своих стихах не стал хныкать. Ах, какой сегодня чудесный весенний день, сколько в нём красоты, свежести, поэзии! Какой необыкновенно прозрачный воздух! Какие причудливые облака! А трава и листья так сладостно благоухают! Никогда я так остро не ощущал этого, как сейчас».

Вы, конечно, заметили, что он уже стал поэтом. Но внешне совсем не изменился, — нелепо думать, что поэт не такой же человек, как все прочие. Среди простых людей часто встречаются натуры гораздо более поэтические, чем многие прославленные поэты. Только у поэтов гораздо лучше развита память, и все идеи, образы, впечатления хранятся в ней до тех пор, пока не найдут своего поэтического выражения на бумаге. Когда у простого человека проявляется его поэтически одарённая натура, происходит своего рода превращение, — и такое именно превращение произошло с писарем.

«Какое восхитительное благоухание! — думал он. — Оно напоминает мне фиалки у тётушки Лоны. Я был тогда ещё совсем маленьким. Господи, и как это я ни разу не вспомнил о ней раньше! Добрая старая тётушка! Она жила как раз за Биржей. Всегда, даже в самую лютую стужу, на окнах у неё зеленели в банках какие-нибудь веточки или росточки, фиалки наполняли комнату ароматом; а я прикладывал нагретые медяки к обледенелым стёклам, чтобы можно было смотреть на улицу. Какой вид открывался из этих окон! На канале стояли вмёрзшие в лёд корабли, огромные стаи ворон составляли весь их экипаж. Но с наступлением весны суда преображались. С песнями и криками «ура» матросы обкалывали лёд; корабли смолили, оснащали всем, что нужно, и они наконец уплывали в заморские страны. Они-то уплывают, а я вот остаюсь здесь; и так будет всегда; всегда я буду сидеть в полицейской канцелярии и смотреть, как другие получают заграничные паспорта. Да, таков мой удел!» И он глубоко-глубоко вздохнул, но потом вдруг опомнился: «Что это такое со мной делается сегодня? Раньше мне ничего подобно-

го и в голову не приходило. Верно, это весенний воздух так на меня действует. А сердце сжимается от какого-то сладостного волнения».

Он полез в карман за своими бумагами. «Возьмусь за них, буду думать о чём-нибудь другом»,— решил он и пробежал глазами первый попавшийся под руку лист бумаги.

— «Фру Зигбрит, оригинальная трагедия в пяти действиях»,— прочитал он.— Что такое? Странно, почерк мой! Неужели это я написал трагедию? А это ещё что? «Интрига на балу, или Большой праздник, водевиль». Но откуда всё это у меня? Наверное, кто-нибудь подсунул. Да тут ещё письмо...

Письмо прислала дирекция одного театра; она не очень вежливо извещала автора, что обе его пьесы никуда не годятся.

— Гм,— произнёс писарь, усаживаясь на скамейку.

В голову его вдруг хлынуло множество мыслей, а сердце исполнилось неизъяснимой нежности... к чему — он и сам не знал. Машинально он сорвал цветок и залюбовался им. Это была простая маленькая маргаритка, но она в течение одной минуты сообщила ему о себе больше, чем можно узнать, выслушав несколько лекций по ботанике. Она рассказала ему предание о своём рождении, рассказала о том, как могуч солнечный свет,— ведь это благодаря ему распустились и заблагоухали её нежные лепестки. А поэт в это время думал о суровой жизненной борьбе, пробуждающей в человеке неведомые ему силы и чувства. Воздух и свет — возлюбленные маргаритки, но свет — её главный покровитель, перед ним она благоговеет; а когда он уходит вечером, она засыпает в объятиях воздуха.

— Свет одарил меня красотой! — сказала маргаритка.

— А воздух даёт тебе жизнь! — шепнул ей поэт.

Неподалёку стоял мальчуган и хлопал палкой по воде в грязной канаве — брызги разлетались в разные стороны. И писарь задумался вдруг о тех миллионах живых, невидимых простым глазом существ, которые взлетают вместе с водяными каплями на огромную, по сравнению с их собственными размерами, высоту,— вот как если бы мы, например, очутились над облаками. Размышляя об этом, а также о своём превращении, наш писарь улыбнулся: «Я просто сплю и вижу сон. Но какой это всё-таки удивительный сон! Оказывается, можно грезить на-

яву, сознавая, что это тебе только снится. Хорошо бы вспомнить обо всём этом завтра утром, когда я проснусь. Какое странное состояние! Сейчас я всё вижу так чётко, так ясно, чувствую себя таким бодрым и сильным — и в то же время хорошо знаю, что, если утром попытаюсь что-нибудь припомнить, в голову мне ползет только чепуха. Сколько раз это бывало со мной! Все эти чудесные вещи похожи на сокровища гномов: ночью, когда их получаешь, они кажутся драгоценными камнями, а днём превращаются в кучу щебня и увядших листьев».

Вконец расстроенный, писарь грустно вздыхал, поглядывая на птичек, которые весело распевали свои песенки, перепархивая с ветки на ветку.

«И им живётся лучше, чем мне. Уметь летать — какая чудесная способность! Счастлив тот, кто ею одарён. Если бы только я мог превратиться в птичку, я бы стал вот таким маленьким жаворонком!»

И в ту же минуту рукава и фалды его сюртука превратились в крылья и обросли перьями, а вместо калош появились коготки. Он сразу заметил все эти превращения и улыбнулся. «Ну, теперь я убедился, что это сон. Но таких дурацких снов мне ещё не приходилось видеть»,— подумал он, взлетел на зелёную ветку и запел.

Однако в его пении уже не было поэзии, так как он перестал быть поэтом: калоши выполняли только одно дело зараз. Захотел писарь стать поэтом — стал, захотел превратиться в птичку — превратился, но зато утратил свои прежние свойства.

«Забавно, нечего сказать! — подумал он.— Днём я сижу в полицейской канцелярии, занимаясь важнейшими делами, а ночью мне снится, что я жаворонком летаю по Фредериксбергскому парку. Да об этом, чёрт возьми, можно написать целую народную комедию!»

И он слетел на траву, завертел головкой и принялся весело клевать гибкие травинки, казавшиеся ему теперь огромными африканскими пальмами.

Внезапно вокруг него стало темно, как ночью; ему почудилось, будто на него набросили какое-то гигантское одеяло! На самом же деле это мальчик из слободки накрыл его своей шапкой. Мальчик запустил руку под шапку и схватил писаря за

спинку и крылья. Тот сначала запищал от страха, потом вдруг возмущился:

— Ах ты негодный щенок! Как ты смеешь! Я полицейский писарь!

Но мальчишка услышал только жалобное «пи-и, пи-и-и». Он щёлкнул птичку по клюву и пошёл с нею дальше, на горку.

По дороге он встретил двух школьников; оба они были в высшем классе по своему положению в обществе и в низшем — по умственному развитию и успехам в науках. Они купили жаворонка за восемь скиллингов. Таким образом, полицейский писарь вернулся в город и оказался в одной квартире на Готской улице.

— Чёрт побери, хорошо, что это сон, — сказал писарь, — а не то я бы здорово рассердился! Сначала я стал поэтом, потом — жаворонком. И ведь это моя поэтическая натура внушила мне желание превратиться в такую малютку. Однако невесёлая это жизнь, особенно когда попадёшь в лапы к подобным сорванцам. Ох, чем всё это кончится?

Мальчики принесли его в красиво обставленную комнату, где их встретила толстая улыбающаяся женщина. Она ничуть не обрадовалась «простой полевой птичке», как она назвала жаворонка, тем не менее разрешила мальчикам оставить его и посадить в маленькую клетку на подоконнике.

— Быть может, он немного развлечёт попочку! — добавила она и с улыбкой взглянула на большого зелёного попугая, который важно покачивался на кольце в роскошной металлической клетке. — Сегодня у попочки день рождения, — сказала она, глупо улыбаясь, — и полевая птичка хочет его поздравить.

Попугай, ничего на это не ответив, всё так же важно раскачивался взад и вперёд. В это время громко запела красивая канарейка, которую сюда привезли прошлым летом из тёплой и благоухающей родной страны.

— Ишь крикунья! — сказала хозяйка и набросила на клетку белый носовой платок.

— Пи-пи! Какая ужасная метель! — вздохнула канарейка и умолкла.

Писаря, которого хозяйка назвала «полевой птичкой», посадили в маленькую клетку, рядом с клеткой канарейки и по

соседству с попугаем. Попугай мог внятно выговаривать одну фразу, нередко звучащую очень комично: «Нет, будем людьми!», а всё остальное получалось у него так же невразумительно, как щебет канарейки. Впрочем, писарь, превратившись в птичку, отлично понимал своих новых знакомых.

— Я порхала над зелёной пальмой и цветущим миндальным деревом, — пела канарейка. — Вместе с братьями и сёстрами я летала над чудесными цветами и зеркальной гладью озёр, и нам приветливо кивали отражения прибрежных кустов. Я видела стаи разноцветных попугаев, которые рассказывали множество чудеснейших историй.

— Это дикие птицы, — отозвался попугай, — не получившие никакого образования. Нет, будем людьми! Что же ты не смеёшься, глупая птица? Если этой остроте смеётся сама хозяйка и её гости, так почему бы не посмеяться и тебе? Не ценить хороших острот — это очень большой порок, должен вам сказать. Нет, будем людьми!

— А ты помнишь красивых девушек, что плясали под сенью цветущих деревьев? Помнишь сладкие плоды и прохладный сок диких растений?

— Конечно, помню, — отвечал попугай, — но здесь мне гораздо лучше! Меня прекрасно кормят и всячески убажуют. Я знаю, что я умён, и с меня довольно. Нет, будем людьми! У тебя, что называется, поэтическая натура, а я сведущ в науках и остроумен. В тебе есть гениальность, но не хватает рассудительности. Ты метишь слишком высоко, поэтому люди тебя осаживают. Со мной они так поступать не станут, потому что я обошёлся им дорого. Я внушаю уважение уже одним своим клювом, а болтовнёй своей могу кого угодно поставить на место. Нет, будем людьми!

— О моя тёплая, цветущая родина, — пела канарейка, — я буду петь о твоих тёмно-зелёных деревьях, чьи ветви целуют прозрачные воды тихих заливов, о светлой радости моих братьев и сестёр, о вечнозелёных хранителях влаги в пустыне — кактусах.

— Перестань хныкать! — проговорил попугай. — Скажи лучше что-нибудь смешное. Смех — это знак высокого духовного развития. Вот разве могут, к примеру, смеяться собака или

лошадь? Нет, они могут только хныкать, а способностью смеяться одарён лишь человек. Ха-ха-ха, будем людьми! — расхотался попочка.

— И ты, маленькая серая датская птичка,— сказала канарейка жаворонку,— ты тоже стала пленницей. В твоих лесах, наверное, холодно, но зато в них ты свободна. Лети же отсюда! Смотри, они забыли запереть твою клетку! Форточка открыта, лети же — скорей, скорей!

Писарь так и сделал, вылетел из клетки и уселся возле неё. В этот миг дверь в соседнюю комнату открылась, и на пороге появилась кошка, гибкая, страшная, с зелёными горящими глазами. Кошка уже совсем было приготовилась к прыжку, но канарейка заметалась в клетке, а попугай захлопал крыльями и закричал:

— Нет, будем людьми!

Писарь похолодел от ужаса и, вылетев в окно, полетел над домами и улицами. Летел, летел, наконец устал,— и вот увидел дом, который показался ему знакомым. Одно окно в доме было открыто. Писарь влетел в комнату и уселся на стол. К своему изумлению, он увидел, что это его собственная комната.

— Нет, будем людьми! — машинально повторил он излюбленную фразу попугая и в ту же минуту вновь стал полицейским писарем, только зачем-то усевшимся на стол.

— Господи помилуй,— сказал писарь,— как это я попал на стол, да ещё заснул? И какой дикий сон мне приснился! Какая чепуха!

VI. Конец

На другой день рано утром, когда писарь ещё лежал в постели, в дверь постучали, и вошёл его сосед, снимавший комнату на том же этаже,— молодой студент-философ.

— Одолжи мне, пожалуйста, твои калоши,— сказал он.— Хоть в саду и сыро, да больно уж ярко светит солнышко. Хочу туда сойти выкурить трубочку.

Он надел калоши и вышел в сад, в котором росло только два дерева — слива и груша; впрочем, даже столь скудная растительность в Копенгагене большая редкость.

Студент прохаживался взад и вперёд по дорожке. Время было раннее, всего шесть часов утра. На улице заиграл рожок почтового дилижанса.

— О, путешествовать, путешествовать! — вырвалось у него.— Что может быть прекраснее! всю жизнь я мечтал о путешествиях. Как хочется уехать подальше отсюда, увидеть волшебную Швейцарию, поехать по Италии!

Хорошо ещё, что калоши счастья выполняли желания немедленно, а то бы студент, пожалуй, забрался слишком далеко и для себя самого и для нас с вами. В тот же миг он уже путешествовал по Швейцарии, упрященный в почтовый дилижанс вместе с восемью другими пассажирами. Голова у него трещала, шею ломило, ноги затекли и болели, потому что сапоги жали немилосердно. Он не спал и не бодрствовал, но был в состоянии какого-то мучительного оцепенения. В правом кармане у него лежал аккредитив, в левом — паспорт, а в кожаном мешочке на груди было зашито несколько золотых. Стоило нашему путешественнику клюнуть носом, как ему тут же начинало мерещиться, что он уже потерял одно из этих сокровищ, и тогда его бросало в дрожь, а рука его судорожно описывала треугольник — справа налево и на грудь,— чтобы проверить, всё ли цело. В сетке над головами пассажиров болтались зонтики, палки, шляпы, и это мешало студенту наслаждаться горным пейзажем. Но он всё смотрел, смотрел и не мог насмотреться, а в сердце его звучали строки стихотворения, которое написал, хотя и не стал печатать, один известный нам швейцарский поэт:

Прекрасный край! Передо мной
Монблан белеет вдалеке,
Здесь был бы, право, рай земной,
Будь больше денег в кошельке.

Природа здесь была мрачная, суровая и величественная. Хвойные леса, покрывавшие заоблачные горные вершины, издали казались просто зарослями вереска. Пошёл снег, подул резкий, холодный ветер.

— Ух! — вздохнул студент.— Если бы мы уже были по ту сторону Альп! Там теперь наступило лето, и я наконец получил бы по аккредитиву свои деньги. Я так за них боюсь, что все эти

альпийские красоты перестали меня пленять. Ах, если б я уже был там!

И он немедленно очутился в самом сердце Италии, где-то на дороге между Флоренцией и Римом. Последние лучи солнца озаряли лежащее между двумя тёмно-синими холмами Трази-менское озеро, превращая его воды в расплавленное золото. Там, где некогда Ганнибал разбил Фламиния, теперь виноградные лозы мирно обвивали друг друга своими зелёными плетями. У дороги, под сенью благоухающих лавров, прелестные полуголые ребятишки пасли стадо чёрных как смоль сви-ней.

Да, если бы описать эту картину как следует, все бы только и твердили: «Ах, восхитительная Италия!»

Но, как ни странно, ни студент, ни его спутники этого не думали. Тысячи ядовитых мух и комаров тучами носились в воздухе; напрасно путешественники обмахивались миртовыми ветками, насекомые всё равно кусали и жалили их. В карете не было человека, у которого не распухло бы всё лицо, искусанное в кровь. У лошадей был ещё более несчастный вид: бедных животных сплошь облепили огромные насекомые, так что кучер время от времени слезал с козел и отгонял от лошадей их мучителей, но уже спустя мгновение налетали новые.

Скоро зашло солнце, и путешественников охватил пронизывающий холод — правда, ненадолго, но всё равно это было не слишком приятно. Зато вершины гор и облака окрасились в непередаваемо красивые зелёные тона, отливающие блеском последних солнечных лучей. Эта игра красок не поддаётся описанию, её нужно видеть. Зрелище изумительное, все с этим согласились, но в желудке у каждого было пусто, тело устало, душа жаждала приюта на ночь, а где его найти? Теперь все эти вопросы занимали путешественников гораздо больше, чем красоты природы.

Дорога проходила через оливковую рощу, и казалось, что едешь где-нибудь у себя на родине, между знакомыми голубыми ивами. Вскоре карета подъехала к одинокой гостинице. У ворот её сидело множество нищих-калек, даже самый бодрый из них казался «старшим сыном голода». Словно сама нищета тянулась к путникам из этой кучи тряпья и лохмотьев.

— Господин, помогите несчастным! — хрипели они, протягивая руки за подающим.

Путешественников встретила хозяйка гостиницы, босая, нечёсаная, в грязной кофте. Двери в комнатах держались на верёвках, под потолком порхали летучие мыши, кирпичный пол был весь в выбоинах, а вонь стояла такая, что хоть топор вешай.

— Лучше бы уж она накрыла нам стол в конюшне, — сказал кто-то из путешественников. — Там по крайней мере знаешь, чем дышишь.

Открыли окно, чтобы впустить свежего воздуха, но тут в комнату протянулись иссохшие руки и послышалось опять:

— Господин, помогите несчастным!

Стены комнаты были сплошь исписаны, и половина надписей ругательски ругала «прекрасную Италию».

Принесли обед: водянистый суп с перцем и прогорклым оливковым маслом, потом приправленный таким же маслом салат и, наконец, несвежие яйца и жареные петушиные гребешки — в качестве украшения пиршества. Даже вино казалось не вином, а какой-то микстурой.

На ночь дверь забаррикадировали чемоданами, и одному путешественнику поручили стоять на часах, а остальные уснули. Часовым был выбран студент-философ. Ну и духота стояла в комнате! Жара нестерпимая, комары, а тут ещё стоны нищих под окном, которые даже ночью не давали покою.

«Нет, уж лучше умереть, чем выносить всю эту муку, — подумал студент. — Так хочется спать. Спать, спать, спать и не просыпаться».

Не успел он так подумать, как очутился у себя дома. На окнах висели длинные белые занавески, посреди комнаты на полу стоял чёрный гроб, а в нём смертным сном спал он сам. Его желание исполнилось.

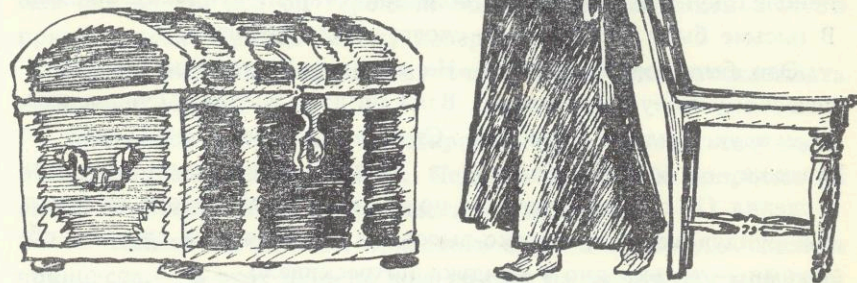
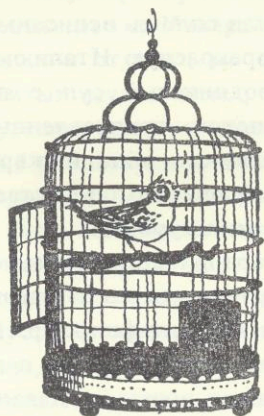
В этот миг в комнате появились две женщины. Мы их знаем: то были фея Печали и вестница Счастья, и они склонились над умершим.

— Ну, — спросила Печаль, — много счастья принесли человечеству твои калоши?

— Что ж, тому, кто лежит здесь, они по крайней мере дали вечный покой! — ответила фея Счастья.

— О нет,— сказала Печаль.— Он сам ушёл из мира раньше своего срока. Он ещё не настолько окреп духовно, чтобы понять, в чём истинное счастье. Но я окажу ему благодеяние! — И она стащила калоши со студента.

Смертный сон прервался. Студент-философ проснулся и встал. Фея Печали исчезла, а с ней и калоши. Должно быть, она решила, что теперь они будут принадлежать ей.

СУНДУК - САМОЛЁТ

Жил-был купец. Он был так богат, что мог бы вымостить серебряными деньгами целую улицу да ещё переулок в придачу. Конечно, он не делал таких глупостей — он знал, куда девать деньги, и уж если тратил копейку, то наживал целый рубль. Вот каков был этот купец.

С каждым годом купец становился всё богаче и богаче, но пришло время — он состарился и умер.

Все деньги достались его сыну.

А сын-то был не похож на отца. Как только зазвенело у него в карманах золото, стал он задавать пышные балы и устраивать маскарады; из бумажных денег он пускал змеев, а золотые червонцы бросал в реку вместо камушков, чтобы полюбоваться, как расходятся по волнам круги. Не мудрено, что денюжки потекли у него меж пальцев, как вода, и в конце концов из всего

наследства осталось только четыре медных монетки, старый халат да пара туфель.

Друзья, которые раньше танцевали на его балах, ели и пили за его столом, теперь и знать не хотели купеческого сына. Они даже стыдились показаться с ним на улице, потому что купеческому сыну нечего было надеть, кроме старого халата. Но один из его прежних друзей оказался добрым человеком. Он прислал купеческому сыну большой старый сундук и письмо. В письме было только одно слово: «Укладывайся».

Это был хороший совет. Но вот горе — укладывать-то купеческому сыну было нечего. Взял он да и уселся в сундук сам. А сундук был не простой. Стоило три раза постучать по крышке — и сундук взлетал в воздух. Купеческий сын так и сделал. Он стукнул три раза по крышке и оглянуться не успел, как сундук взвился высоко-высоко и понёсся под самыми облаками — только дно у сундука потрескивало.

Страшно было купеческому сыну. «А вдруг сундук разлетится вдребезги? Не собрать мне тогда своих косточек», — думал он.

Долго летел сундук под облаками и наконец спустился на землю. Купеческий сын вышел из сундука и огляделся кругом. Он увидел, что стоит на опушке леса, а из-за деревьев виднеется турецкий город.

Тогда купеческий сын забросал сундук сухими листьями, а сам отправился в город. Тут он мог спокойно разгуливать по улице в своём халате и туфлях. В Турции все ведь так ходят.

Вот идёт он по городу и видит большой дворец; все окна у этого дворца высоко над землёй, под самой крышей. Остановился купеческий сын и подумал — что за удивительный дворец? А в это время по улице проходила кормилица с ребёнком. Купеческий сын и спросил её:

— Послушай-ка, турецкая кормилица. Что это за большой дворец и почему окна в нём так высоко от земли?

— Тут живёт принцесса, — сказала кормилица. — Ей когда-то предсказали, что жених принесёт ей большое несчастье. Вот к ней и не пускают никого. Видеть её можно только раз в неделю, когда её навещает сам король с королевой.

— Спасибо! — сказал купеческий сын и пошёл обратно в

лес, уселся в свой сундук и опять три раза стукнул по крышке.

Сундук взлетел, и в один миг купеческий сын очутился на крыше королевского дворца. А с крыши он влез через окно прямо в комнату принцессы.

Принцесса в это время спала на диване. Она была так хороша собою, что купеческий сын не удержался и поцеловал её. Принцесса проснулась и очень испугалась. Но купеческий сын сказал ей, что он турецкий бог и прилетел к ней в гости прямо с неба. Принцесса ему поверила.

Они уселись рядышком, и купеческий сын стал рассказывать принцессе сказки.

Принцессе сказки очень понравились, а купеческому сыну очень понравилась принцесса. Недолго думая он попросил её выйти за него замуж, и принцесса согласилась.

— Только ты должен прилететь сюда в субботу, — сказала принцесса. — В этот день ко мне придут на чашку чая мой отец король и моя мать королева. Они будут очень рады, что я выхожу замуж за турецкого бога, но ты постарайся рассказать им сказку получше — они очень любят сказки. Королева любит поучительные и серьёзные сказки, а король — весёлые, чтобы можно было вдоволь посмеяться.

— Непременно прилечу в субботу и расскажу королю и королеве самую лучшую сказку, какую знаю. Это и будет мой свадебный подарок, — сказал купеческий сын.

И они расстались. На прощание принцесса подарила ему саблю, всю выложенную червонцами. Это было очень кстати, потому что у купеческого сына, как нам известно, не было ни гроша.

Он сейчас же полетел в город и купил себе новый халат, а затем уселся в лесу сочинять сказку. Надо ведь было сочинить её к субботе, а сказку сочинить не так просто, как кажется.

Но вот сказка была готова, и как раз вовремя — настала суббота.

Король, королева и весь двор собрались к принцессе на чашку чая. Купеческого сына приняли как нельзя лучше. Когда выпили чай, королева сказала:

— Ну, а теперь расскажите нам сказку. Только, пожалуйста, серьёзную и поучительную.

— Но чтобы и посмеяться можно было,— прибавил король.
— Хорошо,— ответил купеческий сын и рассказал такую сказку.

«Жила-была пачка серных спичек. Спички очень гордились своим высоким происхождением. Подумать только, ведь они произошли от самого высокого дерева в лесу — от сосны.

Однажды спички лежали в кухне на полке между огнивом и старым железным котелком и рассказывали соседям о своём детстве.

— Да, хорошо нам жилось в лесу, когда мы были ещё зелёными веточками,— говорили спички.— Каждое утро и каждый вечер мы пили брильянтовый чай — росу. Целый день нам светило солнышко, а птички рассказывали нам сказки. Мы отлично понимали, что принадлежим к богатой семье: лиственные деревья были одеты только летом, а наша семья была так богата, что могла носить зелёную одежду и летом и зимой. Но вот однажды явились дровосеки, и всё пошло по-другому. Наша семья с этих пор разбрелась во все стороны. Наш отец-ствол стал грот-мачтой на великолепном корабле, который мог бы объехать кругом всего света, если б только захотел. Ветви тоже заняли разные важные места. А нам вот выпало на долю служить спичками для простого народа. Вот как случилось, что мы, такие знатные господа, очутились здесь, на кухне.

— Ну, а моя судьба совсем иная,— сказал котелок, который стоял рядом со спичками.— С самого моего появления на свет меня беспрестанно чистят, скребут и ставят на огонь. Я делаю важное дело и, говоря по правде, занимаю здесь, в доме, первое место. Работаю я без усталости, и единственное моё развлечение — стоять вот так, после обеда, когда меня вычистят да уберут на полку, и вести приятную беседу с товарищами. Все мы здесь, на кухне, большие домоседы, если не считать ведра, которому случается иногда прогуляться по двору. Новости же нам приносит корзинка для провизии — она часто ходит на рынок. Но она так дерзко говорит о правительстве и о народе, что её невозможно слушать. На днях, когда она пустилась в рассуждения, старый кувшин так перепугался, что слетел с полки и разбился на кусочки. Вот до чего может довести праздная болтовня!

— Уж больно ты сам разболтался, старик! — сказала вдруг огниво и так ударило по кремню, что искры посыпались.— Давайте-ка лучше повеселимся!

— Нет, лучше побеседуем о том, кто из нас всех важнее,— сказали спички.

— А я вот не люблю говорить о самой себе,— сказала глиняная миска.— Но так и быть, я расскажу вам кое-что из своей жизни. Это будет знакомо и понятно всем и каждому, а ведь такие истории приятнее всего. Так вот, послушайте. На берегу родного моря, под тенью буковых деревьев...

— Чудесное начало! — сказали тарелки.— Вот это будет история как раз по нашему вкусу.

— Там, в мирной семье,— продолжала глиняная миска,— провела я свою молодость. Столы и стулья в нашем доме блестели, пол всегда был чисто вымыт, а занавески на окнах сменялись каждые две недели.

— Как вы интересно рассказываете,— сказала половая щётка.— Сразу видно, что вы женщина, чувствуется, как высоко вы цените чистоту в доме.

— Да-да! — сказала ведро и от удовольствия даже подпрыгнуло и выплеснуло на пол воду.

Глиняная миска продолжала свой рассказ, и конец его был не хуже начала.

Когда она кончила, тарелки забренчали от удовольствия, а половая щётка достала из ящика с песком листья петрушки, сплела из них веночек и надела на миску. Она знала, что всем остальным будет завидно, а это ей как раз и было по сердцу, да к тому же она подумала: «Если я награжу миску веночком сегодня, то она наградит меня завтра».

— А теперь мы попляшем,— сказали угольные щипцы и пустились в пляс.

Они так высоко вскидывали то одну ногу, то другую, что старая обивка на стуле, который стоял в углу, не выдержала и лопнула со смеху.

— А нам дадут веночек? — спросили щипцы, и на них тоже надели веночек из петрушки.

— Фу, какое мужичье! — сказали спички.

Теперь очередь была за самоваром. Он должен был спеть.

Но самовар сказал, что он поёт только тогда, когда внутри него бурлит кипяток. Конечно, это была пустая отговорка: он просто важничал — ведь он привык петь только на столе у господ.

На окне лежало старое гусиное перо, которым обыкновенно писала служанка. В нём не было ничего замечательного, разве только то, что всё оно было выпачкано чернилами. Но именно этим перо и гордилось.

— Что ж, если самовар не хочет петь, так и не надо, — сказала перо. — За окном в клетке висит соловей — пусть он споёт. Конечно, он не из учёных, но, так и быть, послушаем его сегодня.

— Что вы, что вы, господа! — сказал медный чайник, двоюродный брат самовара. — По-моему, нам совсем неприлично слушать какую-то залётную птицу. Разве это патриотично? Рассудите хоть вы, сударыня, — обратился чайник к корзинке для провизии.

— Ах, я просто из себя выхожу! — сказала корзинка. — Вы не поверите, как всё это меня раздражает. Ну можно ли так проводить вечера? Было бы гораздо умнее затеять какую-нибудь игру, а я уж, так и быть, поруководила бы.

— Да, да, давайте играть! — закричали все.

Вдруг отворилась дверь, и вошла служанка. Тут все притихли и сидели по своим местам так смиренно, будто ничего и не было.

Служанка взяла спичку и чиркнула по коробке. Спичка затрещала, зашипела, а потом вдруг вспыхнула, загорелись все остальные спички.

— Вот теперь-то уж все видят, кто здесь самый первый, кто здесь самый важный! Смотрите, как мы блестим, как ярко мы светим! — закричали спички.

И сгорели...»

— Ах, что за чудесная сказка! — сказала королева. — Я точно сама побывала на кухне вместе со спичками. Да, ты достоин руки нашей дочери.

— Конечно! — сказал король. — Приходи в понедельник, и мы сыграем свадьбу.

Теперь они уже говорили купеческому сыну «ты» — ведь он

скоро должен был стать своим человеком в королевском доме.

Накануне свадьбы, в воскресенье вечером, в городе зажгли иллюминацию. По всем улицам разбрасывали пряники и крендели. Мальчишки ловили угощение, кричали «ура» и свистели.

«Надо же и мне устроить что-нибудь», — подумал купеческий сын. И он купил ракет и хлопушек, положил всё это в свой сундук и взвился в воздух.

Пиф, паф! Пш-пш! — захлопали хлопушки, зашипели ракеты. Зелёные и красные искры разлетались по всему небу, и среди этого огненного дождя нёсся над городом чудесный сундук-самолёт.

Все турки от удивления подпрыгивали так высоко, что туфли у них летели через головы. Никогда ещё не видывали они таких чудес. Тут уж все поверили, что жених принцессы настоящий турецкий бог.

А купеческий сын выпустил все ракеты, разбросал все хлопушки и вернулся в лес. Он спрятал сундук и решил пойти в город послушать, что говорят о нём турки.

А рассказов по городу ходило много, и каждый рассказывал по-своему.

— Я видел самого турецкого бога, — говорил один турок. — Глаза у него блестели, как звёзды, а борода белела, как морская пена.

— Он мчался в огненной колеснице, — рассказывал другой. — Огненный плащ его развеялся по ветру, а из складок плаща выглядывали тысячи турецких ангелов.

Да, много чудес наслышался купеческий сын о самом себе.

Только утром вернулся он в лес, чтобы сесть в свой сундук и лететь во дворец, где всё уже было готово к свадьбе.

Он подошёл к дереву, под которым оставил свой сундук. Смотрит — а сундука нет.

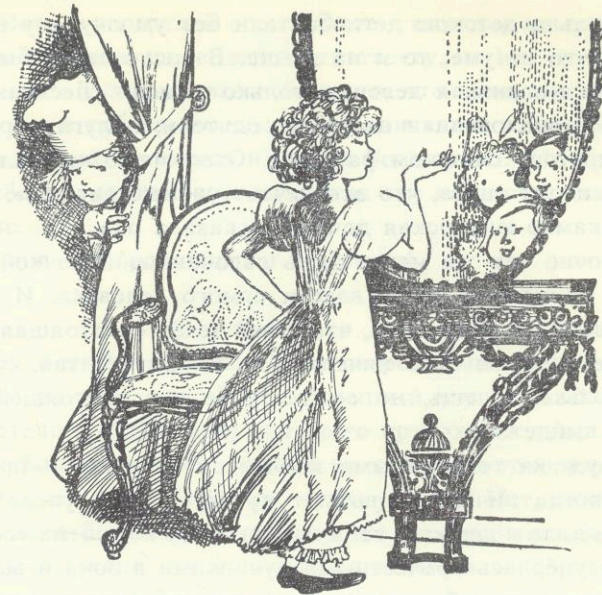
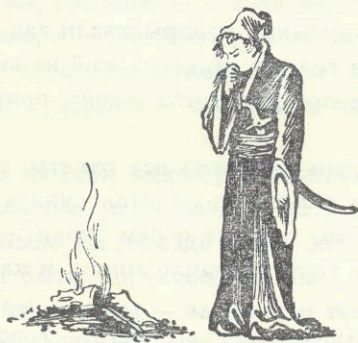
Куда же это он девался?

Сгорел! Оказывается, от вчерашних ракет в сундук упало несколько искр. И вот, пока купеческий сын гулял по городу, сундук тлел, тлел, вспыхнул да и сгорел дотла. Под деревом

лежала только куча золы. Так и не смог купеческий сын прилететь на свою свадьбу.

Принцесса целый день стояла на крыше дворца и смотрела на небо — она ждала своего турецкого бога. И не дождалась. Наверно, она и до сих пор всё ждёт его.

А купеческий сын ходит по белому свету и рассказывает сказки. Только эти сказки уже не такие весёлые, как была та, первая его сказка о серных спичках.

РЕБЯЧЬЯ БОЛТОВНЯ

У богатого купца был детский вечер; приглашены были все дети богатых и знатных родителей. Дела купца шли отлично; сам он был человек образованный, даже в своё время окончил гимназию. На этом настоял его почтенный отец, который был сначала простым прасолом, но честным и трудолюбивым человеком и сумел составить себе капитал, а сын ещё приумножил его. Купец был человек умный и добрый, хоть люди не так много говорили об этих качествах, как о его богатстве.

Он вёл знакомство и с аристократами крови и с аристократами ума, как это говорится, а также с аристократами и крови и ума вместе и, наконец, с теми, которые не могли похвалиться ни тем, ни другим аристократизмом.

Итак, у него в доме собралось большое общество, но

исключительно детское; дети болтали без умолку — у них, как известно, что на уме, то и на языке. В числе детей была одна прелестная маленькая девочка, только ужасно спесивая. Спесь не вбили, а «вцеловали» в неё, и не родители, а слуги — родители были для этого слишком разумны. Отец малютки был камер-юнкером, и она знала, что это нечто «ужасно важное».

— Я камер-юнкерская дочка! — сказала она.

Она точно так же могла быть лавочниковой дочкой — и то и другое одинаково не во власти самого человека. И вот она рассказывала другим детям, что в ней течёт «настоящая кровь», а в ком её нет, из того ничего и не выйдет. Читай, старайся, учись сколько хочешь, но если в тебе нет настоящей крови, толку не выйдет.

— А уж из тех, чьё имя кончается на «сен», — прибавила она, — никогда ничего не выйдет путного. Надо упереться руками в бока, да и держать себя подалеже от всех этих «сен, сен»!

И она упёрлась прелестными ручонками в бока и выставила острые локотки, чтобы показать, как надо держаться. Славные у неё были ручонки, да и сама она была премиленькая!

Но дочка купца обиделась: фамилия её отца была Мадсен, а она знала, что эта фамилия тоже кончается на «сен», и вот она гордо закинула головку и сказала:

— Зато мой папа может купить леденцов на целых сто риксдалеров и разбросать их народу! А твой может?

— Ну, а мой папа, — сказала дочка писателя, — может и твоего папу, и твоего, и всех пап на свете пропечатать в газете! Все его боятся, говорит мама: ведь это он распоряжается газетой!

И девочка прегордо закинула головку — ни дать ни взять принцесса крови!

А за полуотворенною дверью стоял бедный мальчик и поглядывал на детей в щёлочку; мальчуган не смел войти в комнату: куда было такому бедняку соваться к богатым и знатым детям! Он поворачивал на кухне для кухарки вертел, и теперь ему позволили поглядеть на разряженных, веселящихся детей в щёлку; и это уже было для него огромным счастьем.

«Вот бы мне быть на их месте!» — думалось ему. Вдруг он услышал болтовню девочек, а слушая её, можно было упасть

духом. Ведь у родителей его не было в копилке ни гроша; у них не было средств даже выписать газету, а не то что самим издавать её. Хуже же всего было то, что фамилия его отца, а значит, и его собственная, как раз кончалась на «сен»! Из него никогда не выйдет ничего путного! Вот горе-то! Но кровь в нём была всё-таки самая настоящая, как ему казалось; иначе и быть не могло.

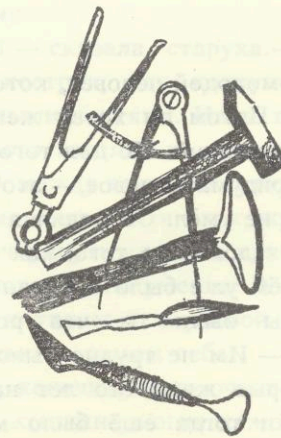
Так вот что произошло в тот вечер!

Прошло много лет, дети стали взрослыми людьми.

В том же городе стоял великолепный дом, полный сокровищ. Всем хотелось видеть его; для этого приезжали даже из других городов. Кто же из тех детей, о которых мы говорили, мог назвать этот дом своим? Ну, это легко угадать! Нет, не очень! Дом принадлежал бедному мальчугану. Из него всё-таки вышло кое-что, хоть фамилия его и кончалась на «сен» — Торвальдсен¹.

А другие дети? Дети кровной, денежной и умственной спеси, из них что вышло? Да, все они друг друга стоили, все они были дети как дети! Вышло из них одно хорошее: задатки-то в них были хорошие. Мысли же и разговоры их в тот вечер были ребячьей болтовнёй!

¹ Торвальдсен — прославленный датский скульптор, современник Андерсена.

ЧЕГО ТОЛЬКО НЕ ПРИДУМАЮТ...

Жил-был однажды молодой человек, который усердно учился, чтобы стать поэтом. Потом он хотел жениться и зажить доходом со своих произведений. Но для того чтобы стать поэтом, нужно что-нибудь придумать новое, — это он знал отлично, а придумывать-то он и не умел. Он родился слишком поздно: всё было выдуманно ещё задолго до того, как он родился, всё уже было воспето, обо всём уже было написано.

— Как счастливы были те, что родились тысячу лет назад! — говорил он. — Им не трудно было заслужить бессмертие! Даже тех, которые жили сто лет назад, можно считать счастливыми: всё-таки тогда ещё было много такого, о чём

можно было писать. Теперь все сюжеты для поэзии уже исчерпаны, — о чём же я стану писать?

Бедняга долго мучился и размышлял об этом; наконец даже похудел и впал в меланхолию. Ни один доктор не был в состоянии помочь ему — оставалось разве обратиться к знахарке. Она жила в маленьком домике у полевого шлагбаума, который должна была поднимать для проезжих. Но она умела и ещё кое-что, не только поднимать шлагбаум: она знала больше самого доктора, ездившего в собственном экипаже.

— Надо посоветоваться с нею! — сказал молодой человек.

Домик, в котором она жила, был очень миленький и опрятный, но без всяких украшений. Перед ним не росло ни одного деревца, ни одного цветка. У дверей находился улей — вещь очень полезная. Далее тянулся маленький огород, засаженный картофелем — также очень полезная вещь, — и овраг, заросший терновником. Терновник уже отцвел и был покрыт ягодами, от которых сводит рот, — эти ягоды можно есть только после того, как их хватит морозом.

«Вот живая картина нашего лишённого поэзии века!» — подумал молодой человек. Это была уже мысль, золотое зёрнышко, найденное им на пороге дома старухи.

— Запиши её! — сказала она. — Крошки хлеба — тот же хлеб! Я знаю, зачем ты пришёл сюда: ты не можешь придумать ничего нового, а между тем хочешь стать поэтом.

— Обо всём уже написано! — сказал он. — Теперь не то, что в доброе старое время.

— Конечно, нет! — сказала старуха. — В старые времена знахарок жгли на кострах, как колдуний, а поэты ходили голодные, с продранными локтями. Наше время куда лучше! Но у тебя нет правильного взгляда на вещи, к тому же ты мало развивал свой слух. А между тем в сюжетах для писателей вовсе нет недостатка. Ты можешь найти их в окружающих растениях и плодах, можешь почерпнуть их из всех текущих и стоячих вод; но, конечно, и для этого нужно умение. Вот попробуй-ка надеть мои очки, приставь к уху мой слуховой рожок и постарайся перестать думать только о самом себе.

Не думать о себе, конечно, было очень трудно, — удивительно, как такая умная женщина могла даже потребовать этого.

Он взял очки и слуховой рожок и вышел на середину картофельного поля. Старуха дала ему в руки большую картофелину. Ему показалось, что в ней что-то жужжит. Скоро послышалось пение; то была история самой картофелины — очень интересная повесть в десяти частях, хотя её можно было бы изложить в десяти строчках. О чём же пела картофелина?

Она пела о себе и о своём семействе: о том, как она впервые появилась в Европе, и о том презрении, с которым к ней относились до тех пор, пока не признали её за дар, более драгоценный, чем слиток золота.

— По приказанию короля, — рассказывала она, — нас стали раздавать по всем городам в ратуше, причём старались объяснить всем наше высокое значение; но никто не верил этому, никто не понимал даже, как нас нужно сажать в землю. Один вырыл яму и бросил туда всю свою мерку картофеля, другой наткал картофелины в землю в разных местах и ждал, чтобы из каждой выросло целое дерево, с которого можно будет стряхивать плоды. Таким образом, хотя и появлялись цветы и водянистые плоды, но все они погибали без пользы. Никому не приходило в голову порываться в землю и поискать там настоящих плодов. Да, мы много вынесли и выстрадали, то есть не мы, а наши предки, но ведь это одно и то же.

— Вот так история, — сказал молодой человек.

— Ну, будет с тебя! — сказала старуха. — Теперь обрати внимание на терновник.

— У нас также водятся близкие родственники на родине картофеля, только немного поближе к северу, — рассказывал терновник. — Когда-то норманны из Норвегии поплыли к западу, но из-за бури и туманов попали в неизвестную страну, где подо льдом и снегом нашли зелёные кусты с тёмно-синими ягодами, похожими на виноград: то были ягоды терновника, которые созрели окончательно, их хватило морозом, и они вкусом напоминали виноград. То же самое бывает и с нами, а страна благодаря этому получила название Гренландии — страны зелёного винограда или терновника.

— Но ведь это в высшей степени романтическая история! — воскликнул молодой человек.

— Да, а теперь поднимись на насыпь, — сказала старуха, — и взгляни на дорогу, ты увидишь там массу людей.

— Вот так толпа! — сказал молодой человек. — Да тут историям не будет конца. И всё это жужжит и шумит — у меня просто в ушах звенит от них. Я лучше отойду.

— Нет, шагай смело вперёд! Иди прямо навстречу жизни; пусть твои глаза и уши остаются всегда открытыми, да и сердце также, и тогда ты скоро станешь поэтом. Но прежде чем ты уйдёшь отсюда, ты должен вернуть мне мои очки и слуховой рожок.

И она отняла у него и то и другое.

— Но ведь теперь я опять ничего не вижу, — сказал молодой человек. — Да и не слышу ничего интересного.

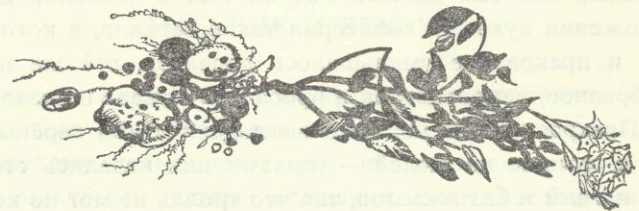
— Тогда ты и не можешь стать поэтом! — сказала ворожея.

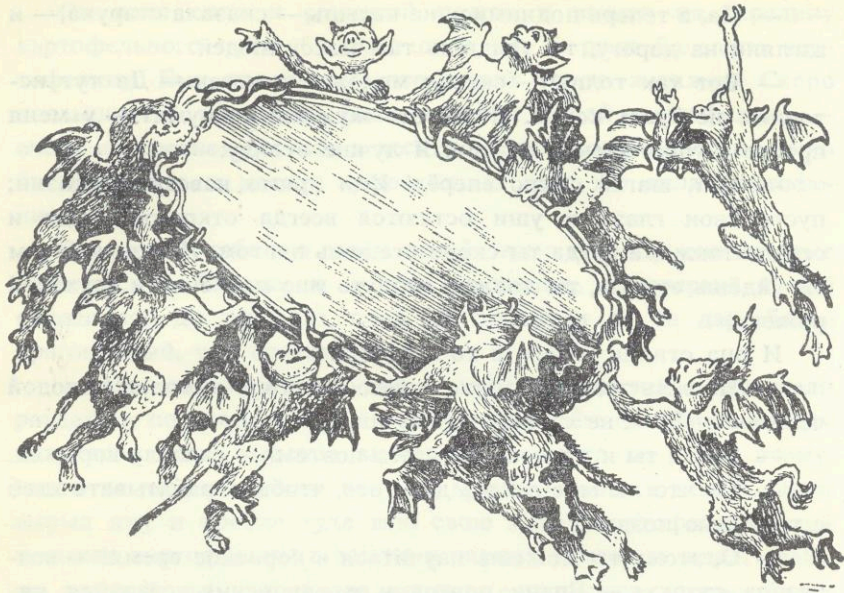
— Но что же мне делать для того, чтобы зарабатывать хлеб с помощью поэзии?

— О, этому ты можешь научиться в короткое время! — возразила старуха. — Брани поэтов и их творения, старайся низвергнуть их с пьедесталов. Только не робей, руби смело, сплеча, — тогда ты наделаешь много шума, возбудишь общее внимание, и этим ты сумеешь прокормить и себя и жену.

— Чего только не придумают! — сказал молодой человек и с тех пор принялся бранить и унижать поэтов, так как он сам не мог стать таковым.

Мы знаем эту историю от самой знахарки: кому же, как не ей, и знать — чего-чего только не придумают...

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

История первая,

в которой говорится о зеркале и его осколках

Ну, начнём! Дойдя до конца нашей истории, мы будем знать больше, чем теперь. Так вот, жил однажды тролль, злющий-презлющий, как сам дьявол. Раз он был в особенно хорошем расположении духа: он смастерил такое зеркало, в котором всё доброе и прекрасное уменьшалось донельзя, всё же негодное и безобразное, напротив, так и бросалось в глаза и казалось ещё хуже. Прекраснейшие пейзажи выглядели в нём варёным шпинатом, а лучшие из людей — уродами или казались стоящими кверху ногами и без животов, так что тролль не мог не хохотать, радуясь своей выдумке. Все ученики тролля — у него была своя школа — рассказывали о зеркале, как о каком-то чуде.

— Теперь только,— говорили они,— можно увидеть весь мир и людей в их настоящем свете!

И вот они были с зеркалом повсюду. Скоро не осталось ни одной страны, ни одного человека, которые бы не отразились в нём в искажённом виде. Напоследок захотелось им добраться и до неба.

Всё выше и выше летели они, и вдруг зеркало так перекосило, что оно вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось вдребезги. Миллионы, биллионы его осколков наделали, однако, несравненно больше вреда, чем само зеркало. Некоторые из них величиной всего в песчинку, разлетаясь по белу свету, попадали, случалось, людям в глаза и так там и оставались. Человек же с таким осколком в глазу начинал видеть всё навыворот или замечать в каждой вещи одно лишь дурное, так как каждый осколок сохранял свойство, которым отличалось прежде целое зеркало. Некоторым людям осколки попадали прямо в сердце, и это было хуже всего: сердце превращалось в кусок льда. Были между этими осколками и большие — такие, что их можно было вставить в оконные рамы, но уж в эти окна не стоило смотреть на своих добрых друзей. Наконец, были такие осколки, которые пошли на очки; только беда была, если люди надевали их с целью смотреть на вещи и судить о них вернее.

Злой тролль хохотал до колик в животе и наслаждался, словно его щекотали. А по свету летало ещё много осколков зеркала.

Послушаем же!

История вторая

МАЛЬЧИК И ДЕВОЧКА

В большом городе, где столько домов и людей, что не всем удаётся отгородить себе хоть маленькое местечко для садика, и где поэтому большинству жителей приходится довольствоваться комнатными цветами в горшках, жили двое бедных детей, но у них был садик побольше цветочного горшка.

Родители их жили под самой крышей в двух смежных домах.

Там, где кровли домов почти сходились, под выступающими кровельными водосточными желобами, и туда как раз были обращены чердачные окошки обеих семей. Таким образом, стоило только перешагнуть с одного желоба на другой — и вы попадали к соседям.

У родителей было по большому деревянному ящику; в них росли овощи и небольшие кусты роз — в каждом по одному; кусты чудесно разрастались. Родителям пришлось в голову поставить эти ящики поперёк желобов, и словно две цветущие грядки протянулись от одного окна к другому. Горох спускался из ящиков зелёными гирляндами, розовые кусты обрамляли окна и сплетались ветвями, а мальчик и девочка ходили друг к другу по крыше в гости и сидели на скамеечке под розами. Тут они чудесно играли.

Зимой окна зачастую замерзали, и это удовольствие прекращалось. Но дети нагревали на печке медные монеты и прикладывали их к замёрзшим стёклам — сейчас же оттаивало чудесное отверстие, такое круглое-круглое, а в него выглядывал весёлый, ласковый глазок — это смотрели, каждый из своего окна, мальчик и девочка: Кай и Герда. Летом они в один прыжок могли очутиться друг у друга, а зимой надо было сначала спуститься на много-много ступеней вниз, а затем подняться на столько же вверх.

На дворе же ветер крутил снег.

— Это роятся белые пчёлки! — говорила старая бабушка.

— А у них тоже есть королева? — спрашивал мальчик: он знал, что у настоящих пчёл есть такая.

— Есть, — отвечала бабушка. — Она там, где рой всего гуще, она больше всех и никогда подолгу не остаётся на земле — всегда взлетает на чёрное облако. Часто по ночам пролетает она по городским улицам и заглядывает в окошки, и стёкла тогда покрываются ледяными узорами, словно цветами:

— Видели, видели! — говорили дети и верили, что всё это сушая правда.

— А Снежная королева не может войти сюда? — спросила раз девочка.

— Пусть-ка попробует! — сказал мальчик. — Я посажу её на тёплую печку, вот она и растает.

Но бабушка погладила его по головке и завела разговор о другом.

Вечером, когда Кай был дома и почти совсем разделся, собираясь лечь спать, он вскарабкался на стул у окна и поглядел в маленький, оттаявший на оконном стекле кружочек. За окном порхали снежинки; одна из них, побольше, упала на край цветочного ящика и начала расти, расти, пока наконец не превратилась в женщину, закутанную в тончайший белый тюль, сотканный, казалось, из миллионов снежных звёздочек. Она была так прелестна и нежна, но изо льда, из ослепительного, сверкающего льда, и всё же живая! Глаза её сияли, как звёзды, но в них не было ни теплоты, ни покоя. Она кивнула мальчику и поманила его рукой. Мальчуган испугался и спрыгнул со стула; мимо окна промелькнуло что-то похожее на большую птицу.

На другой день был славный мороз, но затем сделалась оттепель, а там пришла и весна. Солнце светило, зелень опять показалась из земли, ласточки вили под крышей гнёзда, окна растворили, и дети снова сидели в своём маленьком садике высоко над всеми этажами.

В то лето розы цвели особенно пышно.

Дети пели, взявшись за руки, целовали розы, смотрели на солнечное сияние и разговаривали с ним. Один раз Кай и Герда рассматривали книжку с картинками — зверями и птицами; на больших башенных часах пробило пять.

— Ай! — вскрикнул вдруг мальчик. — Меня кольнуло прямо в сердце, и что-то попало в глаз!

Девочка обвила ручонкой его шею; он мигал глазами, но ни в одном ничего не было видно.

— Должно быть, выскочило, — сказал он.

Но в том-то и дело, что нет. Это был как раз крошечный осколок дьявольского зеркала.

Бедняжка Кай! Теперь сердце его должно было превратиться в кусок льда! Боль прошла, но самый осколок остался.

— О чём же ты плачешь? — спросил он Герду. — Мне совсем не больно. Какая ты делаешься некрасивая! Фу! — закричал он затем. — Эту розу точит червь. А та совсем кривая. Какие гадкие розы! Не лучше ящиков, в которых торчат!

И он толкнул ящик ногою и обломал две розы.

— Кай, что ты делаешь? — закричала девочка, а он, увидя её испуг, сорвал ещё одну и убежал от миленькой маленькой Герды в своё окно.

Приносила ли после того ему девочка книжку с картинками — он говорил, что эти картинки хороши только для грудных ребят; рассказывала ли что-нибудь бабушка — он придирался к её словам. А потом... дошёл и до того, что крался за ней, передразнивая её походку, стал надевать очки, подражать её голосу. Выходило очень похоже и смешило людей. Скоро мальчик выучился передразнивать и всех соседей. Он отлично умел выставить напоказ все их странности и недостатки, и люди говорили:

— Что за голова у этого мальчугана?

А причиной всему был осколок зеркала, что попал ему в глаз, а затем и в сердце. Потому-то он и передразнивал даже маленькую миленькую Герду, которая любила его всем сердцем.

И забавы его стали теперь совсем иными, такими мудрёными. Раз зимою, когда шёл снег, он явился с большим увеличительным стеклом и подставил под снег полу своего синего пальто.

— Погляди в стекло, Герда, — сказал он.

Каждая снежинка казалась под стеклом куда больше, чем была на самом деле, и походила на роскошный цветок или десятиугольную звезду. Это было очень красиво.

— Видишь, как искусно сделано! — сказал Кай. — Это гораздо интереснее настоящих цветов! И какая точность! Ни единой неправильной линии! Ах, если бы только они не таяли!

Немного спустя Кай явился в больших рукавицах, с санками за спиною, крикнул Герде в самое ухо: «Мне позволили покататься на большой площади с другими мальчиками!» — и убежал.

На площади каталось множество детей. Те, что были посмелее, привязывали свои санки к крестьянским саням и прокатывались таким образом довольно далеко. Веселье так и кипело. В самый разгар его на площади появились большие сани, выкрашенные в белый цвет. В них сидел кто-то укутанный в белую меховую шубу и в такой же шапке. Сани объехали вокруг площади два раза. Кай живо привязал к ним свои санки

и покатился. Большие сани понеслись быстрее и затем свернули с площади в переулок. Сидевший в них человек обернулся и дружески кивнул Каю, точно знакомому. Кай несколько раз порывался отвязать свои санки, но человек в шубе кивал ему, и он продолжал ехать.

Вот они выехали за городские ворота. Снег повалил вдруг хлопьями, да так густо, что Кай не мог видеть своей протянутой руки. Мальчик поспешил отпустить верёвку, которою зацепился за большие сани, но санки его точно приросли к ним и продолжали нестись вихрем. Кай громко закричал — никто не услышал его. Снег валил, санки мчались, ныряя в сугробах, прыгая через изгороди и канавы. Кай весь дрожал.

Снежные хлопья всё росли и обратились под конец в больших белых куриц. Вдруг они разлетелись в стороны, большие сани остановились, и сидевший в них человек встал. Это была высокая, стройная, ослепительно белая женщина — Снежная королева; и шуба и шапка на ней были из снега.

— Славно проехались! — сказала она. — Но ты совсем замёрз — полезай ко мне в медвежью шубу.

И, посадив мальчика в сани, она завернула его в свою шубу. Кай словно опустился в снежный сугроб.

— Всё ещё мёрзнешь? — спросила она и поцеловала его в лоб.

У! Поцелуй её был холоднее льда, он пронизал его насквозь и дошёл до самого сердца, а оно и без того уже было наполовину ледяным. Каю показалось, что он сейчас умрёт... Но это только на одну минуту, а потом, напротив, ему стало хорошо, он даже совсем перестал зябнуть.

— Мои санки! Не забудь мои санки! — спохватился он прежде всего о санках.

И санки были привязаны на спину одной из белых куриц, которая и полетела с ними за большими санями. Снежная королева поцеловала Кая ещё раз, и он позабыл и Герду, и бабушку, и всех домашних.

— Больше я не буду целовать тебя, — сказала она. — А не то зацелую до смерти.

Кай взглянул на неё. Она была так хороша! Более умного, прелестного лица он не мог себе и представить. Теперь она не

казалась ему ледяною, как в тот раз, когда сидела за окном и кивала ему головой.

Он совсем не боялся её и рассказал ей, что знает все четыре действия арифметики, да ещё с дробями, знает, сколько в каждой стране квадратных миль и жителей, а она только улыбалась в ответ. И тогда ему показалось, что он в самом деле знает мало.

В тот же миг Снежная королева подхватила его, и они взвились на чёрное облако. Буря выла и стонала, словно распевала старинные песни; они летели над лесами и озёрами, над морями и твёрдой землёй; под ними дули холодные ветры, выли волки, сверкал снег, летали с криком чёрные вороны, а над ними сиял большой ясный месяц. На него смотрел Кай всю долгую-долгую зимнюю ночь — днём он спал у ног Снежной королевы.

История третья

ЦВЕТНИК ЖЕНЩИНЫ, УМЕВШЕЙ КОЛДОВАТЬ

А что же было с Гердой, когда Кай не вернулся? И куда он девался? Никто этого не знал.

Мальчики рассказали только, что видели, как он привязал свои санки к большим великолепным саням, которые потом свернули в переулок и выехали за городские ворота.

Много было пролито слёз; горько и долго плакала Герда. Наконец порешили, что Кай умер, утонул в реке, протекавшей за городом. Долго тянулись мрачные зимние дни.

Но вот настала весна, выглянуло солнце.

— Кай умер и больше не вернётся! — сказала Герда.

— Не верю! — отвечал солнечный свет.

— Он умер и больше не вернётся! — повторила она ласточкам.

— Не верим! — ответили они.

Под конец и сама Герда перестала этому верить.

— Надену-ка я свои красные башмачки (Кай ни разу ещё не видал их), — сказала она однажды утром, — да пойду к реке спросить про него.

Было ещё очень рано. Она поцеловала спящую бабушку,

надела красные башмачки и побежала одна-одинёшенька за город, прямо к реке.

— Правда, что ты взяла моего названного братца? — спросила Герда. — Я подарю тебе свои красные башмачки, если ты отдашь мне его назад!

И девочке почудилось, что волны как-то странно кивают ей. Тогда она сняла свои красные башмачки — самое драгоценное, что у неё было, — и бросила их в реку. Но они упали как раз у берега, и волны сейчас же выбросили их — река как будто не хотела брать у девочки её драгоценность, так как не могла вернуть ей Кая. Девочка же подумала, что бросила башмачки недостаточно далеко, влезла в лодку, качавшуюся в тростнике, стала на самый краешек кормы и опять бросила башмачки в воду. Лодка не была привязана и от её движения стала медленно отплывать от берега. Девочка хотела поскорее выпрыгнуть на берег, но, пока она пробиралась с кормы на нос, лодка уже отошла далеко от берега и быстро понеслась по течению.

Герда ужасно испугалась и принялась плакать и кричать, но никто, кроме воробьёв, не слышал её криков. Воробьи же не могли перенести её на сушу и только летели за ней вдоль берега и щебетали, словно желая её утешить:

— Мы здесь! Мы здесь!

Лодку уносило всё дальше. Герда сидела смиренно, в одних чулках: красные башмачки её плыли за лодкой, но не могли догнать её.

— «Может быть, река несёт меня к Каю?» — подумала Герда, повеселела, встала на ноги и долго-долго любовалась красивыми зелёными берегами.

Но вот она приплыла к большому вишнёвому саду, в котором приютился домик с красными и синими стёклами в окошках и с соломенной крышей. У дверей стояли два деревянных солдата и отдавали честь всем, кто проплывал мимо. Герда закричала им — она приняла их за живых, но они, понятно, не ответили ей. Вот она подплыла к ним ещё ближе, лодка подошла чуть не к самому берегу, и девочка закричала ещё громче. Из домика вышла, опираясь на клюку, старая-престарая старушка в большой соломенной шляпе, расписанной чудесными цветами.

— Ах ты бедная крошка! — сказала старушка. — Как это ты

2
попала на такую большую быструю реку да забралась так далеко?

С этими словами старушка вошла в воду, зацепила лодку своею клюкой, притянула её к берегу и высадила Герду.

Герда была рада-радёшенька, что очутилась наконец на суше, хоть и побаивалась чужой старухи.

— Ну, пойдём. Расскажи мне, кто ты и как сюда попала, — сказала старушка.

Герда стала рассказывать ей обо всём, а старушка покачивала головой и повторяла: «Гм! Гм!» Когда девочка кончила, она спросила старуху, не видала ли она Кая. Та ответила, что он ещё не проходил тут, но, верно пройдёт, так что девочке пока не о чем горевать, пусть лучше попробует вишен да полюбуется цветами, что растут в саду: они красивее нарисованных в любой книжке с картинками и все умеют рассказывать сказки. Тут старушка взяла Герду за руку, увела к себе в домик и заперла дверь на ключ.

Окна были высоко от пола и все из разноцветных — красных, голубых и жёлтых — стёклышек; от этого и сама комната была освещена каким-то удивительным радужным светом. На столе стояла корзинка с чудесными вишнями, и Герда могла есть их сколько душе угодно. Пока же она ела, старушка расчёсывала ей волосы золотым гребешком. Волосы вились кудрями и золотым сиянием окружали милое, приветливое, круглое, словно роза, личико девочки.

— Давно мне хотелось иметь такую миленькую девочку! — сказала старушка. — Вот увидишь, как ладно мы заживём с тобой!

И она продолжала расчёсывать кудри девочки и чем дальше чесала, тем больше Герда забывала своего названного брата Кая — старушка умела колдовать. Она не была злою колдуньей и колдовала только изредка, для своего удовольствия; теперь же ей очень захотелось оставить у себя Герду. И вот она пошла в сад, дотронулась своей клюкой до всех розовых кустов, и те, как стояли в полном цвету, так все и ушли глубоко-глубоко в землю, и следа от них не осталось. Старушка боялась, что Герда при виде этих роз вспомнит о своих розах, а там и о Кае да и убежит от неё.

Потом старушка повела Герду в цветник. Тут были цветы всех родов и всех времён года. Во всём свете не нашлось бы книжки с картинками пестрее, красивее этого цветника. Герда прыгала от радости и играла среди цветов, пока солнце не село за высокими вишнёвыми деревьями. Тогда её уложили в чудесную постельку с красными шёлковыми перинками, набитыми голубыми фиалками. Девочка заснула, и ей снились сны, какие видит разве королева в день своей свадьбы.

На другой день Герде опять позволили играть в чудесном цветнике на солнце. Так прошло много дней. Герда знала теперь каждый цветочек, но как ни много их было, ей всё-таки казалось, что какого-то недостаёт, только какого же? Раз она сидела и рассматривала соломенную шляпу старушки, расписанную цветами; самым красивым из них как раз была роза — старушка забыла её стереть, когда загнала живые розы в землю. Вот что значит рассеянность!

— Как! Тут нет роз? — сказала Герда и сейчас же побежала искать их на грядках.

Искала, искала, да так их и не нашла.

Тогда девочка опустилась на землю и заплакала. Тёплые слёзы упали как раз на то место, где стоял прежде один из розовых кустов, и как только они смочили землю, куст мгновенно вырос из неё, такой же цветущий, как прежде.

Герда обвила его ручонками, принялась целовать цветы и вспомнила о тех чудных розах, что цвели у неё дома, а вместе с тем и о Кае.

— Как же я замешкалась! — сказала девочка. — Мне ведь надо искать Кая!.. Не знаете ли вы, где он? — спросила она у роз. — Верите ли вы тому, что он умер и не вернётся больше?

— Он не умер! — сказали розы. — Мы ведь были под землёй, где все умершие, но Кая меж ними не было.

— Спасибо вам! — сказала Герда и пошла к другим цветам, заглядывала в их чашечки и спрашивала: — Не знаете ли вы, где Кай?

Но каждый цветок грелся на солнышке и думал только о собственной своей сказке или истории. Много их выслушала Герда, но ни один из цветков не сказал ни слова о Кае.

И Герда пошла к одуванчику, сиявшему в блестящей зелёной траве.

— Ты, маленькое ясное солнышко! — сказала ему Герда. — Скажи, не знаешь ли ты, где мне искать моего названного братца?

Одуванчик засиял ещё ярче и взглянул на девочку. Какую же песенку спел он ей? Увы! И в этой песенке ни слова не говорилось о Кае!

— Был первый весенний день, солнце грело и так приветливо светило на маленький дворик. Лучи его скользили по белой соседней стене, и возле самой стены из зелёной травки выглядывали первые жёлтенькие цветочки, сверкавшие на солнце, словно золотые. Во двор вышла посидеть старушка бабушка. Вот пришла из гостей её внучка, бедная служанка, и крепко поцеловала старушку. Поцелуй девушки дороже золота — он идёт прямо от сердца. Золото на её губах, золото в сердце, золото и на небе в утренний час! Вот и всё! — сказал одуванчик.

— Бедная моя бабушка! — вздохнула Герда. — Верно, она скучает обо мне. Верно, горюет, как горевала о Кае. Но я скоро вернусь и приведу его с собой. Нечего больше и спрашивать цветы — от них ничего не добьёшься, они знают только свои сказки и песенки! — И она побежала в конец сада.

Дверь была заперта, но Герда так долго шатала ржавый засов, что он поддался, дверь отворилась, и девочка так, бо-соножкой, и пустилась бежать по дороге. Раза три она оглядывалась, но никто не гнался за нею.

Наконец она устала, присела на камень и огляделась кругом: лето уже прошло, на дворе стояла поздняя осень, а в чудесном саду старушки, где вечно сияло солнышко и цвели цветы всех времён года, этого не было заметно.

— Господи! Как же я замешкалась! Ведь уж осень на дворе! Тут не до отдыха! — сказала Герда и опять пустилась в путь.

Ах, как ныли её бедные усталые ножки! Как холодно, сыро было вокруг! Длинные листья на ивах совсем пожелтели, туман оседал на них крупными каплями и стекал на землю; листья так и сыпались. Один терновник стоял весь покрытый вяжущими, терпкими ягодами. Каким серым, унылым казался весь мир!

ПРИНЦ И ПРИНЦЕССА

Пришлось Герде опять присесть отдохнуть. На снегу прямо перед ней прыгал большой ворон. Он долго смотрел на девочку, кивая ей головою, и наконец заговорил:

— Кар-кар! Здррравствуй!

Чище этого он выговаривать по-человечески не мог, но, видимо, желал девочке добра и спросил её, куда это она бредёт по белу свету совсем одна. Слово «одна» Герда поняла отлично и сразу почувствовала всё его значение. Рассказав ворону всю свою жизнь, девочка спросила, не видал ли он Кая.

Ворон задумчиво покачал головой и сказал:

— Очень вероятно, очень вероятно!

— Как! Правда? — воскликнула девочка и чуть не задушила ворона поцелуями.

— Потихе, потихе! — сказал ворон. — Я думаю, что это был твой Кай. Но теперь он, верно, забыл тебя со своею принцессой!

— Разве он живёт у принцессы? — спросила Герда.

— А вот послушай, — сказал ворон. — Только мне ужасно трудно говорить по-вашему. Вот если бы ты понимала по-вороньи, я рассказал бы тебе обо всём куда лучше.

— Нет, этому меня не учили, — сказала Герда.

— Ну ничего, — сказал ворон. — Расскажу, как сумею, хоть и плохо.

И он рассказал обо всём, что сам знал:

— В королевстве, где мы с тобой находимся, есть принцесса, такая умница, что и сказать нельзя! Она прочла все газеты на свете и позабыла всё, что в них прочла, — вот какая умница! Раз как-то сидела она на троне — а веселья-то в этом не слишком много, как говорят люди, — и напевала песенку: «Отчего бы мне не выйти замуж?» «А ведь и в самом деле!» — подумала она, и ей захотелось замуж. Но в мужья она хотела выбрать себе такого человека, который бы сумел отвечать, когда с ним заговорят, а не такого, что умел бы только важничать, — это ведь так скучно! И вот барабанным боем созвали всех придворных

дам и объявили им волю принцессы. Все они были очень довольны и сказали: «Вот это нам нравится! Мы и сами недавно об этом думали!» Всё это истинная правда! — прибавил ворон. — У меня при дворе есть невеста — она ручная ворона, — от неё-то я и знаю всё это.

На другой день все газеты вышли с каймой из сердец и с вензелями принцессы. В газетах было объявлено, что каждый молодой человек приятной наружности может явиться во дворец и побеседовать с принцессой; того же, кто будет держать себя вполне свободно, как дома, и окажется всех красноречивее, принцесса изберёт себе в мужа. Да, да! — повторил ворон. — Всё это так же верно, как то, что я сижу здесь перед тобою. Народ повалил во дворец валом, пошла давка и толкотня, но толку не вышло никакого ни в первый, ни во второй день. На улице все женихи говорили отлично, но стоило им перешагнуть дворцовый порог, увидеть гвардию всю в серебре, а лакеев в золоте и вступить в огромные, залитые светом залы, как их брала оторопь. Подступят к трону, где сидит принцесса, да и повторяют только её же последние слова, а ей вовсе не это было нужно. Право, их всех точно опаивали дурманом! А выйдя за ворота, они опять обретали дар слова. От самых ворот до дверей тянулся длинный-длинный хвост женихов. Я сам там был и видел.

— Ну, а Кай-то, Кай? — спросила Герда. — Когда же он явился? И он пришёл свататься?

— Постой! Постой! Теперь мы как раз дошли и до него! На третий день явился небольшой человечек, не в карете, не верхом, а просто пешком, и прямо вошёл во дворец. Глаза его блестели, как твои; волосы у него были длинные, но одет он был бедно.

— Это Кай! — обрадовалась Герда. — Я нашла его! — И она захлопала в ладоши.

— За спиной у него была котомка, — продолжал ворон.

— Нет, это, верно, были его саночки! — сказала Герда. — Он ушёл из дому с санками.

— Очень возможно, — сказал ворон. — Я не разглядел хорошенько. Так вот, моя невеста рассказывала мне, что войдя в дворцовые ворота и увидав гвардию в серебре, а на лестницах лакеев в золоте, он ни капельки не смутился, кивнул головой

и сказал: «Скучненько, должно быть, стоять тут на лестнице, я лучше войду в комнаты!» Залы были залиты светом. Тайные советники и превосходительства расхаживали без сапог, разнося золотые блюда, — торжественнее уж нельзя было! А его сапоги громко скрипели, но он этим не смущался.

— Это, наверно, Кай! — воскликнула Герда. — Я знаю, что на нём были новые сапоги. Я сама слышала, как они скрипели, когда он приходил к бабушке.

— Да, они-таки скрипели порядком, — продолжал ворон. — Но он смело подошел к принцессе. Она сидела на жемчужине величиною с колесо прялки, а кругом стояли придворные дамы со своими служанками и служанками служанок и кавалеры с камердинерами, слугами камердинеров и прислужниками камердинерских слуг. Чем ближе кто-нибудь стоял к дверям, тем важнее, надменнее держался. На прислужника камердинерских слуг, стоявшего в самых дверях, нельзя было и взглянуть без дрожи — такой он был важный!

— Вот страх-то! — сказала Герда. — А Кай всё-таки женился на принцессе?

— Не будь я вороном, я бы сам женился на ней, хоть я и помолвлен. Он вступил с принцессой в беседу и говорил так же хорошо, как я, когда говорю по-вороньи, — так, по крайней мере, сказала мне моя ручная невеста. Держался он вообще очень свободно и мило, и заявил, что пришёл не свататься, а только послушать умные речи принцессы. Ну и вот, она ему понравилась, он ей тоже.

— Да-да, это Кай! — сказала Герда. — Он ведь такой умный! Он знал все четыре действия арифметики, да ещё с дробями! Ах, проводи же меня во дворец!

— Легко сказать, — отвечал ворон, — да как это сделать? Постой, я поговорю с моей ручной невестой, она что-нибудь придумает и посоветует нам. Ты думаешь, что тебя вот так прямо и впустят во дворец? Как же, не очень-то впускают таких девочек!

— Меня впустят! — сказала Герда. — Когда Кай услышит, что я тут, он сейчас же прибежит за мною.

— Подожди меня тут у решётки, — сказал ворон, повертел головой и улетел.

Вернулся он уже совсем под вечер и закаркал:

— Кар, кар! Моя невеста шлёт тебе тысячу поклонов и вот этот маленький хлебец. Она стащила его в кухне — там их много, а ты, верно, голодна!.. Ну, во дворец тебе не попасть: ты ведь босая — гвардия в серебре и лакеи в золоте ни за что не пропустят тебя. Но не плачь, ты всё-таки попадёшь туда. Невеста моя знает, как пройти в спальню принцессы с чёрного хода, и знает, где достать ключ.

И вот они вошли в сад, пошли по длинным аллеям, где один за другим падали осенние листья, и когда все огоньки в дворцовых окнах погасли, ворон провёл девочку в маленькую полуотворенную дверцу.

О, как билось сердечко Герды от страха и нетерпения! Точно она собиралась сделать что-то дурное, а ведь она только хотела узнать, не здесь ли её Кай! Да, да, он, верно, здесь! Герда так живо представляла себе его умные глаза, длинные волосы; она ясно видела, как он улыбался ей, когда они, бывало, сидели рядышком под кустами роз. Он, вероятно, обрадуется, когда увидит её, услышит, на какой длинный путь решилась она ради него, и узнает, как горевали о нём все домашние! Ах, она была просто вне себя от страха и радости.

Но вот они и на площадке лестницы. На шкафу горела лампочка, а на полу сидела ручная ворона и осматривалась по сторонам. Герда присела и поклонилась, как учила её бабушка.

— Мой жених рассказывал мне о вас столько хорошего, барышня! — сказала ручная ворона. — И ваша жизнь также очень трогательна! Не угодно ли вам взять лампу, а я пойду вперёд. Мы пойдём прямой дорогой, тут мы никого не встретим.

— А мне кажется, кто-то идёт за нами, — сказала Герда, и в ту же минуту мимо неё с лёгким шумом промчались какие-то тени: лошади с развевающимися гривами и тонкими ногами, охотники, дамы и кавалеры верхами.

— Это сны! — сказала ручная ворона. — Тем лучше для нас, удобнее будет рассмотреть спящих.

Тут они вошли в первую залу, где стены были обиты розовым атласом, затканым цветами. Мимо девочки опять пронеслись сны, но так быстро, что она не успела и рассмотреть всадников. Одна зала была великолепнее другой. Герда была совсем

ослеплена этой роскошью. Наконец они дошли до спальни. Потолок напоминал верхушку огромной пальмы с драгоценными хрустальными листьями; с середины его спускался толстый золотой стебель, на котором висели две кровати в виде лилий. Одна была белая, в ней спала принцесса, другая — красная, и в ней Герда надеялась найти Кая. Девочка слегка отогнула один из красных лепестков и увидела тёмно-русый затылок. Это Кай! Она громко назвала его по имени и поднесла лампу к самому его лицу. Сны с шумом умчались прочь; принц проснулся и повернул голову... Ах, это был не Кай!

Принц ходил на него только с затылка, но был так же молод и красив. Из белой лилии выглянула принцесса и спросила, что случилось. Герда заплакала и рассказала всю свою историю, упомянув и о том, что сделали для неё вороны.

— Ах ты бедняжка! — сказали принц и принцесса, похвалили ворон, объявили, что ничуть не гневаются на них — только пусть они не делают этого впредь, — и захотели даже наградить их.

— Хотите быть вольными птицами? — спросила принцесса. — Или желаете занять должность придворных ворон, на полном содержании из кухонных остатков?

Ворон с вороной поклонились и попросили должности при дворе — они подумали о старости и сказали:

— Хорошо ведь иметь верный кусок хлеба на старости лет!

Принц встал и уступил свою постель Герде; больше он пока ничего не мог для неё сделать. А она сложила ручки и подумала: «Как добры все люди и животные!» — закрыла глазки и сладко заснула. Сны опять прилетели в спальню, но теперь они везли на маленьких саночках Кая, который кивал Герде головою. Увы, всё это было лишь во сне и исчезло, как только девочка проснулась.

На другой день её одели с ног до головы в шёлк и бархат и позволили ей оставаться во дворце, сколько она пожелает.

Девочка могла жить да поживать тут припеваючи, но она прогостила всего несколько дней и стала просить, чтобы ей дали повозку с лошадей и пару башмаков — она опять хотела пуститься разыскивать по белу свету своего названного брата.

Ей дали и башмаки, и муфту, и чудесное платье, а когда она

протислась со всеми, к воротам подъехала карета из чистого золота, с сияющими, как звёзды, гербами принца и принцессы; у кучера, лакеев и фореиторов — ей дали и фореиторов — красовались на головах маленькие золотые короны.

Принц и принцесса сами усадили Герду в карету и пожелали ей счастливого пути.

Лесной ворон, который уже успел жениться, провожал девочку первые три мили и сидел в карете рядом с нею — он не мог ехать, сидя спиной к лошадям. Ручная ворона сидела на воротах и хлопала крыльями. Она не ехала провожать Герду, потому что страдала головными болями, с тех пор как получила должность при дворе и слишком много ела. Карета битком была набита сахарными крендельками, а ящик под сиденьем — фруктами и пряниками.

— Прощай! Прощай! — закричали принц и принцесса.

Герда заплакала, ворона тоже. Тяжёлое было расставанье! Ворон взлетел на дерево и махал чёрными крыльями до тех пор, пока карета, сиявшая, как солнце, не скрылась из виду.

История пятая

МАЛЕНЬКАЯ РАЗБОЙНИЦА

Вот Герда въехала в тёмный лес, в котором жили разбойники; карета горела как жар, она резала разбойникам глаза, и они этого не потерпели.

— Золото! Золото! — закричали они, схватив лошадей под уздцы, убили маленьких фореиторов, кучера и слуг и вытащили из кареты Герду.

— Ишь какая славенькая, жирненькая! Орешками откормлена! — сказала старуха разбойница с длинной жёсткой бородой и мохнатыми, нависшими бровями. — Жирненькая, что твой барашек! Ну-ка, какова на вкус будет?

И она вытащила острый сверкающий нож. Вот ужас!

— Ай! — закричала она вдруг: её укусила за ухо её собственная дочка, которая сидела у неё за спиной и была такая необузданная и своевольная, что просто любо. — Ах ты дрянная девчонка! — закричала мать, но убить Герду не успела.

— Она будет играть со мной, — сказала маленькая разбойница. — Она отдаст мне свою муфту, своё хорошенькое платьице и будет спать со мной в моей постельке.

И девочка опять так укусила мать, что та подпрыгнула и завертелась на одном месте. Разбойники захохотали.

— Ишь как пляшет со своей девчонкой!

— Я хочу сесть в карету! — закричала маленькая разбойница и настояла на своём — она была ужасно избалована и упряма.

Они уселись с Гердой в карету и помчались в чащу леса.

Маленькая разбойница была ростом с Герду, но сильнее, шире в плечах и гораздо смуглее. Глаза у неё были совсем чёрные, но какие-то печальные. Она обняла Герду и сказала:

— Они тебя не убьют, пока я не рассержусь на тебя. Ты, верно, принцесса?

— Нет, — отвечала девочка и рассказала, что пришлось ей испытать и как она любит Кая.

Маленькая разбойница серьёзно поглядела на неё, слегка кивнула головой и сказала:

— Они тебя не убьют, даже если я и рассержусь на тебя, — я лучше сама убью тебя!

И она отёрла слёзы Герде, а потом спрятала обе руки в её хорошенькую мягкую тёплую муфточку.

Вот карета остановилась; они въехали во двор разбойничьего замка.

Он весь был в огромных трещинах; из них вылетали вёроны и ворёны. Откуда-то выскочили огромные бульдоги; казалось, каждый из них легко проглотит человека, но они только высоко подпрыгивали в воздух и даже не лаяли — это было запрещено. Посреди огромной залы с полуразвалившимся, покрытыми копотью стенами и каменным полом пылал огонь. Дым подымался к потолку и сам должен был искать себе выход. Над огнём кипел в огромном котле суп, а на вертелах жарились зайцы и кролики.

— Ты будешь спать вместе со мной вот тут, возле моего маленького зверинца, — сказала Герде маленькая разбойница.

Девочек накормили, напоили, и они ушли в свой угол, где была постлана солома, накрытая коврами. Повыше сидело на

жёрдочках больше сотни голубей. Все они, казалось, спали, но, когда девочки подошли, слегка зашевелились.

— Все мои! — сказала маленькая разбойница, схватила одного голубя за ноги и так трянула его, что тот забил крыльями. — На, поцелуй его! — крикнула она, ткнув голубя Герде прямо в лицо. — А вот тут сидят лесные плутишки, — продолжала она, указывая на двух голубей, сидевших в небольшом углублении в стене, за деревянную решёткой. — Эти двое — лесные плутишки. Их надо держать взаперти, не то живо улетят! А вот и мой милый старичина-бляшка! — И девочка потянула за рога привязанного к стене северного оленя в блестящем медном ошейнике. — Его тоже нужно держать на привязи, иначе удерёт! Каждый вечер я щекочу его под шеей своим острым ножом — он до смерти этого боится.

С этими словами маленькая разбойница вытащила из расщелины в стене длинный нож и провела им по шее оленя. Бедное животное забрыкалось, а девочка захохотала и потащила Герду к постели.

— Разве ты спишь с ножом? — спросила её Герда.

— Всегда! — отвечала маленькая разбойница. — Как знать, что может случиться! Но расскажи мне ещё раз о Кая и о том, как ты пустилась странствовать по белу свету.

Герда рассказала. Лесные голуби в клетке тихо ворковали; другие голуби уже спали. Маленькая разбойница обвила одною рукой шею Герды — в другой у неё был нож — и захрапела, но Герда не могла сомкнуть глаз, не зная, убьют её или оставят в живых.

Вдруг лесные голуби проворковали:

— Курр! Курр! Мы видели Кая! Белая курица несла на спине его санки, а он сидел в санях Снежной королевы. Они летели над лесом, когда мы, птенчики, ещё лежали в гнезде. Онадохнула на нас, и все умерли, кроме нас двоих. Курр! Курр!

— Что вы говорите! — воскликнула Герда. — Куда же полетела Снежная королева? Знаете?

— Она полетела, наверно, в Лапландию — ведь там вечный снег и лёд. Спроси у северного оленя, что стоит тут на привязи.

— Да, там вечный снег и лёд. Чудо как хорошо! — сказал

северный олень. — Там прыгаешь себе на воле по огромным блестящим ледяным равнинам. Там раскинут летний шатёр Снежной королевы, а постоянные её чертоги — у Северного полюса, на острове Шпицберген.

— О Кай, мой милый Кай! — вздохнула Герда.

— Лежи смирно, — сказала маленькая разбойница. — Не то я пырну тебя ножом!

Утром Герда рассказала ей, что слышала от лесных голубей. Маленькая разбойница серьёзно посмотрела на Герду, кивнула головой и сказала:

— Ну, так и быть!.. А ты знаешь, где Лапландия? — спросила она затем у северного оленя.

— Кому же и знать, как не мне! — отвечал олень, и глаза его заблестели. — Там я родился и вырос, там прыгал по снежным равнинам.

— Так слушай, — сказала Герде маленькая разбойница. — Видишь, все наши ушли, дома одна мать; немного погодя она хлебнёт из большой бутылки и вздремнёт, тогда я кое-что сделаю для тебя.

Потом, когда старуха хлебнула из своей бутылки и захрапела, маленькая разбойница подошла к северному оленю и сказала:

— Ещё долго можно было бы потешаться над тобой! Уж больно ты бываешь уморительным, когда тебя щекочут острым ножом. Ну, да так и быть! Я отвяжу тебя и выпущу на волю. Ты можешь убежать в свою Лапландию, но должен за это отвезти ко дворцу Снежной королевы вот эту девочку — там её названный брат. Ты ведь, конечно, слышал, что она рассказывала? Она говорила довольно громко, а ты всегда подслушиваешь.

Северный олень подпрыгнул от радости. Маленькая разбойница посадила на него Герду, крепко привязала её ради осторожности и даже подсунула под неё мягкую подушечку, чтобы ей удобнее было сидеть.

— Так и быть, — сказала она затем, — возьми назад свои меховые сапожки — будет ведь холодно! А муфту уж я оставлю себе, больно она хороша. Но мёрзнуть я тебе не дам: вот огромные рукавицы моей матери, они дойдут тебе до самых

локтей. Сунь в них руки! Ну вот, теперь руками ты похожа на мою безобразную мать.

Герда плакала от радости.

— Терпеть не могу, когда хнычут! — сказала маленькая разбойница. — Теперь ты должна радоваться. Вот тебе ещё два хлеба и окорок, чтобы тебе не пришлось голодать.

И то и другое было привязано к оленю.

Затем маленькая разбойница отворила дверь, заманила собак в дом, перерезала своим острым ножом верёвку, которою был привязан олень, и сказала ему:

— Ну, живо! Да береги смотри девочку.

Герда протянула маленькой разбойнице обе руки в огромных рукавицах и попрощалась с нею. Северный олень пустился во всю прыть через пни и кочки по лесу, по болотам и степям. Волки выли, вороны каркали.

Уф! Уф! — послышалось вдруг с неба, и оно словно зачихало огнём.

— Вот моё родное северное сияние! — сказал олень. — Гляди, как горит!

И он побежал дальше, не останавливаясь ни днём, ни ночью. Хлебы были съедены, ветчина тоже, и вот они очутились в Лапландии.

История шестая

ЛАПЛАНДКА И ФИНКА

Олень остановился у жалкой избушки. Крыша спускалась до самой земли, а дверь была такая низенькая, что людям приходилось проползать в неё на четвереньках.

Дома была одна старуха лапландка, жарившая при свете жировой лампы рыбу. Северный олень рассказал лапландке всю историю Герды, но сначала рассказал свою собственную — она казалась ему гораздо важнее.

Герда же так окоченела от холода, что и говорить не могла.

— Ах вы бедняги! — сказала лапландка. — Долгий же вам ещё предстоит путь! Придётся сделать сто миль с лишним, пока

доберётесь до Финляндии, где Снежная королева живёт на даче и каждый вечер зажигает голубые бенгальские огни. Я напишу два слова на сушёной треске — бумаги у меня нет, а вы снесёте её финке, которая живёт в тех местах и лучше моего сумеет научить вас, что надо делать.

Когда Герда согрелась, поела и попила, лапландка написала два слова на сушёной треске, велела Герде хорошенько беречь её, потом привязала девочку к спине оленя, и тот снова помчался.

Уф! Уф! — послышалось опять с неба, и оно стало выбрасывать столбы чудесного голубого пламени. Так добежал олень с Гердой и до Финляндии и постучался в дымовую трубу финки — у неё и дверей-то не было.

Ну и жара стояла в её жильё! Сама финка, низенькая толстая женщина, ходила полуголая. Живо стащила она с Герды платье, рукавицы и сапоги, иначе девочке было бы жарко, положила оленю на голову кусок льда и затем принялась читать то, что было написать на сушёной треске.

Она прочла всё от слова до слова три раза, пока не заучила наизусть, и потом сунула треску в котёл с супом — рыба ведь ещё годилась в пищу, а у финки ничего даром не пропадало.

Тут олень рассказал сначала свою историю, а потом историю Герды. Финка мигала своими умными глазками, но не говорила ни слова.

— Ты такая мудрая женщина... — сказал олень. — Не изговоришь ли ты для девочки такое питьё, которое бы дало ей силу двенадцати богатырей? Тогда бы она одолела Снежную королеву!

— Силу двенадцати богатырей! — сказала финка. — Да, много в этом толку!

С этими словами она взяла с полки большой кожаный свиток и развернула его: на нём стояли какие-то удивительные письмена.

Финка принялась читать их и читала до того, что пот градом покатился с её лба.

Олень опять принялся просить за Герду, а сама Герда смотрела на финку такими умоляющими, полными слёз глазами,

что та опять заморгала, отвела оленя в сторону и, меняя ему на голове лёд, шепнула:

— Кай в самом деле у Снежной королевы, но он вполне доволен и думает, что лучше ему нигде и быть не может. Причиной же всему осколки зеркала, что сидят у него в сердце и в глазу. Их надо удалить, иначе Снежная королева сохранит над ним свою власть.

— А не можешь ли ты дать Герде что-нибудь такое, что сделает её сильнее всех?

— Сильнее, чем она есть, я не могу её сделать. Не видишь разве, как велика её сила? Не видишь, что ей служат и люди и животные? Ведь она босая обошла полсвета! Но она не должна от нас узнать о своей силе, что живёт в её сердце; её сила в том, что она невинный милый ребёнок. Если она сама не сможет проникнуть в покои Снежной королевы и извлечь из сердца Кая осколки, то мы и подавно ей не поможем! В двух милях отсюда начинается сад Снежной королевы. Отнеси туда девочку, спусти у большого куста, покрытого красными ягодами, и, не мешкая, возвращайся обратно.

С этими словами финка посадила Герду на спину оленя, и тот бросился бежать со всех ног.

— Ай, я без тёплых сапог! Ай, я без рукавиц! — закричала Герда, очутившись на морозе.

Но олень не смел остановиться, пока не добежал до куста с красными ягодами.

Тут он спустил девочку, поцеловал её в самые губы, и по щекам его покатались крупные блестящие слёзы. Затем он стрелой пустился назад.

Бедная девочка осталась одна на трескучем морозе, без башмаков, без рукавиц.

Она побежала вперёд что было мочи. Навстречу ей нёсся целый полк снежных хлопьев, но они не падали с неба — небо было совсем ясное и на нём пылало северное сияние, — нет, они бежали по земле прямо на Герду и становились всё крупнее и крупнее. Герда вспомнила большие красивые хлопья под увеличительным стеклом, но эти были куда больше, страшнее и все живые.

Это были передовые отряды войска Снежной королевы. Одни

напоминали собой больших безобразных ежей, другие — сто-головых змей, третьи — толстых медвежат с взъерошенною шерстью. Все они одинаково сверкали белизной, все были живыми снежными хлопьями.

Но Герда смело шла всё вперёд и вперёд и наконец добралась до чертогов Снежной королевы.

Посмотрим же, что было в это время с Каем.

Он и не думал о Герде, а уж меньше всего о том, что она так близко от него.

История седьмая

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В ЧЕРТОГАХ СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЫ И ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ПОТОМ

Стены чертогов были снежные метели, окна и двери были буйные ветры. Сотни огромных зал, смотря по тому, как наметала их вьюга, тянулись одна за другой. Все они были освещены северным сиянием, и самая большая простиралась на много-много миль. Как холодно, как пустынно было в этих белых, ярко сверкающих чертогах! Веселье никогда и не заглядывало сюда. Никогда не устраивались здесь медвежьи балы с танцами под музыку бури, в которых могли бы отличиться грацией и умением ходить на задних лапах белые медведи; никогда не составлялись партии в карты с ссорами и дракою и не сходились на беседу за чашкой кофе беленькие кумушки-лисички — нет, никогда никто!

Холодно, пустынно, мертво и грандиозно! Северное сияние вспыхивало и горело так правильно, что можно было с точностью рассчитать, в какую минуту свет усилится и в какую ослабеет. Посреди самой большой пустынной снежной залы находилось замёрзшее озеро. Лёд треснул на нём на тысячи кусков, таких одинаковых и правильных, что это казалось каким-то фокусом. Посреди озера восседала Снежная королева, когда бывала дома, говоря, что сидит на зеркале разума; по её мнению, это было единственное и лучшее зеркало на свете.

Кай совсем посинел, почти почернел от холода, но не замечал этого — поцелуй Снежной королевы сделали его не-

чувствительным к холоду, да и самоё сердце его было куском льда. Кай возился с плоскими остроконечными льдинами, укладывая их на всевозможные лады. Есть ведь такая игра — складывание фигур из деревянных дощечек, которая называется китайской головоломкой. Кай тоже складывал разные затейливые фигуры, но из льдин, и это называлось ледяной игрой разума. В его глазах эти фигуры были чудом искусства, а складывание их — занятием первостепенной важности. Это происходило оттого, что в глазу у него сидел осколок волшебного зеркала. Он складывал из льдин целые слова, но никак не мог сложить того, что ему особенно хотелось, — слово «вечность». Снежная королева сказала ему: «Если ты сложишь это слово, ты будешь сам себе господин, и я подарю тебе весь свет и пару новых коньков». Но он никак не мог его сложить.

— Теперь я полечу в тёплые края, — сказала Снежная королева.

И она улетела, а Кай остался один в необозримой пустынной зале, смотрел на льдины и всё думал, думал, так что в голове у него трещало. Он сидел на одном месте, такой бледный, неподвижный, словно неживой. Можно было подумать, что он замёрз.

В это время в огромные ворота, в которые вечно дули буйные ветры, входила Герда. И перед нею ветры улеглись, точно заснули. Она вошла в огромную пустынную ледяную залу и увидела Кая. Она тотчас узнала его, бросилась ему на шею, крепко обняла его и воскликнула:

— Кай, милый мой Кай! Наконец-то я нашла тебя!

Но он сидел всё такой же неподвижный и холодный. Тогда Герда заплакала; горячие слёзы её упали ему на грудь, проникли в сердце, растопили его ледяную кору и расплавили осколок. Кай взглянул на Герду и вдруг залился слезами и плакал так сильно, что осколок вытек из глаза вместе со слезами. Тогда он узнал Герду и обрадовался:

— Герда! Милая Герда!.. Где же это ты была так долго? Где был я сам? — И он оглянулся вокруг. — Как здесь холодно, пустынно!

И он крепко прижался к Герде. Она смеялась и плакала от радости. Да, радость была такая, что даже льдины пустились в

пляс, а когда устали, улеглись и составили то самое слово, которое задала сложить Каю Снежная королева. Сложив его, он мог сделаться сам себе господином да ещё получить от неё в дар весь свет и пару новых коньков.

Герда поцеловала Кая в обе щеки, и они опять зацвели розами; поцеловала его в глаза, и они заблестали, как её; поцеловала его руки и ноги, и он опять стал бодрым и здоровым.

Кай ничуть не страшился прибытия Снежной королевы — его отпускная лежала тут, написанная блестящими ледяными буквами.

Кай с Гердой рука об руку вышли из ледяных чертогов. Они шли и говорили о бабушке, о розах, что цвели в их садике, и перед ними стихали буйные ветры, проглядывало солнце. Когда же они дошли до куста с красными ягодами, там уже ждал их северный олень.

Кай и Герда отправились сначала к финке, отогрелись у неё и узнали дорогу домой, а потом — к лапландке. Та сшила им новое платье, починила свои сани и поехала их провожать.

Олень тоже провожал молодых путников вплоть до самой границы Лапландии, где уже пробивалась первая зелень. Тут Кай и Герда простились с ним и с лапландкой.

Вот перед ними и лес. Запели первые птички, деревья покрылись зелёными почками. Из леса навстречу путникам выехала верхом на великолепной лошади молодая девушка в ярко-красной шапочке и с пистолетом за поясом.

Герда сразу узнала и лошадь — она была когда-то впряжена в золотую карету — и девушку. Это была маленькая разбойница.

Она тоже узнала Герду. Вот была радость!

— Ишь ты, бродяга! — сказала она Каю. — Хотела бы я знать, стоишь ли ты того, чтобы за тобой бегали на край света?

Но Герда потрепала её по щеке и спросила о принце и принцессе.

— Они уехали в чужие края, — отвечала молодая разбойница.

— А ворон? — спросила Герда.

— Лесной ворон умер; ручная ворона осталась вдовой, ходит с чёрной шерстинкой на ножке и жалуется на судьбу. Но всё

это пустяки, а ты вот Расскажи-ка лучше, что с тобой было и как ты нашла его.

Герда и Кай рассказали ей обо всём.

— Ну, вот и сказке конец! — сказала молодая разбойница, пожалала им руки и обещала навестить их, если когда-нибудь заедет в их город.

Затем она отправилась своей дорогой, а Кай и Герда — своей.

Они шли, и по дороге расцветали весенние цветы, зеленела травка. Вот раздался колокольный звон, и они узнали колокольни своего родного города. Они поднялись по знакомой лестнице и вошли в комнату, где всё было по-старому: маятник всё так же стучал «тик-так» и стрелка двигалась по циферблату. Но, проходя в низенькую дверь, они заметили, что стали взрослыми людьми. Цветущие розовые кусты заглядывали с крыши в открытое окошко; тут же стояли их детские стульчики. Кай с Гердой сели каждый на свой и взяли друг друга за руки. Холодное, пустынное великолепие чертогов Снежной королевы было забыто ими как тяжёлый сон.

Так сидели они рядышком, оба уже взрослые, но дети сердцем и душою, а на дворе стояло тёплое благодатное лето.

САДОВНИК И ГОСПОДА

В миле от столицы, посреди старинной усадьбы, стоял красивый барский дом с массивными стенами, башенками и фронтонами. В этом доме жили муж и жена — богатые и знатные дворяне. Они, правда, приезжали сюда только летом, но это было самое любимое их поместье. Дом был красив снаружи, удобен и уютен внутри. Высеченный из камня родовой герб хозяев украшал парадный подъезд. Прекрасные розы обвивали этот герб и поднимались вверх по стене; а перед домом растилась густой ковёр зелени. Рядом с белым и красным боярышником здесь красовались редкостные цветы, которые цвели не только в оранжерее, но и под открытым небом.

Недаром у хозяев усадьбы служил хороший садовник. Цвет-

ник, фруктовый сад, огород — всё это было делом его рук и радовало глаз. За огородом ещё сохранились остатки старого сада, заросшего кустами букса, которые были подстрижены в виде шаров и пирамид. А дальше высились два огромных старых дерева, почти совсем высохших. Издали казалось, что внезапный порыв урагана сверху донизу облепил их голые сучья густыми комьями навоза. На самом деле это был не навоз, а птичьи гнёзда.

В этих гнёздах с незапамятных времён жили крикливые стаи ворон и грачей, которые устроили тут настоящий птичий городок и безраздельно царили в усадьбе. Они ведь были первыми поселенцами в здешних краях, исконными владельцами поместья, его подлинными хозяевами. Двunoгих обитателей усадьбы они просто презирали, хоть и мирились волей-неволей с существованием столь низменных созданий. А те иной раз палили в птиц из ружей, и тогда стаи взъерошенных, перепуганных ворон и грачей взлетали с криком: «Карр! Карр!»

Садовник не раз говорил господам, что надо бы срубить эти деревья — они портят вид сада; а как только их не станет, из сада улетят и крикливые птицы. Но господа и слышать не хотели о том, чтобы лишиться деревьев и птичьего гомона. В старых деревьях и в карканье птиц они видели особую прелесть — печать старины, которую хотели сохранить во что бы то ни стало.

— Деревья перешли к птицам по наследству от предков, так пусть же птицы и владеют ими, добрейший Ларсен! — говорили хозяева. (Ларсеном звали садовника, но для нашей истории это не имеет значения.)

— Разве вам мало места, добрейший Ларсен? В вашем распоряжении цветники и теплицы, фруктовый сад и огород.

Садовник действительно мог распоряжаться цветниками, теплицами, садом и огородом, и он ухаживал за ними, возделывал и пестовал их с усердием и любовью. Господа были этим очень довольны, но не скрывали от садовника, что в других домах их часто угощают такими фруктами и показывают им такие цветы, до которых далеко их собственным цветам и фруктам. Эти слова огорчали садовника, потому что он всем сердцем желал, чтобы сад у его господ был лучший в мире, и ради этого

трудился не покладая рук. Руки у него были умелые, а сердце доброе.

Однажды господа пригласили его к себе и сказали ему ласково и снисходительно, как и подобает господам, что вчера они были в гостях у своих знатных друзей, и те угостили их яблоками и грушами, да такими сочными, такими ароматными, что сами они, хозяева Ларсена, и все остальные гости пришли в восхищение.

— Конечно, — сказали господа, — те фрукты привезены из-за границы.

Но отчего бы Ларсену не попытаться вырастить такие же в их усадьбе. Вот только смогут ли нежные плоды приспособиться к местному климату? По слухам, яблоки и груши, которые господа ели в гостях, были куплены в городе у самого крупного торговца фруктами; к нему-то господа и послали садовника, чтобы разузнать, из какой страны прибыли эти плоды, и выписать оттуда черенки.

Садовник хорошо знал этого торговца, так как по приказу господ продавал ему излишки фруктов из хозяйского сада.

И вот он поехал в город и спросил у торговца, откуда тот получил хвалёные яблоки и груши.

— Из вашего собственного сада! — ответил торговец и показал Ларсену яблоки и груши, которые тот сразу узнал.

Ну и обрадовался садовник! Он поспешил к своим господам и сказал, что яблоки и груши, которые они ели в гостях, — из их собственного сада.

Господа ушам своим не верили.

— Быть не может, Ларсен! — говорили они. — Если вы хотите убедить нас, что это правда, принесите собственноручную расписку торговца фруктами.

И Ларсен принёс её господам.

— Удивительно! — воскликнули они.

Теперь каждый день к господскому столу подавали большие вазы с чудесными яблоками и грушами из их собственного сада. Целыми корзинами рассылались эти фрукты друзьям по соседству, в другие города и даже за границу. Господам это было очень приятно. Однако они никогда не упускали случая напомнить садовнику, что последние две осени погода особенно бла-

гоприятствовала фруктовым садам и у всех садовников был хороший урожай.

Прошло немного времени. Однажды господа были приглашены на обед во дворец. На следующий день они вызвали к себе садовника и рассказали ему, что к королевскому столу подавали необыкновенно сочные и сладкие дыни из собственных королевских теплиц.

— Подите к придворному садовнику, любезный Ларсен, и попросите его дать вам семена этих необыкновенных дынь, хоть немножко.

— Но ведь королевский садовник сам получил от меня эти семена! — радостно воскликнул Ларсен.

— Если так, значит, он сумел вырастить из них превосходные дыни, — заявили господа. — Дыни, поданные к столу, были одна другой лучше!

— Выходит, гордиться надо мне, — сказал Ларсен. — В нынешнем году у королевского садовника дыни не удалась; и вот он увидел, какие чудесные дыни растут в саду вашей милости, отведал их и заказал несколько штук для королевского стола.

— Уж не воображаете ли вы, Ларсен, что за королевским столом подавались дыни из нашего сада?

— Ничуть в этом не сомневаюсь, — ответил Ларсен.

Он пошёл к королевскому садовнику и получил у него свидетельство, в котором было сказано, что дыни, подававшиеся за обедом в королевском замке, были доставлены из сада, принадлежащего господам Ларсена.

Господа были поражены. Они рассказывали об этом случае всем и каждому и всякий раз показывали свидетельство королевского садовника. А семена дынь, как прежде черенки яблонь и груш, они стали рассылать во многие страны.

Тем временем из разных мест приходили вести, что посланные черенки привились, яблони и груши приносят отменные плоды, которые названы по имени родовой господской усадьбы. Название усадьбы писали теперь на английском, немецком и французском языках.

Прежние хозяева усадьбы и мечтать об этом не могли.

— Лишь бы только садовник не возомнил о себе невесть что, — встревожились господа.

Но Ларсен думал совсем о другом: он стремился к тому, чтобы сохранить за собой славу одного из лучших садовников в стране и каждый год создавать какой-нибудь новый отличный сорт плодов или овощей. И он создавал их, но в благодарность за его труды ему часто приходилось слышать, что первые его прославившиеся фрукты — яблоки и груши — были всё-таки самыми лучшими, а все остальные уже не могли с ними сравниться. Дыни, правда, очень вкусны, но всё же далеко не так, как яблоки и груши. Клубника тоже хороша, но не лучше той, которую подают у других господ. А когда однажды у садовника не уродилась редиска, то господа только и говорили, что о неудачной редиске, словно позабыв обо всех других овощах и фруктах своего сада.

Можно было подумать, что господам приятно говорить: «В этом году у вас всё уродилось плохо, добрейший Ларсен!» Они были просто счастливы, твердя: «Ах, как плохо всё у вас уродилось нынче!»

Несколько раз в неделю садовник приносил в комнату свежие букеты, подобранные с удивительно тонким вкусом; в этих букетах каждый цветок, сочетаясь с другими цветами, становился как будто ещё прекраснее.

— У вас хороший вкус, Ларсен, — говорили господа. — Но не забудьте, что этим даром вы обязаны не самому себе, а господу богу.

Однажды садовник принёс господам большую хрустальную вазу, в которой плавал лист кувшинки, а на этом листе, опустив в воду длинный плотный стебелёк, покоился ярко-голубой цветок величиной с подсолнечник.

— Индийский лотос! — воскликнули господа.

В жизни они не видывали подобного цветка. Они приказали днём выставлять его на солнце, а вечером освещать искусственным светом. И каждый, кто видел этот цветок, приходил в восторг, называя его чудом.

Так назвала его даже знатнейшая дама королевства — молодая принцесса. Она была умная и добрая девушка.

Господа сочли для себя честью преподнести принцессе голубой цветок, и она взяла его с собой во дворец. А они спустились в сад посмотреть, нет ли там другого такого же

цветка, но не нашли того, что хотели. Тогда они позвали садовника и спросили, где он достал голубой лотос.

— Мы искали, но не нашли таких цветов ни в оранжерее, ни на клумбах в саду, — сказали они.

— Там их и нет, — улыбнулся садовник. — Этот скромный цветок растёт на грядках в огороде. Но, правда, он необыкновенно красив! Он похож на голубой кактус, а на самом деле это всего лишь цветок артишока.

— Как же вы не сказали нам раньше? — возмутились господа. — Мы думали, что это редкий заморский цветок! Вы осрамили нас перед принцессой! Она пришла в восторг, как только взглянула на цветок, и сказала, что никогда не видела такого растения, а ведь она прекрасно разбирается в ботанике. Но теперь понятно, почему она его не узнала: науке нечего делать в огороде. И как вам могло прийти в голову, милейший Ларсен, принести в комнаты подобный цветок? Теперь над нами будут потешаться!

И прекрасный голубой цветок, сорванный на грядке, был изгнан из господских покоев, где он оказался не к месту. А господа отправились к принцессе извиняться и объясняться, что цветок был обыкновенным огородным растением, которое садовник вздумал поставить в вазу, за что и получил строгий выговор.

— Это грешно и несправедливо! — укоризненно проговорила принцесса. — Он открыл для нас цветок, о котором мы ничего не знали, показал нам красоту там, где мы и не думали её искать! Пока артишоки в цвету, я прикажу придворному садовнику каждый день ставить их в вазу в моей комнате.

Так она и сделала. Тогда господа объявили садовнику, что он снова может поставить в вазу свежий цветок артишока.

— В сущности, цветок и в самом деле красив, — сказали они. — Да, красив, как это ни странно!

И они даже похвалили садовника.

— Он любит, когда его хвалят, — говорили господа. — Он у нас балованное дитя!

Как-то раз осенью поднялась буря. К ночи она так разбушевалась, что вырвала с корнем несколько могучих деревьев на опушке леса. И к большому горю господ (они так и говорили:

«Какое горе!»), но к великой радости садовника, она повалила оба высоких дерева с птичьими гнёздами. Слуги потом рассказывали, что к завыванию бури примешивались крики грачей и ворон, которые бились крыльями в оконные стёкла.

— Ну, теперь вы рады, Ларсен, — сказали господа. — Буря сломала деревья, и птицы улетели в лес. Ничто здесь больше не напоминает о старине: от неё не осталось и следа. Нас это глубоко огорчает!

Садовник ничего не ответил господам. Он молча лелеял мечту о том, как он возделает теперь прекрасный, солнечный участок земли, к которому прежде не смел прикоснуться, и превратит его в украшение всего сада на радость своим господам.

Вывранные бурей деревья, падая, смяли и поломали старые буксовые кусты, и садовник посадил на их месте простые полевые и лесные растения родной земли. Ни один садовник, кроме Ларсена, не решился бы посадить в господском саду подобные растения. А Ларсен каждому отвёл подходящий для него участок на солнце или в тени — как кому было нужно. Землю он возделывал с любовью, и земля щедро отблагодарила его.

Здесь поднялся уроженец шотландских пустошей — можжевельник, похожий цветом и очертаниями на итальянский кипарис. Расцвёл блестящий колючий терновник, одетый зеленью и зимой и летом. А кругом пышно разросся папоротник разных видов, то напоминавший миниатюрные пальмы, то казавшийся предком нежного прекрасного растения, которое мы называем «венерины волосы». Здесь цвёл и репейник, который люди обычно презирают, но напрасно, потому что его свежие цветы могут служить украшением любого букета. Репейник рос на сухой почве, а ниже, на более влажном месте, зеленел лопух, тоже презираемое всеми растение, хотя его крупные, мощные листья придают ему своеобразную красоту. Королевская свеча — полевое растение с высоким стеблем и яркими цветами — тянулась ввысь, похожая на огромный многосвечный канделябр. Цвели здесь также ясенник, первоцвет, лесной ландыш, белокрыльник и нежная трёхлистная кислица. Любо-дорого было смотреть на всю эту красоту!

А впереди всех, у самой проволочной ограды, расположился ряд карликовых грушевых деревьев, привезённых из Франции.

Погода стояла солнечная, уход за ними был заботливый, и они вскоре стали приносить крупные, сочные плоды — такие же, как и у себя на родине.

На месте двух старых, засохших деревьев садовник водрузил два длинных шеста: один из них был увенчан Даннеброгом — датским флагом, а другой шест летом и осенью был обвит душистыми побегами хмеля; зимой же к нему подвешивали кормушку, чтобы птицам было чем поживиться на рождество.

— Наш Ларсен становится сентиментальным на старости лет, — пожимали плечами господа. — Но он служит нам преданно и честно.

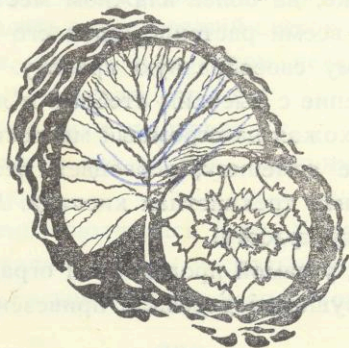
В новогоднем номере одного столичного иллюстрированного журнала появилась гравюра, изображавшая старое поместье. На ней виден был и Даннеброг, и кормушка с рождественским угощением для птиц, а подпись гласила: «Какая это прекрасная мысль — возродить давний обычай, столь характерный для подобной старинной усадьбы!»

— Что бы наш Ларсен ни придумал, об этом сейчас же раззвонят по всему свету! — удивлялись господа. — Прямо счастливцев какой-то! Право, нам, чего доброго, придётся ещё гордиться тем, что он служит у нас.

Но они, разумеется, и не думали этим гордиться, ибо никогда не забывали, что они знатные господа, а значит, могут в любую минуту прогнать Ларсена, если им вздумается. Но они его не прогоняли, это были добрые люди, а таких добрых людей на белом свете очень много, к счастью для разных там Ларсенов.

Вот и вся история о садовнике и господах.

Поразмысли-ка о ней на досуге.

3 р. 20 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»